

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Кристина Кармалита
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

12/2020

Содержание

ПРОЗА

- Владимир ЧОЛОКЯН. Железный повод.** Роман. *Окончание.* 3
Роман ГОРЕПЁКИН. Калмык. Повесть. 63
Игорь КОЖУХОВ. Беседы по душам. Рассказы. 110

ПОЭЗИЯ

- Дмитрий МЕЛЬНИКОВ. Зима с тобой.** Стихи. 57
Ганна ШЕВЧЕНКО. «За хохлому, березы и абсурд». Стихи. 106
Виктор САЙДАКОВ. Горькие мальвы. Стихи. 119

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Павел ОРЛОВ. Сибирские бронепоезда. Боевые маршруты.** 122
**Фарида ГРЕШНОВА. Женщины-пожарные в годы Великой
Отечественной войны в Новосибирске и Новосибирской области.** ... 142

Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет

- Валерия ДРУЖИНИНА. Коллекция из детства.**
*Елочные украшения в фондах Новосибирского
государственного краеведческого музея.* 147

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Глеб ШУЛЬПЯКОВ. За год до войны.**
Отрывок из новой книги о Константине Батюшкове. 163
Константин КОМАРОВ. Без шансов на победу. 173

Картинная галерея «Сибирских огней»

- Сергей МАТЮШЕНКО. Терпение и труд.**
О творчестве Юрия Лукашина. 185

Содержание журнала за 2020 год 187

Авторы номера 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Владимир ЧОЛОКЯН

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОВОД

Р о м а н *

Глава 20

Вжимаясь в торцевую стенку вагона, Иван не чувствовал холода металла. Его не волновали ни грязные разводы на стене, ни угольная крошка, коей обильно был приправлен рифленый пол. Главной задачей на ближайший час стало не вымокнуть насквозь. Попавший в какой-то зеленый коридор состав, действительно, почти не стоял и двигался с приличной для товарняка скоростью. Вот только откуда ни возмись, со всех сторон света, вдруг слетелись тучи разной степени тучности и заволокли небо так плотно, что снова стемнело. Было понятно, что грядет нечто неприятное. Но надежда на что-то, быть может, на смену направления движения, все еще теплилась. Тем более пауза была выдержана поистине театральная.

А потом полило. Борты полувагона заслоняли от косою дождя. Однако, забившись в угол, все равно не спасешься: струи воды проникают через надорванный сварочный шов, льются откуда-то сверху, с кромки. Сложно было даже примерно оценить масштабы проблемы — серая пелена туч с темно-синими переливами не сулила ничего обнадеживающего.

В такой ситуации очень не хватало крыши над головой, и у Ивана вертелся в мыслях образ вагона-теплушки с незапертой дверью, куда б он сейчас без лишних раздумий забрался. Потрескивала бы свежими сосновыми дровами буржуйка, пахло бы сеном, а от сухости щипало в носу. Подобные вагоны, правда, вряд ли пережили первую послевоенную пятилетку, но Иван взял их откуда-то: из зернистой хроники и военных фильмов. Виктор же умудрился каким-то образом уснуть в позе зародыша, обхватив ранец плотным кольцом рук, так что дождь его, кажется, совсем не напрягал. Когда лить начинало менее интенсивно, Иван занимался физической активностью: бегал от края до края вагона, размахивал руками, приседал — в общем, делал все, чтобы согреться.

- Чего скачешь? — приоткрыв глаза, спросил Виктор.
- Греюсь. Еще скажи, ты не замерз.
- Не замерз.

---

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2020, № 10, № 11.

— Очень странно, — удивился Иван.

Трудно отследить, через какое время, но поезд стал чаще останавливаться на пустынных перегонах. Пропускали фирменный экспресс, украшенный синими линиями по белому, пару раз обычные пассажирские составы. Один раз пришлось даже уступить более удачливому товарняку. Наконец дождь перестал лить горохом и напоследок швырял гречневую крупу.

Состав оказался в середине какой-то большой станции. Воспользовавшись долгой стоянкой, Виктор достал из ранца шпроты, пачку одно-разовых пластиковых вилок, откупорил консервы перочинным ножом.

— Завтрак гурмана, — нашел он силы пошутить.

— С вилками самое то, — ответил Иван и поймал хвост кильки на пластиковый ус вилок.

Стоящий рядом товарняк принялись обстукивать путейцы. Заглядывать в вагон они, конечно, не станут, но все же для приличия надо было притихнуть. Стук отдалился и пропал как раз к завершению трапезы. Банку решили выбросить в угол, рассудив, что это не равносильно загрязнению улицы.

— Надо пересаживаться на другой состав, — предложил Иван.

— Зачем?

— Этот полдня может простоять, если не больше.

— Хм, ну-ка...

Виктор перевесился через борт и оглядел станцию. Ничего, кроме путей, вокруг не было видно, административные и прочие постройки оказались очень далеко. Взгляд его упал на соседний товарняк.

— наших вагонов я что-то не наблюдаю.

— Посмотри лучше, нет ли людей, и вылезай, — предложил Иван.

Щебень на железную дорогу сыплют не зря — это хороший способ увести воду и предотвратить размыв пути. По нему было куда приятнее ходить, чем по грязной липкой земле.

— Это хопперы, — заявил Иван, осматривая рядом стоящие вагоны. Хоть где-то он смог применить полученные в ходе чтения интернета знания.

— Что-то многовато их...

— Надо бы понять, где локомотив. А то уедем обратно.

— Пошли хоть куда-нибудь, — устало сказал Виктор.

Прошагав метров сто, Иван вдруг остановился. Виктор ушел немного вперед, прежде чем опомнился.

— Ну?

— Это крытые вагоны, смотри. Как теплушки в войну были, только новые, — рассказывал Иван.

— И чё? Нам-то от них какой толк?

— Никакого.

Двигаясь вдоль целого ряда крытых вагонов, Иван смотрел на массивные замки. Никакого шанса попасть внутрь не было — тем более взлом есть уголовная, а не административная статья. Пути постепенно расходились, оголяя большую поляну, где лежали друг на друге старые

шпалы, полосы бурых от ржавчины рельсов и разбросанные повсюду тормозные башмаки, очевидно изношенные. Предстояло решить вопрос: оставаться со своим поездом или двигаться вдоль другого в надежде найти полувагон?

— Так что, куда? — делегировал сложный выбор товарищу Виктор.

— Наш долго будет стоять, а этот путейцы уже обошли. Значит, скоро поедет.

— Вагоны-то не те, — заметил Виктор.

— Вижу. Давай еще поглядим.

Крытые вагоны сменялись цистернами. Идти дальше не имело смысла. Иван стал это понимать, но ничего не говорил. Виктора же это не очень-то и заботило, он просто шел следом и вполголоса читал надписи на вагонах.

— О, гляди. Депо приписки.

— И? — не понял Иван.

— Что написано?

— «Ростов-Пасс.», — прочитал Иван.

— Значит, наш клиент, — обрадовался Виктор.

— На заборе тоже написано.

Иван уже знал, что хочет ехать именно на этом поезде, и съязвил просто так. Когда-то он замечал у вагонов небольшие крытые площадки — и теперь надеялся такую отыскать. Для дальних передвижений это объективно опасный выбор, но стоять на месте — еще хуже. Тем более там хоть и не полноценная крыша, но козырек. Чем не бонус? Время поджимало — машинист инициировал контрольную проверку пневмосистемы, межвагонные сцепки зашипели и издали клацающий звук, означавший зажим и роспуск тормозов.

— Так, давай притопим. Надо найти вагон с площадкой, желательно сзади.

— Дружок, давай-ка лучше наш подождем — мы на таких жердях через час охренеем, — высказал сомнение Виктор.

— Лучше плохо ехать, чем хорошо стоять, — с ходу выдумал поговорку Иван и двинулся трусцой, почти побежал.

Колено при ходьбе по щебенке постанывало. Нужный вагон был все же найден, да не один, а сразу три подряд — и каждый с площадкой. Сбоку площадка не имела никакого ограждения, но если сесть максимально в центр, то дождь заливать не должен. Теоретически.

— Давай в последний, например, — предложил Виктор.

— Не, стой. Нас там будет видно, лучше в центральный.

— Ты серьезно? Они же одинаковые, — удивился Виктор.

— Эти вагоны плотнее стоят, не так заметно сбоку будет, — объяснял Иван, жестикулируя.

Стоило Виктору только ступить на площадку крытого вагона, как она сразу ему не понравилась. Трудно представить себе человека, который вместо простора и безопасности трюма с железными бортами выберет это. По размеру свободное место было меньше пассажирского тамбура, края намочены дождем, а значит, нормально сидеть можно лишь посередине.

Иван занял самый сухой пятак, пытаясь не стеснять товарища, но получалось не очень. Рюкзаки за спиной определенно мешали, так что пришлось класть их в ноги или держать на коленях.

— Может, лучше вернемся, пока не поздно? — не скрывая раздражения, спросил Виктор.

— Поздно, мы почти тронулись.

— Да это тут мы тронемся!

Наконец кое-как уселись. Иван разместился по ходу предполагаемого движения состава, упершись ногами в вагон, так как ширины площадки не хватало, чтобы вытянуть ноги. Виктор примостился так же, только наоборот — ему казалось, что с этого ракурса будет лучше видно обочину, и в случае чего он первый сообщит о чем-нибудь серьезном. Поезд тронулся, Иван криво улыбнулся — направление верное. Виктор же до последнего надеялся, что они поедут назад и спрыгнут как раз возле своего вагона — даже пешком не пришлось бы плестись.

— Чего он так медленно? — не унимался Виктор.

— Мы только поехали.

— Сейчас любой обходчик не просто заметит нас, а даже сможет зайти сюда, без каких-либо усилий.

— У нас все равно не было выбора. Проскочим, потом найдем удобный момент и сменим вагон, — рассудительно заявил Иван.

— Ага, не было...

Через станцию поезд, действительно, двигался медленно. Пару раз они проехали мимо людей в оранжевых жилетах, и лишь в одном случае Виктор точно понял, что их заметили — взгляд молодого щуплого парня, глядевшего из-под каски, ясно пересекся с его взглядом.

— Они ведь могут остановить состав? — спросил Виктор.

— Кто?

— Ну, работники...

— Могут по радиии передать, но вряд ли им это надо.

Виктор опасливо вглядывался в каждый метр дороги. Когда по соседнему пути проплывали ряды вагонов, он чувствовал себя спокойно, но стоило им выехать на чуть более открытый участок — начинал ерзать и тереть ладони.

— Чего ты волнуешься?

— Заметят в два счета. Чего приятного от них бегать?

Не сдержав усмешки, Иван заявил:

— Seriously? Ты вчера по вагонам прыгал и считал это нормальным, а тут сидишь просто. А позавчера мы от целой оравы охранников на заводе еле ноги унесли.

— Пфф, это совсем другое. Чоповцы почти наверняка сидевшие, такие никогда менту не позвонят — скорее сами кабину начистят. А тут... не хватало с полицией еще связываться...

Иван чувствовал, с каким безразличием сам он говорит о подобных вещах, и даже не удивился — что-то в нем надломилось, изменилось, но сложно было локализовать очаг этого слома. Еще недавно он опасался, что кто-то заметит его передвижения и начнет задавать неудобные во-

просы. И вот спустя несколько дней он искренне был готов к встрече не только с работниками железной дороги, но и с полицией. Не очень понятно, свидетельство ли это усталости или так будет продолжаться всегда, но Ивана этот легкий пофигизм радовал.

Без происшествий состав выехал со станции и набрал крейсерскую скорость. Наступила пора скучного ожидания. Дождь закончился, и пыльной темные тучи продолжали доминировать на небе — с этим вполне можно было мириться. А вот с отсутствием бортов — нет. От сидячей позы очень скоро начала ныть спина и по очереди все конечности. Вариантов же смены положения тела узкая площадка не предоставляла. От безысходности Виктор лег на спину, вытянул ноги «на улицу», к подножке — и лежал так довольно долго, обдуваемый всеми встречными ветрами. Иван пробовал сделать так же, но чуть не лишился кроссовок, затянутых для удобства вполсилы. Прекратив эксперименты, он просто периодически вставал и разминался, стараясь не пнуть Виктора.

— И тут нашел, чем заняться. Тьфу... убери копыта свои, с них грязь летит.

Время текло медленно, как смола, но радость от правильно выбранного пути перевешивала скуку. В межвагонном проеме один безликий пейзаж сменялся другим, и трудно было понять, движется поезд на юг или куда-то еще — однообразие ландшафта угнетало, и клонило в сон. Лишь проезжая мимо населенных пунктов, где машинист непременно сбавляя прыть, Иван махал рукой всем встреченным людям, периодически получая какую-то реакцию в ответ: то приветливый взмах, то кивок, а то и средний палец от группы школьников. Виктора не очень занимали такие перформансы, он и не реагировал на них, так как большую часть времени дремал. Иван удивлялся такой неприязнительности, потому что сам мог разве что закрыть глаза на пару минут и потом мгновенно очнуться, когда вагон дернется на кривом участке или лягнет сцепкой, до которой можно дотянуться рукой.

В таком режиме миновало полдня, и вот состав снова остановился на станции, теперь уже маленькой и довольно пустой. Иван выглянул за борт и понял, что находились они прямо напротив какого-то старого здания с пластиковыми окнами, где вполне могли сидеть не особо приветливые люди.

— Что, надолго встали? — спросил Виктор, протирая глаза.

— Думаю, да. Выходи.

На противоположной зданию стороне станции тоже было негусто. Стояло два грузовых поезда, но непонятно, поедут ли они куда-то в ближайшее время. Действовать нужно было решительно, потому что их присутствие могли в любой момент обнаружить. Отправились на разведку. Виктор не переставал озираться и даже двигаться стал как-то иначе, аккуратно ступая на щбенку. Теперь уже Иван ходил вдоль вагонов и читал надписи. Депо приписки у всех было разное: каждый состав — это сборная солянка из всего, что находилось под рукой. Только свежеекрашенные цистерны, принадлежавшие известной нефтяной компании, прицеплены были особняком в конце и выделялись из общей хаотичности.

— Видишь впереди локомотив? — спросил Иван.

— Нет.

— А сзади?

Виктор отошел от состава, чтобы было понятнее.

— Только если там поворот. А так нет.

— Класс...

Снова необходимость выбора и отсутствие всякого желания его делать. Идти на разведку к работникам станции было затеей глупой и даже опасной — когда вы единственные движущиеся объекты на расстоянии в полкилометра, это выглядит несколько подозрительно. Тогда Иван решил сделать просто. Он подошел к довольно чистому, в сравнении с другими, полувагону, залез на лестницу и глянул внутрь.

— Пустой, как заказывали.

— Так оно не поедет ведь никуда — без локомотива?

— Поедет, когда-нибудь.

Иван забрался в трюм вагона. Виктор полез следом, но остановился на лестнице, лишь заглянув внутрь.

— То есть ты просто хочешь тут сидеть и ждать?

— Ну да, — ответил Иван.

— Так а что тебе мешало в первом составе остаться тогда? На хрена мы скачем туда-сюда?

— Приходится скакать, Виктор. Они далеко в любом случае не ходят, постоянно останавливаются.

— Будем сидеть в надежде, что уедем. Неплохо, — заявил Виктор и спрыгнул в вагон.

— Уедем. Давай жрать.

Единственным желанием Ивана было чем-то перекусить. Он достал из своего рюкзака пирожки и, спешно освободив их от полиэтиленового плена, принялся есть. Картошка в них оказалась довольно невкусная и уж точно не соленая, но даже такой обед был весьма кстати. Иван ходил по вагону с блаженным видом, словно помогая организму лучше усвоить пищу. У Виктора не было зверского аппетита, так что он отломил половину пирожка с вишней, в надежде оставшееся доест потом, но, как это часто бывает, все испортил, размазав повидло по рукам. Доев, что оставалось, Виктор полил себе на руку минералки, а затем вытер о куртку.

— Ты воду экономь, — заявил Иван, медленно дожевывая последний кусок, — когда еще купим.

— Да я чутка, а то липнуть будет, — оправдался Виктор.

Усталость давала о себе знать, поэтому Иван довольно быстро освоился в новом вагоне и уснул в углу. Он продолжал слышать, что происходило вокруг, но с каждой минутой это казалось все более далеким. Проехавший мимо электровоз ненадолго его разбудил. Виктор аккуратно высунулся наружу и вслух подтвердил свои догадки:

— Кажется, нас цепляет.

Ивану же просто хотелось немного передохнуть. Любой поезд куда-нибудь да приезжает, поэтому волноваться было не о чем. Даже когда вагон дернулся в нужном направлении и Виктор радостно об этом сообщил,

Иван лишь молча кивнул, не открывая глаз, чтобы не прерывать иллюзию созданного им мира. Проснулся он только под вечер.

— Едем? — поинтересовался Иван.

— Едем куда-то...

Виктор сидел на корточках и курил сигарету. Рядом валялось еще три бычка, что свидетельствовало о преодолении довольно обширного участка пути.

— Много я спал?

— Часа два, может, меньше, — навскидку сказал Виктор.

— Да ладно, стемнело уже.

— Тучи, вот и стемнело.

Казалось, что прошли если не сутки, то часов этак десять. Ивану снова захотелось походить по вагону, и он зашагал, приходя в себя и наблюдая за увядающим небом, где за плотной завесой облаков наверняка тлел красивый оранжевый закат. Он угадывался по светлому пятну над горизонтом, справа по ходу поезда, значит, там был запад, значит, этот перегон направлен прямо на юг, и они летели туда на всех парах.

Странное дело, насколько быстро организм привыкает к новым для него условиям. Уже и грохот колес не казался устрашающим, внимание не концентрировалось на резких дерганьях вагона, а спина будто привыкла к плоскому холодному металлу и не досаждала нытьем. За сегодня они проехали изрядно и еще сколько-то проедут, так что к рассвету будет понятно точное местоположение и оставшееся до моря расстояние.

Единственное, что не давало покоя Ивану, — это количество пропущенных вызовов и содержание СМС-сообщений. Мысли об этом появлялись в самое неподходящее время и наматывались на извилины, как магнитная лента выпотрошенной кассеты наматывается на цепь велосипеда. Наверняка сообщений накопилось несколько десятков и дальше их количество будет только увеличиваться. Достав телефон из внутреннего кармана куртки, Иван зажал клавишу, с растущим трепетом наблюдая за сменой логотипов и кольцом загрузки. Наконец экран блокировки появился, и Иван даже отвернул телефон в сторону, чтобы глаза привыкли к такой высокой яркости.

В сообщениях непрочитанным продолжало висеть старое «Ответь», хотя Иван на него отвечал. Это можно было списать на отсутствие подключения к сети. Ожидая несколько минут, пока модуль связи поймает хотя бы одно деление, Иван стучал носком по борту, сам того не замечая. Это заметил Виктор, как и подсвеченное экраном его лицо, но решил ничего не говорить.

Разблокировав телефон, Иван обнаружил три сообщения. В двух из них оператор желал счастливого пути и оглашал скромный баланс счета, а вот последнее было отправлено с незнакомого номера: «Ты меня любишь?» Прямолинейность формулировки немного удивила Ивана, но был на свете лишь один человек, кто мог ему такое написать. И действительно: сверив номера по списку контактов, он удостоверился, что это сообщение жены. Телефон почему-то не угадал имя. Звонки же и вовсе отсут-

ствовали. Это нельзя было списать на плохую связь, с горем пополам два деления оказались крепко пойманы.

Выходит, никто ему за эти дни не писал и не звонил. Даже Стас, даже... мать? С одной стороны, подобная реакция делала жизнь легче: можно периодически включать телефон и спокойно им пользоваться. С другой же — получалось, он мог просто исчезнуть и никому до этого не было ни малейшего дела? Их вполне устроило сухое «все нормально» и они продолжили жить, копошась в своей глупой рутине?

Иван выключил телефон, спрятал его в карман и еще долго не подходил к Виктору, сверлил глазами темноту сквозь проушину на борту. Получается, все его опасения были напрасными. С этой мыслью оказалось сложно свыкнуться, потому что именно осознание важности им предпринятого было главным топливом и источником сил для дальнейшего существования. Именно желание вырваться из замкнутого круга беспросветной тупости и одинаковости побудило его все бросить и умчаться в неизвестность, стремление показать этим людям, что они живут как животные, не видя белого света, и что есть в мире куда более важные вещи. Он еще не знал, какие, но чувствовал, что находится буквально в шаге от осознания этой поистине великой мысли. Людям же на него было наплевать, им совершенно без разницы, где и как живет их сын, муж, зять и вроде бы друг.

Даже то, что Иван находился в грузовом вагоне с малознакомым человеком, смотрел на бесконечные дали и размышлял о подобном, уже было в десятки, сотни раз важнее, чем любая офисная работа или идиотский досуг за кружкой пива, обрамленный бескостным жалким трепом. Ему стало обидно, что все время он подсознательно хотел доказать это не себе, а своим родственникам и знакомым, словно они следили за ним по видеосвязи, зная о каждом шаге, и строчили бесконечные сообщения с призывами вернуться поскорее домой. Но нет, никто ничего не строчил. Они продолжали жить, как привыкли, только без него, и, видимо, не очень по этому поводу переживали. Хотел остаться один на один со Вселенной — добро пожаловать, ваше желание исполнено. От распирающей обиды Иван прикусил губу, чтобы хоть как-то сдержать вытекающие из глаз водяные капли, соленые на вкус.

— Хорошо идем, — подбадривающим тоном вдруг сказал Виктор.

— Да... Всегда бы так.

Подойдя к лестнице внутри вагона, Иван залез на две перекладины вверх и, держась за борт, шлифовал ветром свое лицо, чтобы вычистить с него остатки грусти и сожаления.

Глава 21

Не зря погоду с древних времен воспевали и возносили на пьедестал ее божественную силу. Философы, поэты, музыканты, художники преклонялись перед природными явлениями, восхищались их красотой и страшлись их гнева. По прошествии веков людям все еще приходится считаться с погодой: самолет не полетит, корабль не пришвартуется, милая девушка

вызовет «юбер» и хмурая поедет домой, не желая гулять с вами по парку без зонтика, который забыла у подруги. Стоит уважительно относиться к погоде, даже спрятавшись от нее за четырьмя стенами и крепкой крышей.

Совершенно непонятно, чем разозлили небеса Виктор и Иван. Это началось внезапно, продолжалось недолго, но эффект...

На часах было едва за полночь, но они уже выпалились. Виктор залез на борт и бесстрашно сидел, свесив ноги. Поезд двигался медленнее обычного, поэтому лицо не так сильно страдало от ветра. Ветер был теплым, бодрящим, и в целом стало по-настоящему чувствоваться приближение лета. Иван лишь иногда выглядывал, если Виктор сообщал о чем-то интересном.

— О, смотри, город какой-то.

— Поселок, какой же это город? — предположил Иван.

— Да нет, город сто пудов.

На деле это оказалась довольно обширная промышленная площадка с множеством ответвлений от основной железнодорожной магистрали. Плоские, современного вида корпуса стелились вдоль линии на сотни метров, мощные прожекторы позволяли разглядеть подробности даже на ходу, в кромешной темноте. С городом такое можно было спутать только на очень приличном расстоянии.

— Ничья, — подвел итог не существовавшего спора Виктор.

Сверкнуло едва уловимо. Иван на мгновение подумал, что они въехали на полустанок и это фонари освещения, но ничего подобного. Тогда он повернулся и хотел спросить у товарища, но в этот момент прозвучал оглушительный грохот, раскаты которого пронзили, кажется, все небо. Виктор дернулся и чуть не навернулся в трюм спиной.

— Это что за херня?

— Да черт знает. Похоже на грозу, — предположил Иван.

— В... мае?

— Прямо по Тютчеву...

Спустившись с борта от греха подальше, Виктор задрал голову и внимательно смотрел, пытаясь вычислить источник звука и сказать нечто умное. Небо же было черным, будто и не было его совсем — что угодно могло на его месте находиться, и об этом никто на земле не догадался бы. Вагон начал вибрировать, через вентиляционные отверстия засвистел ветер. Ураган наступал. Все дальнейшее разворачивалось так быстро, что ни Иван, ни Виктор ничего не успели понять. С окрестных полей потащило пыль, сухие ветки, ошметки травы закрутились вокруг состава, их закидывало внутрь. Многотонный металлический корпус начал болтаться, как игрушечный, что в принципе казалось невозможным.

Затем пошел дождь. Вернее, не пошел, а скорее упал, свалился сверху, успев разогнаться до опасной скорости. В какой-то момент это стало похоже на водопад — нельзя было увидеть руку на расстоянии тридцати сантиметров. Каждая капля, наливная, плотная, лупила по телу, оставляя болезненный след. Очень скоро Иван понял, что это град, и попытался закрыться от потока осадков рюкзаком, но долго копошился, слепо водя руками в попытках его отыскать. Виктор, на-

оборот, накрыл собой ранец и забился в угол, думая, что это поможет. Но поезд замедлил ход и двигался осторожно, подставляя стихии своих попутчиков.

Иван пропустил момент, когда град стал дождем, потому что ничего в целом не изменилось — рюкзак не помогал, не было понятно, с какой стороны его держать. Вихрями крутились капли, перемешанные с пылью, так что шансов избежать их атаки не существовало и оставалось просто принять это и страдать, уповая на быстрое завершение представления. Очень скоро трюм вагона наполнился водой по щиколотку, причем ногам было даже теплее, чем остальному телу. Дренаж явно не справлялся, поэтому вода не убывала. В свете фонарей очередной станции оказалось трудно что-либо различить: мощные лампы отражались в каждой дождевой капле, создавая завесу белого, дрожащего излучения. На его фоне контактный провод электросети опасно извивался над вагоном.

Хлюпяя кроссовками, Иван думал, что даже утопленники чувствуют себя лучше. Как минимум они уже перешли некую очевидную черту, и обилие воды вокруг для них скорее константа. Иван же, не имея возможности как-то повлиять на ситуацию, вынужден был стоически выносить этот тягостный, запредельно нудный поход в аквапарк, где он никогда не был и уж точно теперь не побывает. Виктор замер в одном положении, сохраняя остатки тепла, и относился к происходящему как к чему-то, что могло случиться и случилось. Ведь кто хотел себя обезопасить от капризов природы, тот купил билет в плацкарт и неплохо проводит время. На войне в затопленных окопах деды неделями жили — и ничего.

Дождь резко закончился, и только теперь стало понятно, насколько они вымокли. Ивану не хотелось двигаться. Виктору же было интересно посмотреть, что происходит вокруг.

- Чего там? — спросил Иван.
- То же самое все. Едем.
- Пльвем скорее.
- М-да...

Послышался бас грома откуда-то сзади, уже без устрашающих раскатов. Словно природа благодарила за внимание всех присутствующих, унося ливень навстречу новым жертвам. Почти сразу тучи раздвинулись и оголилась луна, такая яркая и космически спокойная. Иван встал и машинально попытался отряхнуться, но это оказалось бессмысленно — влага пропитала все. Казалось, сдай он сейчас анализы, дождевую воду нашли бы и в крови. Стоило только отделить одежду от тела, как стало колоть холодными спицами по коже, поэтому Иван решил сушить все на себе, пускай мать и грозила ему в детстве, что от такого заболевают. Болезнью после пережитого уже не испугаешь.

- Ну, как искупался? — съязвил Виктор.
- Водичка прохладная, а так ничего.
- Кхр, тьфу... Да, подогрев бы не помешал.

Ивану нравилось, что Виктор продолжал шутить. Оказаться в такой ситуации одному и вовсе было бы ужасно. Состав еще больше сбавил скорость и крался почти по-кошачьи, залезая под автомобильный мост и

стелясь вдоль какого-то поселка. Оранжевые отсветы мигалок привлекли внимание Виктора, и он громко крикнул об увиденном.

— Опа... смотри сюда.

— О-го-го...

Ухватившись за скользкий борт вагона, Иван и Виктор наблюдали, как у соседнего пути стояли машины скорой помощи, пожарный расчет и полицейская «газель». Груз выпотрошенного ЗИЛа разбросало на десятки метров вокруг. Вез он, очевидно, продукцию с птицефабрики, так как везде валялись кассеты от яиц и сами яйца, хорошо видимые на фоне черной земли. Неподалеку кряхтел маневровый тепловоз без каких-либо видимых признаков повреждения.

— Надеюсь, водитель успел выскочить, — сказал Иван, так как больше аварий ненавидел аварии с жертвами, которые активно тиражируются в соцсетях.

— Вроде не видно было.

— Как минимум скорая стояла.

— Скорая, пожарники и менты всегда приезжают на вызов. Это правило, — знающе заявил Виктор.

Но не только авария попала в поле их зрения. Вдоль дороги хаотично раскиданы были ветки деревьев, мусорные пакеты, какие-то мятые коробки. Особенно много было газет или чего-то такого бумажного. В общем, все, что плохо лежало и могло поддаться напору ветра, ему поддалось и улетело. У одного частного дома была проломлена крыша, на ней лежало огромное дерево со множеством ветвей. Но мигалок рядом не было видно, так что жителям предстояло решать проблему самостоятельно. Жителей, правда, тоже не наблюдалось. Местность выглядела пустой, даже шквальный ветер не сумел растормошить ее обитателей. На протяжении всего поселка, пока горели хоть какие-то фонари, взгляд отмечал разрушения от урагана: то перевернутый мусорный контейнер, то очередное упавшее дерево, то покосившийся столб линии электропередачи и беспомощно валяющийся на земле провод.

В очередной раз все затихло. Иван понимал, что начнет мерзнуть, но не подозревал, что так быстро и интенсивно. Стали неметь конечности, спина почему-то сильно ныла, а пальцы на ногах будто отвалились и утекли вместе с водой в дренаж много километров назад.

— Давай жрать, осталось что? — спросил он у Виктора.

— В твоём рюкзаке консервы.

— Они у тебя. Я лапшу только складывал.

— Лапшу доставай. Свой я плотно утрамбовал, чтобы вода не попала — оставим до лучших времен, — ответил Виктор.

— Куда уж лучше...

Отодвинув немного икону, которая удачно прижилась в качестве стенки, разделяющей отсеки рюкзака, Иван достал две пачки лапши и, криво порвав упаковку, стал есть, уронив пакеты со специями.

— Давай одну пока, экономим, — предложил Виктор. По интонации и тембру было слышно, что его зубы отплясывали чечетку, разламывающая брусок лапши рука тряслась. Но Виктор старался вести себя, как будто

нисколько не ооченел. Только закончив хрустеть совершенно безвкусной лапшой, он вдруг встал и начал ходить по вагону, размахивая руками.

— Как ты там это делаешь? Так? — сказал Виктор и завертелся в разные стороны. Его почти не было видно.

— Не совсем. Еще ногами, ногами!

Спрятав недогрызенный кусок сухой лапши во влажный карман, Иван встал, чувствуя боль в колене, и присоединился к разогреву. Они топали по вагону, прыгали и даже бегали из угла в угол по лужам, оставшимся на полу. Это были совершенно раскованные, инстинктивные действия, ведь вокруг никого постороннего, да и сами они друг друга едва различали. На какое-то время физическая активность действительно помогла, причем Виктор сдался раньше, а Иван продолжал изображать бег на месте и даже несколько раз присел. Но против пропитанной водой одежды и прохладного воздуха этого оказалось маловато. Стучали зубами в итоге оба, да так, что Иван и сказать ничего не мог: только выдавливал несвязные междометия. Говорить им, правда, было пока не о чем.

Состав остановился, причем неожиданно резко — вагон трянуло, послышался лязг сцепного устройства и треск тормозных башмаков. Дорога была двухпутная, но никаких признаков жизни ни на обочине, ни вдоль поезда. Тишина очень скоро начала давить на уши, и только неконтролируемый стук зубов разбавлял ее. Иван не выдержал первый.

— Может, пойдем до локомотива дойдем?

— Это зачем еще? — не понял Виктор.

— Постучимся, объясним ситуацию. Пусть хотя бы немного отогреться дадут...

— Ага, так они тебя и пустили. Скажут, в обезьяннике отогреешься.

— Это административка, тебя никто никуда не посадит. Штраф только, — максимально убедительно старался говорить Иван.

— Да это чушь... — Виктор задумался. — Тогда уж надо на станцию идти, кто-то ведь там дежурит по ночам.

— Или так. Посмотри, что там где.

Пространство вокруг поезда было затянуло тьмой так, что соседний вагон казался последним. Выглянувшая в проем между тучами луна скорее мешала, так как освещала испаряющуюся влагу, а не объекты на земле. Иван и Виктор вылезли из вагона и пошли вдоль состава вперед. С обеих сторон торчали деревья, и казалось, что насыпь — лишь тонкий шрам на лице векового леса, который, правда, вполне мог оказаться жиденькой полосой, скрывающей поля от ветров и зноя.

Вагоны и не думали заканчиваться, все проступая и проступая из мрачной туманной завесы. Виктор прикидывал, что можно сказать работникам станции максимально вразумительного, чтобы они и отогрели, и в полицию не позвонили. Как могли оказаться двое с рюкзаками посреди ничего на железной дороге? Все варианты отдавали враньем, граничащим с идиотизмом, так что, видимо, лучше объясниться как есть и уповать на милосердие. Ивану же нравилась идея с машинистами, потому что они казались ему людьми понимающими, даже в чем-то романтиками. Ведь

они своего рода капитаны кораблей дальнего плавания, а какой капитан бросит в беде заплутавшего путешественника?

— Ба-а, смотри, — произнес с удивлением Виктор.

Из тумана проступил вагон-платформа, на котором стоял покрытый камуфляжной сеткой танк. За ним следовала такая же платформа с другим танком. Осторожно продвинувшись вперед, Иван увидел, что и дальше на платформе стояло что-то военное — закрепленная на «Урале» прямоугольная коробка со множеством круглых отверстий.

— Это что, «катюша»? — почти шепотом спросил Иван.

— Не, дружок, это «Град». Реактивная система такая. Защищает населенный пункт в два счета, площадь покрытия дикая!

Видно было, что Виктор оживился и даже перестал стучать зубами.

— Откуда ты знаешь?

— В армии у нас в ангаре стояли. Я их полгода драил там, халтурку себе выбил за прилежное поведение, — рассказывал Виктор так, словно это были лучшие его воспоминания.

— Не нравится мне что-то. Почему они к простому товарняку прицеплены?

— Значит, не простому...

— Пошли, — сказал Иван и дотронулся до рукава Виктора.

Сбавив темп и ступая теперь очень аккуратно, товарищи двигались вдоль эшелона, что постепенно открывал им свои тайны. Когда луну снова закрыли тучи и стало совсем ничего не видно, Виктор достал свой кнопочный телефон с фонариком. Он с неподдельным интересом направлял пучок света на экспонаты этого военного музея под открытым небом и время от времени прищипывал.

— Стоять!

Резкий окрик подействовал незамедлительно, Иван вкопался в грунт, будто всю жизнь так и стоял. Виктор остановился не сразу.

— Стоп, кому говорят! Руки за голову!

Они стояли метрах в двадцати от пассажирского вагона, прицепленного посреди состава. Из него торчала труба и валил черный дым, хорошо заметный в тумане. Силуэт солдата, направившего на них автомат, тоже был вполне очерчен. Еще бы — сзади его освещал яркий переносной фонарь, с которым управлялся второй солдат.

— Подходим по одному. Никаких резких движений.

Сердце Ивана сжалось, а одежда будто разом высохла. Он не знал, что делать: то говорят стоять, то идти. Но как идти, если ноги стали оловянными и слиплись между собой? Виктор тоже выжидал в растерянности, но все-таки отлепил ногу от земли и ступил вперед.

— Мы туристы, ничего не делали, — сказал Виктор, предвосхищая вопросы.

— Туристы они, ага. Разберемся. Топай сюда.

— Да правда, мы на товарняке ехали просто, — нашел в себе силы Иван и пропищал, как последнее слово на суде.

— Ты слышал? — обратился солдат ко второму.

— Слышал, слышал. То ли еще услышим, разговаряются как милье.

Второй захотел почесать нос и немного сдвинул фонарь в сторону. От этого кокарда на фуражке первого блеснула золотистой искрой. Откуда-то из вагона залаяла собака.

— Ровно свети!

— Так точно, — съехидничал тот. — Сидеть, Джек!

В этот момент внимательно наблюдавший за военными Виктор прыгнул в межвагонный проем перед самым их носом, перелетел через сцепку и побежал что есть силы.

— Ваня, беги!

Подхваченный неопишущим страхом, Иван сорвался с места, нырнул под вагон, едва не зацепившись за шланг тормозной магистрали. Он ориентировался по крику Виктора и ускорился так, как не ускорялся даже на заводе. Послышалась автоматная очередь в воздух, хлопнула дверь вагона, и грозный собачий лай прямо за спиной стал приближаться. Красная пелена застилала и без того плохой обзор, вся плоть пульсировала в такт раскошегаренному до предела сердцу. Иван помнил, что главное в подобных забегах — это дыхание, ведь если побежать сразу, без подготовки, что он и сделал, то нетренированное тело и стометровку не протянет. Но куда там! Как бы не потерять Виктора, не убежать в другую сторону.

Слетев с насыпи, Иван чувствовал, как хлещут по его замороженным ногам ветки кустов, как хрустят под кроссовками старые листья и продавливаются мокрая, зыбкая земля. Как хорошо, что он завязал шнурки! Деревья вырывались из темноты в совершенно непредсказуемый момент, их необходимо было обогнуть и не споткнуться о мощные корни, торчащие во все стороны. Выбравшись на скромную полянку, неизвестно как образовавшуюся посреди глухой чащи, он, казалось, начал буксовать на ранней весенней траве. Только бы не поскользнуться!

— Сюда!

Голос был слева, значит, надо бежать налево. Все логично, правильно. Главное — не потеряться. Левая рука — та, которой не пишешь. Быстрее, быстрее! Снова лес, огромные валуны под видом кустов, кусты под видом диких животных, животные под видом... Тьфу! Раз, раз. Собачье дыхание стало отчетливее прослушиваться сквозь свист в ушах и шум собственного тела. Поваленное дерево — обежать или перескочить?.. Как же Ивану мешал рюкзак! Он, словно раскрытый парашют, тормозил его. Огромная лужа, едва ли не болото, прямо по курсу — правый поворот, всегда лучше поворачивать направо, мы же не в Японии и не в Англии, хотя было бы прелестно.

Двигаться становилось труднее, наглые мошки стали лезть в лицо, залетать в нос и глаза. Откуда вы взялись весной? Казалось, что собака вот-вот должна ухватить за штанину и повалить Ивана на землю, поэтому он продолжал ускоряться, давно исчерпав энергетические возможности организма и расходуя запасы страха. Постоянно пополняемые запасы! Коряги, много коряг... Что-то хрустнуло от удара стопой, вряд ли это кость — значит, трухлявая деревяшка. Нестись по лесу стало совсем неумоготу, глаза перестали различать предметы, колено дало о себе знать резкой болью, но темп сбавлять было опасно.

— А-а-а!

Чтобы как-то стравить боль, Иван решил заорать и тут же понял, что не знает, куда бежит. Он давно не слышал навигационных криков Виктора и на автопилоте куда-то летел, чудом избегая препятствий.

Вдруг под ногами пропала земля, Иван упал и покатился вниз, собирая мелкие камни, траву и все остальное, чем богат весенний лес. Кое-как извернувшись, он вытянул ноги вперед и почти сразу уперся в ствол дерева. Голова кипела, слух пропал, перчатки порвались, жгло натертую кожу. Дыхание сбилось, и невозможно было вдохнуть, воздух казался разреженным, и было его мало. Затем резко свело правую икру — словно пронзило хорошо заточенным ножом. Не зная, что делать, Иван прикусил перчатку от боли и интенсивно массировал ногу, подвывая и пытаясь ею шевелить. Наконец боль более-менее спала, перчатка сама вывалилась изо рта, а зрение к тому моменту почти восстановилось. Иван сидел на склоне, а под ним земля уходила все ниже и резко обрывалась. Не в тумане было дело, там, действительно, находился крутой спуск, почти обрыв, и куда он вел, конечно, никак не угадать. Посидев несколько минут и немного придя в себя, Иван стал карабкаться вверх, цепляясь руками за корни деревьев. Удивительно, как он проехался: метр в сторону — и итоги могли оказаться куда печальнее.

И вот Иван не особо крепко, но уже стоял на ногах, прислонившись к стволу дерева. Вокруг было тихо: собачий лай слышался очень далеко, а ничего другого, кроме падавших отовсюду дождевых капель, и не могло звучать. Сползши спиной по стволу, Иван остался сидеть у его основания, понимая, что никуда не может пойти. Даже снять со спины рюкзак не хватало сил, да и мысли все куда-то улетучились, исчезли. Он тупо смотрел на туманный сопливый лес и ничего не хотел. Если бы в тот момент его спросили, жив ли он, то вразумительного ответа бы не дождались. Иван по-разному представлял себе загробный мир, но точно не так. Тем более он мог пошевелить пальцами на руках и чувствовал свое тело. Так что пускай он и выглядел плачевно, но был пока жив.

В кустах что-то зашуршало, и это вернуло Ивана к действительности. Он повернулся к шуму, резко вдохнул и вжался в дерево — максимум, что мог сделать. Нечто двигалось медленно, наступая на гнилую листву. Из-за пенька высунулась морда, затем вылезло все тело — маленькая лисица, грациозно виляя тушкой, подошла на удивительно близкое для дикого животного расстояние и села. Иван мог подробно рассмотреть ее: вернувшаяся луна, как рентген, просвечивала лес в поисках чего-то только ей нужного, по ходу дела возвращая украденные тьмой очертания все-му живому. Лисе был интересен этот странный неподвижный экспонат, и она явно не чувствовала в нем опасности. Глаза ее слабо блестели, маленькие ноздри сокращались, издавая забавное, почти человеческое сопение, а хвост красиво пушился, несмотря на грязевую катастрофу вокруг. Иван не боялся лисицы, скорее ему было даже приятно такое внимание, хотя в этой ситуации он вряд ли и волка бы заинтересовал. Только если б тот был городским и любил замороженные полуфабрикаты. Но лисице скоро

наскучил странный человек, она отряхнулась, как собака, и, полная сил, убежала куда-то вбок.

— Чего приуныл?

Иван вздрогнул от неожиданности, потому что, услышав шаги мелкого зверя, каким-то образом пропустил топанье огромных ботинок. Виктор стал перед ним и протянул свою теплую, большую ладонь.

— Живой?

— Да-да...

Каждый звук давался Ивану тяжело, горло сипело и хрипело от перенапряжения. Ему стоило немалых усилий снова заставить себя двигаться, потому что Виктор вряд ли захотел бы таскать его на себе.

— Идти сможешь?

— Смогу, — выдавил из себя Иван.

— Надо из леса выбраться, а то мало ли, эти вояки еще пошлют участкового какого-нибудь лес прочесывать...

— А... где они?

— Да уехали, наверное. Им нельзя далеко от поста уходить, я сильно удивился, что они решили за нами гнаться. Ты, кстати, ранец мой не видел?

— Н-нет.

Виктор разочарованно вздохнул.

— Хреново. Я не заметил, как лямка порвалась и он где-то свалился. Полчаса лес прочесывал, но только тебя нашел.

— Только...

— Ну, в принципе, да. Не ранец, но тоже неплохо, — улыбнулся Виктор и похлопал Ивана по плечу. Этот хлопок отдался болью по всему телу.

Они блуждали по лесу в поисках дороги или хотя бы натоптанной тропы. Уже неясно было, где какое направление, поэтому двигаться приходилось наугад, обходя огромные лужи, болота и стараясь держаться света. Свет проникал в лес слабо, хотя привыкшие глаза и этому были рады. Виктор уверенно шел, будто знал куда, а Иван просто не мог упасть на землю без сил, продемонстрировав свою слабость, хотя очень хотелось. Колено сильно ныло, и уже больно было просто ступать, так что приходилось прихрамывать. Он понимал, что у него из виду ускользают целые фрагменты дороги, потому что дремал на ходу, но, споткнувшись о корягу и вернувшись в сознание, вокруг видел все тот же лес, лес, лес. Туман постепенно рассеивался, но впереди открывался только все более обширный лесной массив, тянувшийся на сотни метров.

Что происходило потом, он уже совсем не помнил...

Глава 22

Иван проснулся от удара головой о стекло. Виктор, дремавший вертикально, открыл глаза. Несмотря на жуткий грохот, гулявший по кабине, даже водитель обратил внимание на происшествие:

— Ты, сынок, лучше назад откинись. Башку расшибешь.

Дотронувшись рукой до лба, Иван нащупал там приличного размера бугорок, что могло быть следствием одного: об это стекло он уже не раз приложился. Однако никакой боли это не вызывало — лишь легкое жжение. Прошло некоторое время, прежде чем Иван стал осознавать, где находился. Сквозь пыльное, исцарапанное лобовое стекло «газона» просматривалась широкая проселочная дорога посреди поля, серпом уходящая за горизонт. Солнце еще не выкатилось на публику, но уже освещало небосвод, позволяя без труда оглядеть окрестности. Значительную часть пространства занимали поля, заросшие высокой травой и кустами, никем давно не тревожимые. Грузовик не думал объезжать лужи и просто шел по своей колее, ныряя каждый раз в огромные резервуары серой жидкой массы, брызги которой, однако, врезались в широкие крылья и разлетались по сторонам, не мешая обзору.

Водитель прекрасно знал глубину этих луж, а значит, ездил тут постоянно. Иван пытался его разглядеть, но слева сидел Виктор. Высовываться же из-за него, обращая на себя внимание, не очень хотелось. Видны было только руки, вполне обычные, крутившие руль довольно легко. Внутри пахло соляркой и сыростью, причем источником второго запаха наверняка была их одежда, ставшая теперь тяжелой и почти несгибаемой. Нащупав в кармане остатки лапши, Иван думал отломить кусок, но субстанция эта показалась ему отвратительной: размокла, растеклась и наверняка пахла дождевой водой. Откинув голову на спинку плоского, как табуретка, сиденья, Иван вновь отключился.

...Невысокий коренастый мужик в кожаной кепке и джинсовой куртке отворил дверь и вопросительно смотрел на Ивана, как бы проверяя его состояние. Тот нехотя раскрыл глаза и понял, что пора выбираться. Потянувшись за лямкой рюкзака, он ничего не нашел.

— Товарищ твой в дом все занес, пока ты дремал. Вылезай. У-у, плохо дело — видел бы ты себя в зеркало, — сказал мужик и помог Ивану вылезти из машины.

Поддерживаемый мужиком, Иван зашагал к большому деревянному дому. Одноэтажный, с чердачным окошком, был он довольно широкий, стоял на земле основательно, хотя построен, очевидно, давно — резные ставни и наличники тому доказательство. Когда-то дом был крашен в зеленый, но теперь краска выцвела, разве что вверху, у чердака, она выглядела лучше. Большого Иван рассмотреть не смог.

— Клара, топи баню. Этот до вечера не высидит.

Баня стояла неподалеку от дома в окружении других построек непонятного назначения: то ли сарай, то ли хлева, может быть, все вместе. Печь еще не была затоплена, однако стоило Ивану только шагнуть внутрь помещения, как все тело затрясло от резкого перепада температуры: все-таки лучше, чем в лесу или в машине. Мужик велел ему раздеваться, показал, куда складывать вещи, и вышел. Следом появился Виктор.

— Ну что, сейчас будет банный день, — попытался он произнести радостно, но скрыть усталость ему не удалось.

Иван кивнул. Он и не думал снимать одежду, предположив, что сходить она будет клочьями, вместе с кожей, и лучше дать ей немного просохнуть.

Вот только телефон неплохо бы спрятать куда-то, но для этого надо встать и расстегнуть куртку... Баня была небольшой, с низким потолком, о которой можно шлифовать макушку, и достаточно темная — одно окно возле двери и маленькая щель напротив. Иван чувствовал, что еще чуть-чуть — и снова отключится, но в баню кто-то вошел.

— Так, чего сидим одетые? Вон, твой друг все снял уже, давай, а то испортишь одежду. Давай, вставай. Да помоги ему!

Женщина показывала полуголому Виктору, куда проводить Ивана, — в маленькую комнатку за тонкой, в одну доску, дверь. Впотьмах было почти не видно лица сопровождающей, кроме большого высокого лба и коротких волос, но по голосу она была немолода — явно за пятьдесят. С полпути Иван все-таки нашел силы дойти сам, чтобы новые люди не думали о нем как о нуне и жертве тяжелых обстоятельств. Кое-как ставив с ледяных конечностей прилипшую одежду, Иван поставил ее на стол, так как та упорно продолжала сохранять форму тела. Особенно забавно выглядела куртка — принимая тепло, она постепенно осаживалась.

Вернувшись в главное помещение бани, женщина быстро закинула несколько поленьев в железную печь, чиркнула спичкой о невидимый коробок и незаметно исчезла, будто ее и не было. Нельзя отрицать, что Иван просто снова терял сознание от безумной усталости, но, растворись она по-настоящему в воздухе, он воспринял бы и это как нечто естественное для здешних краев.

Жар удивительно быстро заполнил скромную комнатку бани, и Иван почти физически стал ощущать, как оживает. Только был это не радостный и благодатный прилив сил, нет, это оказалось довольно болезненно: голова практически сразу начала тяжелеть, внимание рассеиваться, а от любого резкого движения двоилось в глазах, как при высоком давлении. Кости стали напоминать о себе ломящей болью отовсюду. Мышцы искрились, как будто их одновременно отлежали, напрягли, расслабили и отбили, как стейк. Иван практически не двигался и просто сидел на грубо обструганной лавке, а Виктор носился с черпаком, то и дело обливая себя. Зачерпнув еще воды, он двинулся к Ивану и резко окатил его, пользуясь беспомощностью товарища.

— Баня — это вещь. Хрен теперь заболеем!

Иван ничего не сказал. Вода показалась ему не настолько горячей, чтобы возмущаться, поэтому можно было и потерпеть. А вот когда дело дошло до веников, он стал сопротивляться в открытую.

— Да отстань! — крикнул Иван и попытался оттолкнуть товарища ногой.

— Ты не понимаешь, это главное в бане. Ложись.

Ивану уже было без разницы, хотя оказалось довольно больно, и спина потом еще долго помнила прикосновения жестких прутьев. После бани все развивалось как-то стремительно: женщина принесла какую-то старую одежду, повела через довольно большой двор, где всюду светило солнце и зеленела почти летняя трава, завела в дом и усадила на кухне. Стол уже оказался накрыт, была печеная картошка, огурцы с помидорами и какой-то компот. Иван не помнил, как это съел, но желудок определенно

сказал спасибо, наградив ощущением сытости. Виктор даже взял огурец с собой, когда женщина повела их в сени и показала на дверь в самой дальней части. За дверью была небольшая комната с двумя кроватями, шкафом и письменным столом, на котором стояла старая газовая лампа с узорчатой ножкой. Не успел Иван сесть на кровать, как зашел мужик и поставил графин на стол.

— По рюмке — и спать. Иначе заболете.

— Ч-что это? — спросил Иван.

— Лечебное зелье.

Ответ вполне устроил Ивана, и он первым опрокинул рюмку. Виктор еще что-то спросил у мужика, понюхал жидкость в графине, затем они вдвоем выпили лечебного зелья и тот ушел, прикрыв дверь. Иван отключился практически мгновенно, он даже не разделся, а просто лег на покрывало. Виктор же еще немного походил по комнате, пока не утомился.

Иван проснулся быстро. Никакие сны его не тревожили. Через занавеску светило солнце, мелкие частицы пыли висели в комнате, так как форточка была плотно закупорена и воздух был неподвижен. Иван очень удивился, когда понял, что чувствует себя вполне неплохо. Постанывал только позвоночник, утонувший в трясине чрезмерно мягкого матраса, почти касавшегося пола. Схватившись за железную спинку кровати, Иван аккуратно сел, попутно проверяя состояние своих конечностей. Его кроссовки куда-то утащили, а на замену поставили старые кожаные ботинки с пожеванной подошвой. Он сунул ноги в прохладные ботинки, что были ему чуть велики, и аккуратно вышел в сени, шаркая подошвами по скрипучему полу.

В сенях пахло прелым деревом, на веревке висели его куртка, штаны и водолазка, вывернутые наизнанку. Рядом лежали кроссовки. Шагнув в приоткрытую дверь, Иван оказался в зале — большой комнате, плотно заставленной самыми лучшими предметами, своеобразной витрине любого дома. На полу внахлест лежали два ковра, один висел за диваном, на диване тоже лежал маленький ковер, скрывавший протертый материал обивки. Напротив стояла тумбочка с упитанным телевизором LG, а оставшееся пространство рядом поглотили стенка и шифоньер с зеркальными дверьми. Все было покрыто лаком, даже стулья возле маленького стола, на котором стоял знакомый уже графин и были аккуратно сложены книги. Отдельный угол был отдан странной тумбочке, в которой Иван признал швейную машинку. Все детство подобная бандура бесцельно торчала в его комнате, пока отец не подарил ее какому-то соседу, тайком от матери. Ей жалко было расставаться с антикварной вещью, но пользоваться замысловатым механизмом никто не умел и особо не пытался.

От обилия предметов казалось, что комната совсем крохотная, хотя была она очень большой, даже огромной — в ее метраж легко бы уместилась иная квартира-студия в многоэтажном курятнике на окраине. Иван увидел свое отражение в зеркале и фыркнул — настолько смешно сидели на нем широченные, расплюснутые от стирки брюки и свитер, рукава которого необходимо было закатать, чтобы освободить кисти. Старые дере-

вянные часы на стене показывали без четверти пять — маловато поспал. Видимо, перенапряжение сказалось.

На улице тучи почти не закрывали солнечный свет, двигались быстро, словно стеснялись своего присутствия. Зеленая трава покрыла все соседние лужайки, и с крыльца поверх забора открывался завораживающий вид. По двору бродили курицы, из сарая слышно было шевеление и низкочастотное урчание. Подойдя ближе, Иван сразу понял, что там живут свиньи, поэтому решил не удостоверяться в этом лично и развернулся. Резкий запах навоза теперь чудился ему везде, двигаясь шлейфом по пятам. Возле ворот блестел стеклами «газон», пялясь своими мутными фарами в стену дома. Сзади у него был открытый кузов, откуда торчали крышки каких-то железных емкостей. Да уж, если бы не этот грузовик, неизвестно, что могло ночью случиться, — ничего хорошего уж точно. Прошагав по двору два раза взад-вперед, Иван понял, что вокруг не было ни души. Выйдя через крепкую высокую калитку на главную улицу, он осмотрелся.

Дюжина невзрачных домов стояла на возвышенности посреди пустыря, укатанная грязь дороги вела куда-то вниз за поворот, столбы с проводами косились в разные стороны. Все это богатство небось и названия не имело. Иван двинулся по дороге вглубь деревни, надеясь хоть кого-то встретить. Где-то вдалеке лаяли собаки. Постепенно ему стало казаться, что это и есть долгожданный сон, потому что в реальности такого не бывало и быть не могло.

За полчаса деревню можно было обойти от края до края. С середины дороги хорошо просматривались все ее границы: помимо домов взгляд цеплялся за старую водонапорную башню и руины какого-то коровника, обнесенные типовым бетонным забором, от которого целыми остались секций десять. Остальные были разломаны на разного размера куски, которые валялись вокруг, в траве. За коровником торчали накренившийся шпиль колокольни и провалившийся купол церкви. Дальше Иван не пошел, решив вернуться. У соседнего дома на самодельной лавке сидел дед и неторопливо курил. Был он с нелепой, будто садовыми ножницами подстриженной бородой, одет в белый халат. Непонятно, как Иван пропустил его и почему тот сам не окликнул чужака. Выглядело подозрительно, но это хотя бы живой человек. Дед повернулся к Ивану, как только тот стал к нему приближаться.

— О, это тебя Арсений из лесу приволок? — начал говорить дед вальяжно, не торопясь, словно смакуя каждое слово.

— Да, получается, так, — ответил Иван.

— Как же это ты, — дед затянулся тонкой и ненормально длинной самокруткой из желтого газетного листа, — очутился-то там?

— С товарищем путешествовали...

— Да? Хе... До поселка сто двадцать километров, а вы, чай, не от туда...

— На поезде ехали. Грузовом.

— О-о... — удивленно произнес дед. — Это дело глупое. Не те уже времена...

— А где все? — спросил Иван о самом насущном.

— Да на поле. Тут только я да бабка Марья вон, с краю. Негодны стали для работы. Остальные или на поле, или у церкви в низинке.

Дед скорбно вздохнул и, забыв, что курит, подавился дымом.

— Кхе, тьфу... Поредела наша деревенька, поздно ты приехал... Нечего и показать.

— А скоро вернутся?

— К вечеру будут. Чего там впотьмах делать-то?

Иван решил шагать обратно во двор. Первым делом ему хотелось найти рюкзак и телефон. Они оказались в комнате, на самом видном месте: рюкзак был прислонен к кровати Виктора, а телефон лежал на стуле рядом, завернутый в какую-то ткань. Видимо, кто-то из хозяев решил таким образом спасти его от влаги. Батарея села. Достав зарядку из бокового кармана, Иван выяснил, что вилка совершенно не лезла в розетку. Надавливать на нее он не решился, боясь сломать и без того хлипкую конструкцию, перемотанную изолентой и искрящую от любого дуновения.

Потянувшись в главный отсек за переносным аккумулятором, что когда-то подарила ему на день рождения жена, Иван услышал стеклянный скрежет. Расстегнув замок, он понял, что стекло иконы треснуло и частично осыпалось. Положив икону на стул, Иван поочередно вынимал осколки, стараясь вычистить рюкзак полностью и желательно не пораниться. Что ж, она и так многое пережила.

Оставив телефон заряжаться на кровати, Иван пошел в зал, чтобы посмотреть, нет ли там нормальных розеток. Нет. Даже у телевизора провод был отрезан и припаян кусок другого цвета.

Не зная, чем себя занять, Иван вышел за калитку и уселся там на какое-то бревно, служившее, видимо, лавочкой. Опершись спиной на забор, он наблюдал за направляющимся в закат солнцем и резко темнеющим на горизонте лесом, откуда их чисто случайно спас добрый человек. Жуя взятый на кухне помидор, Иван размышлял о жизни в деревне и о том, что это его первое полноценное пребывание в сельской местности. Вокруг все выглядело не совсем так, как представлялось после прочтения классических книжек полуторавековой давности, включенных в обязательную школьную программу. Однако из уже увиденного за поездку это не выбивалось, а скорее дополняло общую картину мира.

По дороге посреди пустыря шла внезапно появившаяся колонна людей. Они тащили на спине лопаты, грабли и волокли железную тачку, грохот которой уже было слышно. Группа человек в двадцать выглядела устрашающе: как будто крестьяне двинулись на бунт, готовые разом сжечь господскую усадьбу, выпить все вино и развратить всех девок. Но среди них тоже были девушки, точнее женщины: смуглые их лица выражали не грусть и печаль, а скорее усталость. Клара шла вместе с водителем «газона», позади плелся Виктор, с кем-то вполголоса разговаривая. Иван даже встал, посчитав, что так правильнее. Каждый подошел и поздоровался с ним за руку: он старался в ответ так же крепко сжать кисть.

— Ну, как себя чувствуешь? — спросил водитель. — Тогда мы не успели познакомиться. Меня Арсением зовут. Это жена моя, Клара.

- Иван. Очень приятно.
- Да уж знаем. Голова не болит, не знобит?
- Нет, все хорошо, — подтвердил Иван.
- Значит, не заболеешь!

Были они уже во дворе. Арсений потащил лопаты в сарай, Клара нырнула в дом, а Виктор все еще стоял за забором и только сейчас попрощался с кем-то.

- Чего, живой?
- Да. Ты сам-то как? — спросил Иван.

— Нормально. Ручной труд, так сказать, закаляет. Давненько я ничем подобным не занимался. Аж душа радуется. У родителей огород маленький, они сами следят. Завтра ты тоже будешь копать, сразу силы восстановятся...

— Это кто? — поинтересовался Иван, глядя в спину уходящему по дороге мужику.

- Степан. Сегодня к нему в гости пойдем.
- Зря время не терял.

— Ты тоже, — ухмыльнулся Виктор, — сутки проспять... Я думал, все, каюк.

Иван призадумался. Так, значит, это уже другой день, следующий? Данная информация должна была как-то изменить его представление о прошедших событиях, но... Они все равно никуда особо не торопились, поэтому пересидеть пару дней с хорошими людьми казалось более чем приемлемым вариантом. Один день уже завершился практически без его участия.

Ужин был собран необычайно быстро. Иван только зашел в сени, как запахло печеным картофелем. Клара аккуратно расставила столовые приборы, поставила в центр стола огромную кастрюлю и скрылась из виду.

- А вы с нами не будете? — успел поинтересоваться Иван.
- Ешьте, чего я вам, мужикам, мешать буду...

Виктор накидал себе картошки и активно, с видимым аппетитом ее поглощал. Арсений подходил к приему пищи размеренно, тщательно прожевывая каждый кусок. Ивану отчего-то не хотелось есть, поэтому он ради приличия зацепил вилок несколько клубней и клевал их, все больше запивая водой.

Вся еда на столе была нарезана маленькими кусочками: буханкой хлеба можно было накормить человек десять, настолько тонкими были ломтики, от сыра хозяин дома отпилел четверть брикета и ее разделил еще на четверти. Овощи лежали нетронутыми, и их ели прямо так, не нарезая по миллиметровой линейке.

В прошлый раз Иван этого не заметил, но убранство кухни было достаточно бедное: старая мебель, старые вилки с ложками, затертая кастрюля с нарисованным цветочком, — все это в городе приравнялось к древнему мусору, и даже у его родителей подобные предметы каким-то образом исчезли из обихода, хотя казалось, что пользоваться ими придется вечно. Немногочисленные шкафы были черны от копоти, огромная беленая печь выглядела потрепанной, обои давно пожелтели, за их волнами угадывалась форма бревен, скромные занавески на единственном

окне смотрелись странно, так как от солнца явно не защищали и служили сугубо для увеселения, для придания обстановке хоть какой-то праздничности. Весь лоск начинался и заканчивался залом. Когда вернувшаяся Клара достала из печки второе блюдо и это оказалась запеченная с овощами картошка, Иван для себя точно решил, что не хочет объедать эту семью. Заработавшийся Виктор считал иначе и жевал, не отвлекаясь на пустые мысли. Чтобы как-то разбавить тишину, Иван решил задать пару очевидных вопросов.

— А что вы на поле делали?

— Копали, — ответил Виктор, хотя спрашивали не совсем у него.

— Да, через месяц уж сажать. Зима суровая была, надо поле готовить, — добавил Арсений.

— И что будете сажать?

На мгновение Ивану показалось, что в его сторону посмотрели со странным недоумением. Мол, в смысле?

— Картошку, чего еще. Тут нормально только она и растет, остальное так.

— А помидоры и огурцы?

— Ой, это без толку. Кой-чего за домом пытаемся сажать, но разве много земля там даст? Огурцы с помидорами из райцентра, покупные.

Так, значит, они по-настоящему объедают людей, пережевывают последние их деньги. Нет, это совершенно не дело. Иван даже хотел встать, но не нашел предлога, да и так точно нельзя поступать в гостях. Доев картошку и дождавшись, когда Виктор тоже завершит трапезу, он поблагодарил за ужин хозяев и вышел на улицу. Посидел немного на крыльце, слушая бубнение начавшейся на кухне беседы, и решил все же вернуться, забрать засидевшегося товарища. В сенях его встретила Клара — судя по опустевшим веревкам, она унесла просушенные вещи в комнату.

— Я вещи вам посушила, но не гладила — не знаю, можно или нет. Испортить боюсь.

— Спасибо большое.

Видно было, что она хочет что-то сказать, но не решается.

— Там на стуле лежит икона. Это ведь ваша?

— Да, — ответил Иван.

— Она треснула. У нас клей есть, Арсений может заделать. А то негоже...

— Я вам, в принципе, отдать ее могу, мне она не...

— Ой, что вы. Такое нельзя отдавать. Давайте я... мы просто склеим стекло. Не так, как было, конечно, но будет красиво.

— Хорошо. Без проблем.

— Спасибо...

Лицо ее расплылось в странной улыбке. Иван пошел на кухню, планируя увести Виктора. Но Виктор пил компот и вел душевную беседу с Арсением.

— ...Вся деревня с керосинками и свечами живет. А куда деваться? Как только темнеет — спать.

— То есть у вас единственный генератор на всю деревню?

— У Савелова еще был, но тот самодельный, бензиновый. Из «москвича» старого. Сейчас я только соляру вожу, газик у меня дизельный, от трактора мотор стоит. Снял давно, трактора у нас были, колхозные, он все в сарае лежал, а приспичило — дай, думаю, поменяю. И знаешь, руки помнят — кое-как работает. Без спидометра, правда, ну и на кой он мне.

— Степан вроде говорил, что у него...

— Ты этого Степана особо не слушай. Он врет и приукрашивает. Раньше хоть со мной возил картошку, продавал, «буханка» у него. Так он как по пьяни на ней в болото нырнул, так и не чинит. Говорю: давай с мужиками тебе переберем все, свечи поменяем, блок посушим — и заработает. Нет, ты что — это ж надо захотеть. Какой год во дворе сараем стоит.

— То есть вы единственный ездите в райцентр?

— Да, иногда Валера помогает с Митей. Валерку-то жена навестила, все же человек семейный, а Митяй проветриться, бывает, выбирается, чтобы совсем не одичать... Ты чего стоишь в дверях, места, что ли, мало? — обратился Арсений к Ивану. — Садись, в ногах этого, ну, веры нет.

Иван присел на табуретку рядом с Виктором. Судя по графину, компот использовался не по прямому назначению, а чтобы запивать самогонку. Но рюмки сливались с клеенкой, и поначалу их не было видно.

— В общем, как колхоз закрыли — началось увядание. Домов знаете сколько тут было? Больше полусотни. Фундаменты и сейчас можно найти.

— Куда же они делись? — спросил Виктор.

— Сгорели кой-какие, много увезли сами хозяева, когда переезжали. Часть пустых — ну, померла хозяйка, внуков нет — разобрали уж мы помаленьку. В хозяйстве все пригодится. Хлев новый я так построил. Тут рядом у склона дом стоял — сестра Матвея Тимофеича жила, не помню, как ее. Соня, Саша...

— Софья, — поправила мужа Клара, незаметно появившаяся сзади и стоявшая в дверном проеме. Она взяла посуду и унесла мыть на улицу.

— Так Тимофеич сам разрешил разобрать дом, поделили с ним материал, а потом он всей деревне заливал, что я в одно рыло его утащил. Кто тебе, дураку, поверит, если все свидетели вокруг? Ну, это дед такой, в рясе белой, видели же — хочет святым казаться. Раньше все плотничал, руки золотые. А сейчас... Собирает по деревне старые газеты, на участке табак растит и курит самокрутки целыми днями. Если б не мы, то уж сдох бы с голоду давно... Эх, старый человек, что поделать.

Оратор притих, опустил голову и разглядывал стакан. Иван повернулся к Виктору и моргал, давая понять, что надо закругляться. Тот поначалу никак не реагировал, а потом настолько быстро вскочил и исчез, что Арсений это не сразу заметил, продолжая что-то бормотать. Оказавшись на улице, Иван вполголоса заговорил.

— Неудобно мы как-то устроились. Люди бедно живут, а нам их и отблагодарить нечем.

— Да ладно, не беднее других. Посмотри, что вокруг творится.

— А я о чем.

Товарищи вышли из калитки и встали посреди дороги. Деревня молчала. Сумерки окутали ее плотной пеленой, и все жители уже спали. Даже лаявшие днем собаки замолчали, повинувшись общему биоритму. Виктор двинулся по дороге к заброшенному хлеву.

— Ты куда? — не понял Иван.

— Заглянуть к Степану надо. Я же обещал.

— То есть мне можно не идти?

Виктор остановился.

— Как же, я ему про нас говорил. Он и звал вдвоем. Так что идем.

Иван слабо был настроен на какие-то походы в гости. Тем более Арсений выставил этого Степана не в самом лучшем свете, что хоть и можно было списать на деревенские особенности, но все же воспринималось вполне однозначно.

Искать дом не пришлось: у забора стояла вросшая в землю «буханка». Да и Степан, видимо, услышал их приближение и уже караулил у калитки.

— А вот и мы, — сказал Виктор.

— О, проходите, я уже заждался.

Чтобы хоть как-то ориентироваться в пространстве, Степан зажег на кухне свечу и оставил ее там, поэтому двигаться по коридору предстояло на ощупь. Виктор случайно пнул пустое ведро, и оно покатилося по неровному деревянному полу, пока не ударилося о порог комнаты. Грохот стоял поистине невероятный, и вся деревня, вне всякого сомнения, его слышала. Чертыхнувшись, Виктор первым прошел в дверной проем, чем ненадолго загорюдил свечу.

— Так, давайте сначала за знакомство.

У Степана уже все было приготовлено и налито. В мутном граненом стакане плескалась непонятная субстанция, запах которой чувствовался еще на подступах к дому.

— Погоди, ща все будет...

На столе стояло только два стакана, и Степан полез в сервант за третьим. Он достал немного сколотую сбоку кружку с изображением рябины и наполовину откушенной ручкой, но Ивану было все равно. Ему хотелось рассмотреть Степана подробнее, но свеча позволяла различить только лицо и руки. Это определенно крайне худой человек с длинными кистями и острыми, как у пианиста, пальцами. На левой руке виднелось подобие мутной татуировки, какая-то едва различимая клякса, но возможно, это синяк или пятно. На лице его была хипстерская борода, явно не специально отращенная, сравнительно длинные волосы доходили до середины шеи. Даже в полумраке они поблескивали, так как соприкасались с мылом, очевидно, нечасто. Взгляд его был внимательным и конкретным: он не боялся прямого зрительного контакта и не отворачивался, как делают душевнобольные. Исходя из столь примитивного анализа, Иван сделал вывод, что это был вполне нормальный мужик, речь его на удивление внятно построена и логична для человека, жившего в каком-то хлеву без электричества. Вообще, считывать возраст по таким людям достаточно трудно:

ему могло быть сколько угодно в промежутке от двадцати до пятидесяти, потому что тяжелый ручной труд на свежем воздухе плюс особенности питания старили куда раньше положенного возраста. Опрокинув кружку последним, Иван почувствовал, как по гортани и пищеводу прокатилось нечто невероятно горькое и соленое, будто задача этого напитка была не снести крышу, а проверить физиологические рефлексy. Еле сдержавшись, Иван уткнулся в пахнущий старыми тряпками рукав и зажмурился.

— Закусывай, начисто нельзя.

Совет Степана помог, и, откусив от холодной картофелины, Иван с облегчением вздохнул. Он почувствовал, как голова его начала тяжелесть: напиток оказался опасно крепким и, скорее всего, передержанным. Видимо, нарушена технология изготовления и пить такое нельзя.

— Это наша местная самогонка — убойная вещь. В райцентре расходуется на раз, — радостно сообщил Степан.

— Из чего? — спросил Виктор

— Брага картофельная, еще травы всякие для аромату. Календула, мята. У нас-то особо и не растет ничего больше.

Самогонка Арсения не вызывала таких ощущений. А этим можно легко травить крыс. Виктор, видимо, понял опасность злоупотребления напитком, и следующий налитый стакан оставался на столе — для поддержания беседы.

— Где вас там поселили?

— В комнате. Она там вроде одна свободная.

— О! — Степан залпом выпил налитое. — А сказки не рассказывали?

— Какие сказки? — не понял Иван.

— Откуда я знаю? Про волков, зайцев. Что детям обычно рассказывают.

Виктор отодвинулся от стола и недоумевающе переглянулся с Ивановом.

— С какой стати?

— Ну, они вам хрен скажут. Комната-то эта для кого была сделана? Как старики у Арсения померли, так они хибару стали расширять. Соседский дом разобрали, сделали сени новые, крышу и пристроили сзади целую половину еще. Там эта комната сразу планировалась.

Плеснув себе добавки, Степан жадно выпил. Желание наговорить сплетен новым людям было не настолько жгучим, как тяга к стакану.

— Ну и вот. А как у Кларки живот опух, они эту комнату обставили, всю вымыли. Ну и родилась двойня.

Степан нарочно делал паузы, чтобы растянуть свой монолог и понаблюдать за реакцией слушателей. Виктор насутился и внимательно следил за ходом повествования. Иван был несколько растерян, так как не знал, к чему это все рассказывать.

— Лет пять, в общем, прожили они. Вовка и Санька, как сейчас помню, звали. Ну, под вечер пропали — нет и нет. Собак спустили — они скулят, идти не хотят. В итоге в низинке, там, возле церкви, нашли их — волк обглодал так, что непонятно, где кто. Я тоже видал, от дома тут не

особо далеко, тогда еще восьмой класс кончал, в райцентр все ездил... Какой там Вовка, какой Санька... Сгребли в кучу, и гроба второго не понадобилось. Тимофеич так один и состругал.

— Нам чего с этого? — спросил Виктор грозно.

— Да ничего, просто спросил, как Кларка реагировала на вас. Ребята вы серьезные, но рожи молодые выдают. Вот и ее паренькам примерно как вам бы сейчас было.

Виктор смотрел куда-то под стол и молчал. Пламя свечи дергалось при малейшем движении, и оттого казалось, что силуэты всех сидевших на кухне тоже немного плыли. Глаза Степана засверкали дурманом, и он покачивался, облокотившись на стол и разглядывая гостей.

— Так давно же было. Сейчас чего это ворошить? — недоумевал Иван.

— Ага. Она в их комнате месяц редела, потом вроде успокоилась, но периодически приносила яблоки туда, картошку, овощи. Марья говорила, мол, захожу за лопатой — у ней черенок сломался или что-то такое, — а Клара в этой комнате пустым кроватям сказки читает. Разложила игрушки ихние и сидит.

— Было и было. Чего ты нам теперь это рассказываешь? — спросил Иван.

— О, ты что. Это деревня, тут издавна все так жили и живут. Дружно, но про каждого найдется история.

— И про тебя? — вдруг очнулся Виктор.

Степан задумался, убрал со стола локти и откинулся на спинку стула так, что лицо его скрылось.

— А я себя богом-то и не ставлю, в белых рясах не гуляю. На общаке огород копать — сам видел, — а остальное уж мое личное дело. Что, Арсений про меня наговорил уже?

— Нет.

— Брось, наверняка что-то да ляпнул.

— Что машину не чинишь и не едешь с ним в райцентр, — сказал Иван.

Видно было, что наконец-то Степан нащупал момент, к которому пытался подвести разговор с самого начала. Он подвинулся на край стула и нагнулся, чтобы от его дыхания сильнее дрожала свеча.

— Он ведь самый умный — пускай и ездит. Я не нанимался к нему в подмастерья. Нашли дурака. Машина моя свой ресурс израсходовала, а лишнего трактора, откуда я мог бы спереть мотор, как-то все, тью-тью, не подворачивалось.

— Кто же будет ездить, если он перестанет? — подбросил дров в костер Иван.

— Да никто! Что, думаете, жизнь тут сильно поменяется? Какая польза от его поездок деревне?

Свеча вдруг погасла, и комната мгновенно исчезла. Но голос Степана продолжал звучать, а его руки нащупывали на полке коробок.

— Спички он мне привозит? Два блока на год хватает. А надо — палкой разожгу. Все, что он мне и другим привозит оттуда, — так ведь мы

это заслужили, мы на это заработали. Не деньгами, да, но своим трудом на поле. Так бы каждый сажал в огороде картошку и жил — не тужил, а этот хочет все колхозный уклад вернуть. Кому он сдался?!

Несколько потеряв первоначальную нить повествования, Иван слушал говорящего с ощущением стыда. Трудно было воспринимать эту точку зрения, сидя в полуразвалившейся хате на отшибе деревни.

— Все для себя делает! Свет кому провел — ну, правильно! Корову купил, свиней развел. А у других они подошли все давно, никто позволить не может! Много он предлагал помощи? Ну, возьми ты проведи всем электричество! Провода еще годные висят, людей живет немного... нет, все в дом. Оно-то и правильно, с одной стороны, мужик — кормилец, туда-сюда, но вы думаете, они этот телевизор сами смотрят? Так только, на футбол мужиков раз в месяц позовет — и то антенна еле показывает, помехи одни.

— Так ты сам чего не проведешь? Заведи колымагу свою и давай! — громко сказал Виктор.

Степан опустил под стол закончившуюся бутылку самогона и полностью сосредоточился на ответе.

— Лавэ-то у меня где? Все Арсений продает: картошку мешками возит, молоко возит, самогон — на ура расходится, я уже говорил. Чем я это электричество проведу, жопой?

— Проведи жопой, говна в тебе много... — Виктор на секунду задумался, стоит ли продолжать такой разговор. — Вы вместе должны держаться, а не рыгаться друг у друга в белье. Если бы не Арсений, то сдохли бы тут все, мы по дороге таких деревень нормально посмотрели — никто и не вспомнит.

— О нас и так никто не помнит! Дети вон у кого уехали — даже не приезжают, почты нет — повод не писать. Дохните, дорогие родственники, жалко, нечего после вас продать. Дома наши на хер не нужны.

Выпустив злобу, Степан сидел и крутил стакан по столу, отчего свет мелькал по всей кухне и отражался в стеклянной двери шкафа. Виктор, не спрашивая разрешения, достал чудом спасенные после дождя сигареты и закурил. Степан попросил дать ему одну, на что Виктор молча протянул пачку. Дым быстро окутал маленькое помещение, и захотелось выйти, так как серая мгла начинала резать глаза.

— Мы пойдем, — сказал Виктор и встал.

— Арсению привет.

Кое-как выбравшись по темному коридору на улицу, Иван с Виктором медленно побрели, прокручивая в голове услышанное. Куца хата скрылась за кустами, а вместе с ней и странный человек, говоривший какой-то вздор. Ивану вдруг стало интересно, как относятся к ситуации другие жители деревни. Не все же так категоричны?

Ночь была хороша. Прохладный ветер бороздил окрестности, влажная земля размеренно дышала, небо открылось, и звезд на нем оказалось в несколько раз больше, чем обычно. Было приятно, что еще хоть кто-то находился на улице: большая дворняга двигалась по палисадникам почти параллельно им, постепенно оставаясь позади. Видимо, ей тоже не спалось от потрясающего весеннего запаха, который не чувствовался днем и

которым теперь трудно было надыхаться. Наверное, можно понять людей, похоронивших на этой возвышенности свою жизнь и перспективы: чего не сделаешь ради единения с природой и родными просторами? Но Ивану хотелось двигаться дальше.

— Надо ехать, думаю, — сказал Иван.

— Завтра точно работаем, надо же чем-то выразить людям благодарность. А там узнаем, когда подвезти сможет.

— Мы как-то совсем уж нагло вписались к ним. Видишь, даже местные напряжены...

Виктор плюнул под ноги и повернулся.

— Я с этими местными работал сегодня весь день. Ничего они не напряжены, это Степан какой-то обиженный жизнью просто. Вроде так хорошо с ним болтали, и не филонил особо — как я почти вскопал. Зря пошли к нему.

— Теперь-то что...

— Знаешь, кстати, как деревня эта называется? — спросил Виктор.

— Ну?

— Южные Валуны.

— То есть мы держим правильный курс? — ухмыльнулся Иван.

— Получается, так... Чем ты так шаркаешь?

Иван остановился и посмотрел под ноги. Он наступал на штанину ботинком, потому что забыл ее подвернуть. Виктор рассмеялся.

— Ну мы реально в этом прикиде как деревенские.

— Полное соответствие!

Где-то за спиной, очень близко, послышался вой. Иван, подтягивая штаны, обернулся.

— Тсс... слышишь? — спросил Виктор.

— Да собака, наверное.

— Собаки так не воют...

Взгляд Ивана практически сразу поймал источник звука. Красные глаза горели в кустах ровно так же, как тогда возле вагона, остановившегося посреди глухого леса. Было это метрах в сорока от них, оба растерялись, не зная, бежать или, наоборот, вести себя спокойно. Существо медленно вышло на середину дороги и немного пригнулось — это была уже виденная Иваном собака.

— Да ну... — произнес Виктор сквозь зубы.

Миг — и животное сорвалось с места, устремившись на них. Иван вскрикнул и побежал к калитке дома. Виктор почти сразу споткнулся и повалился в грязь. По инерции Иван пробежал метров десять, пока не услышал крик товарища и не обернулся: животное почти его настигло. Тогда он развернулся и, истерично размахивая руками, побежал назад, издавая странный, какой-то автомобильный рык. Зверь был уже в нескольких метрах от Виктора, тот приготовился отбиваться ногами и размахивал ими в воздухе. Иван пытался найти на земле какой-нибудь камень. Раздался оглушительный выстрел. Животное резко отпрыгнуло в сторону, готовясь взять разбег для новой попытки.

— Бегом, сюда!

Арсений стоял возле открытой калитки и перезаряжал винтовку. Первый выстрел был в воздух, второй же он планировал сделать прицельно. Бах! Похоже, мимо. Ивану заложило правое ухо, он стоял возле изгороди, наблюдая за действиями стрелка. Тот велел быстро заходить, сам шагнул следом и захлопнул калитку.

— Это кто? — задыхаясь, спросил Иван.

— Волчица. Я давно ее пасу, она все хотела подкоп к моим свиньям сделать. Корову-то боится, та взрослая, копытом как зарядит. На полноценную охоту не с кем идти, да и патронов мало.

Виктор выглядел разозленным. Примерно так и должен выглядеть человек, которого едва не разорвал волк.

— Теперь она долго не появится, хорошо шуганули. Заходите в дом.

Стоявшая на крыльце Клара бросилась к парням и стала спрашивать, что случилось. Они попытались сумбурно рассказать о произошедшем, но в этот момент подошел Арсений и прогнал ее.

— Иди, мать. Все нормально.

Женщина зашла в дом и закрылась в зале. От предложения выпить Виктор с Иваном отказались, делать было нечего, и они пошли спать. Стена их комнаты была общей со спальней хозяев, и Иван, лежавший к ней ближе, отчетливо слышал, как женщина ревет. Мужской голос что-то громко и грубо говорил, затем стал бубнить тише, пытаясь успокоить. Продолжалось это довольно долго, и оттого Иван не мог уснуть, наблюдая за тенями от занавесок на потрескавшемся желтом потолке. Луна светила прямо в окно.

Глава 23

Ковыряться в земле оказалось даже в чем-то весело. Жители деревни, обрадовавшись неожиданному пополнению, пытались произвести на ребят максимально благоприятное впечатление и вели себя хорошо. Болтовня не умолкала ни на минуту: стоило кому-то вспомнить старую историю, как каждый высказывал свое к ней отношение, припоминая детали, и в итоге выходило весело.

Территория поля оказалась просто огромной, Иван даже не думал узнавать точных размеров. Тем более вряд ли кто-то его мерил. Основной урожай собирался для продажи, чтобы хоть как-то выживать посреди забытой цивилизацией природы, которая, хоть и манила своей красотой, оставалась опасной. О нападении волчицы говорили лишь вскользь, стараясь не проводить никаких ненужных параллелей, но все сошлись во мнении, что в лесу стало очевидно хуже жить.

— Зачем бы волки столько чесали до нашей деревни, будь у них хорошо со жратвой, а? — задал риторический вопрос Савелов, сторбленный мужик лет шестидесяти, который постоянно носил на голове зеленую вязаную шапку.

— Да может, бешенство. Вот они и бесятся!

— У нас нет ни хрена, плохую цель выбрали!

Степан больше молчал, но если что-то и слетало с его языка, то оказывалось вполне безобидным и никакого негативного контекста не несло. Казалось даже, что он мало помнил о вчерашнем разговоре и это были мысли темной, мрачной стороны его души, проступающей после опьянения. Виктор тоже вел себя с ним спокойно, хотя и старался держать дистанцию, не в силах избавиться от внутреннего отвращения.

Ивану поначалу нравилось копать, потому что он быстро вспомнил школьные годы, дачу и вошел во вкус. Мужики его хвалили. Но на третий день пребывания в деревне монотонность этого занятия наскучила, и ему было интереснее просто гулять по дороге до заброшенной водонапорной башни, откуда можно спуститься к небольшому озеру метрах в восьмистах и тихо радоваться жизни. Приходили с полей они уже почти на закате, так что времени для променада не оставалось. Поэтому он вставал раньше остальных, чтобы сходить до полюбившегося уже дуба, стоявшего прямо в озере, и успеть вернуться на завтрак. После заката никто и не думал появляться на улице.

Ивану нравилось дерево-великан, выгодно отличавшееся от всего, что находилось в окрестностях. Сложно даже сказать, как оно еще не сгнило и не упало: казалось, озеро и служило для питания его бесконечной корневой системы, для насыщения исполинских, неподвластных любому урагану ветвей и пышных копен листвы. Было это, безусловно, преувеличением, но Иван занимал себя этими мыслями, создавая свой миф о дереве. Началось все с Тимофеича, который ляпнул однажды, сидя все так же с самокруткой у калитки, что есть в округе дерево — последнее напоминание о границе лесной чащи, вырубленной колхозными строителями ради урожайных пустот. Ивана это сильно заинтересовало, и он почти сразу решил проверить слова старика.

Городские жители природу, в принципе, недолюбливают, хотя при вопросе в лоб и начинают лепетать обратное. Редко посаженные полуголые деревья в окрестной лесополосе, загаженной пластиковыми отходами, куда может выехать среднестатистический житель на майские шашлыки да на летнюю попойку, или обглоданный эрозией берег водохранилища — это не природа. Природа сродни животным, в ней живущим: если ткнуть пальцем в волка, придя с ребенком в муниципальный зоопарк, то никогда он не поймет, чем заслужила эта уставшая, худая дворняга свое почетное историческое место в пищевой цепи и почему такого же серого Шарика у подъезда все шпыняют и прогоняют. Так и с лесом, полями, оврагами, болотами — все, куда можно добраться в пределах выходного дня, не может являться полноценным примером истинной природы.

Иван был совершенно городским жителем и до поездки не задумывался о своем отношении к природе: есть и есть, хорошо. Однако при виде настоящего, давно не преображаемого людьми ландшафта даже в нем оживало, просыпалось от векового сна первобытное, исходное чувство преклонения перед природой, уважения к ее величественному существованию и редкое ныне умение наблюдать, внимать, чувствовать. Природа — это не только картинка, это целая россыпь странных запахов, от прелой прошлогодней листвы и гнили сваленного пня до испарений влаж-

ного грунта, пыльцы диких цветов, прохладной вони болота со всеми его многочисленными обитателями. Никто не чистит водоемы, не огораживает красно-белой лентой опасные участки, не подбирает ароматы по вкусу, дабы впечатлительная и брезгливая дама могла спокойно сфотографироваться на фоне. А уж насекомых тем более в другой зал не переместишь и рубильником не отключишь. Лес, неровной грядой растянувшийся на горизонте, определенно запомнится Ивану навсегда. Несколько десятилетий прошло с тех пор, когда на этой территории шныряли тракторы, возводились сооружения, вырубались кубометры деревьев, — а земля уже затянула все шрамы, закрыла листвою проплешины и сделала все так, чтобы ничего ниоткуда не торчало.

С момента первой прогулки к дубу миновало уже дней пять, и оставалось совсем немного до поездки Арсения в райцентр. Должен он был ехать не раньше чем через три недели, но ради Ивана с Виктором график перестроил. С их появлением деревня ожила: даже после тяжелого дня люди находили силы и желание, чтобы собраться вместе и под Митькину гитару и лечебное зелье переливать из пустого в порожнее сотни раз слышанные истории, ставшие отчего-то снова актуальными. Поначалу казалось, что они рассказывают это для новоприбывших, но очень скоро стало ясно: это только повод вспомнить прежнюю, молодую жизнь, которой они теперь были лишены. Ивану нравилась подобная активность: как минимум его не мучила совесть, что они кого-то объедают и стесняют.

— ...Говорю же, ехала со школы, автобус у околицы тормозил ведь, ну, рядом с домом Захара Николаича. Он ведь дальше, в Куликовку, и только там оборачивался... А по темени идти долго, я решила огородами напрямки, тогда ж заборы мало где были...

— Это внизу, по дороге к полю. Там целый ряд домов раньше стоял, — пояснила Ивану сидевшая рядом на траве Клара.

Женщина примерно одного с ней возраста, но раза в полтора масштабней, продолжала говорить, встав в полный рост для большей понятности.

— Иду и понимаю: в плечи вцепилось что-то. Такие когти, как у птицы, но большие, с лапу пса размером. Я голову пытаюсь повернуть — не идет, как закусило. А идти быстро тоже не выходит, оно давит на спину. И не поверите — крикнуть не могу.

Свой рассказ она дополняла широкими жестами: то рукой взмахнет, то изобразит, как голову «закусило». От столь активной жестикуляции, казалось, поднимался легкий ветер.

— Шагов десять прошла, думаю: ну все, помирать тебе, девка. Решила молитву прочитать. Я много не знала, да и теперь не знаю, чего говорить. Ну, «Богородицу» кое-как помнила, в общем, стала шептать: «Богородица Дева, радуйся, Благодатная Мария, Господь там с Тобой...» И чего думаешь? Мигом когти распустило и пропало, даже следа в небе не разглядеть. Вот как мне, по-вашему, в это не верить? Ну ведь есть черти на белом свете!

— Это я от бабки Ньюры твоей еще слышал! Небось и тебе, малой, ляпнула, а теперь думаешь, оно взаправду было, — вступил в беседу Тимофеич.

— Не полоумная, чай, еще, как ты, старый. Домой прибежала, реву, кое-как рассказала, а мне мать, мол, ложись спать, ничего не бойся. Ну, я легла, а она чуть не до утра сидела около меня и шептала. Значит, почувяла беду!

Женщина села обратно на траву. Какое-то время все обсуждали услышанное, сойдясь на том, что нечистая сила определенно существует и с ней надо бороться, но поведанная история ничего нового в знание о предмете не привнесла.

— Так а чему удивляться? Зойка эта, мордовка, точно ведьмой была. Молодежь-то не помнит, а мы с Тимофеичем — хорошо. Она чертей и повадила в деревню ходить, — поделилась мыслями бабка Марья.

— Ой, молчи, дура, если не знаешь. Оклеветали старуху! А скотину и ребятишек кто вам лечил? Фельдшера и не ездили сюда никогда!

Создавалось впечатление, что Тимофеичу просто не нравилось ни с кем соглашаться и он по любому поводу искал возможность пойти поперек.

— А как она орала, когда помирать надумала? — продолжала Марья. — Никто туда и сунуться не решался. Мужики взрослые у забора стояли и даже за калитку боялись ступить. Тишина вокруг — гробовая. И птицы смолкли, все ждали, когда издохнет... Коровы у нас после того и молоко давать перестали. Ты-то как раз в армии был, вот и не знаешь.

— Чего с вами говорить, ну вас. Одно расстройство только. Сил нет мне спорить, будь по-твоему. Скоро преставимся с тобой, вот и узнаем там, кто правый, а кто виноватый.

Подобрав нужный момент, Митя, гитарист, вдруг вспомнил очередную мистическую быль.

— Мать моя ж видела перед войной эти... ну... столбы.

К нему повернулись все сидевшие на траве и более удачливые, занявшие удобные места на завалинке. Бабка Марья, как самая старая жительница, имела почетное место в середине, и оттого внимательный взгляд ее крохотных, едва заметных глаз казался Ивану зловеще-надменным. Мите, видимо, тоже стало не по себе, и он стал объясняться.

— Да знаете ж все. Раньше об этом и говорили много. Шли с полей, все быстрее утопали, а она косынку потеряла и вертаться надумала. И тут бац, как обмерла вся, говорит: на небе тринадцать огненных столбов торчат, все, как один, ровные, чуть выше леса. Так и стояла, пока они постепенно не исчезли. В деревне ее уж искать подались — нет и нет, а она заикается и сказать ничего не может. Ну, Марья, Тимофеич, вы ведь помнить должны?

— Так мы все и упомним, ага, — ответил Тимофеич.

— Столбов не знаю, но войну мы точно учуяли. Закат был краснющий, как спекшаяся кровь свиная, и собаки все лаяли, до самого утра. Хоть замахнись, хоть палкой поколоти — ни в какую. Так и спали под их вой. Думали, волки — сначала, а там эвон что вышло, — поделилась воспоминаниями Марья.

— А почему тринадцать?

Вступивший в разговор Валера задал короткий вопрос, на который, однако, не вдруг ответишь.

— Чертова дюжина. Да, видать, черти показывали власть свою, — надумал Митя. — Правду бабка Марья говорит: в деревне черти орудовали, это нас проклял кто, не иначе.

— Сам ты черт, — рассмеялся Савелов, — сыграй лучше.

Митя взял гитару и заиграл медленно, спокойно, на грустный лад. Почему-то никто не пел, видимо, здесь принято было просто слушать музыку и молча наслаждаться, довольствоваться имеющимся. Хотя, скорее всего, никто не знал этого мотива, потому что сложно знать случайный перебор аккордов. Однако было красиво, и никто не возражал. Интенсивность разговоров находилась в прямой зависимости от количества алкоголя. Но Арсений не стремился выносить новые бутылки, чем косвенно давал понять, что можно закругляться: он хотел продать в райцентре хотя бы имевшиеся запасы, дабы не ехать порожняком. Время близилось к одиннадцати, но никто не собирался уходить. Вернее, кто-то, может, и собирался, но по темноте решено было перемещаться группой, а то мало ли что. В итоге поддерживали беседу несколько человек, а остальные разбрелись по двору, готовые в любой момент идти.

— Эх... а все же как церковь перестала работать, так и повалилось одно к одному: колхоз распустили, все уехали, неурожай наступил, дома гореть стали. Отвернулся от нас Всевышний... — грустно вполголоса произнес Савелов.

— Сами до такого довели церковь. Сейчас уже не восстановишь, — вторил ему какой-то усатый мужик.

— Важно не здание, а место. Что вам мешает? Да и не такая ветхая она, было б желание. Одна Клара вон и ходит, — заметил Валера.

Клары в этот момент не было. Она уже ушла в дом, забрав с земли стаканы, пустые бутылки и сковороду с остатками картофельной закуски.

— Так у нее причина своя на это...

— У каждого такая причина найдется. Все под Богом ходим... Видите, снова волки потянулись к нам. Это повезло еще: не загрызли паренька.

Виктор, до этого не следивший особо за ходом беседы, вдруг поймал на себе пристальные взгляды, и оттого стало ему несколько неуютно. Ивана они жертвой не считали, поэтому он тоже повернулся к товарищу и глубоко вздохнул, поймав общую волну сочувствия.

— Так, что-то засиделись мы. Пошлите по домам, — обратился к присутствующим Валера. — А Тимофеич где?

— Ушел давно, говорит, что толку сидеть. Волкам не интересен, — объяснил Митя.

Народ довольно быстро рассосался по деревне, и вновь наступила тишина. Подобные посиделки продолжались несколько дней подряд, и все уже успели к ним привыкнуть: и хозяева дома, и Иван с Виктором. Однако никаких иллюзий никто не питал: было понятно, что стоит им уехать, как все вернется на исходную. Единственное, о чем постоянно думал Иван, так это о Кларе. Ему казалось, что за прошедшую неделю она действительно к ним привязалась, выглядела всегда опрятно, была приветлива и даже весела.

Об этом много кто между делом упоминал, но Иван чувствовал это на подсознательном уровне, постоянно прокручивая в голове сказанное Степаном в пьяном виде. Из-за этого он даже избегал оставаться с ней наедине и тем более что-то спрашивать, стараясь не обнадеживать, но и не обидеть. Арсений был более хладнокровен, но даже по нему было видно, что новые лица в доме его радовали, и он периодически пытался намекнуть, что можно остаться подольше. Довольно, впрочем, прямолинейно.

— Да ладно, куда вы особо торопитесь? Через пару недель уж лето настанет, и вам в вагоне трястись будет лучше. Не то опять задубеете в лесу, кто спасет?

Впервые они нагло рассказывали всем о своем странном способе путешествовать, и на удивление никто не упрекал их ни в чем. Люди приняли это как само собой разумеющееся, словно им казалось, что молодежь в городах только так и развлекается.

Накануне отъезда, решив заранее проложить маршрут, Иван включил телефон и ходил после очередного трудодня по территории деревни, пытаясь наладить связь. Спутники исправно ловили, но требовалось хотя бы одно деление сети, чтобы загрузить необходимый кусок карты в самом паршивом разрешении. От злости он решил полезть на водонапорную башню, ржавую и заваленную градусов на пятнадцать, под лай собак и жужжание греющихся на металле мух. Лестница под его весом опасно трещала и вибрировала, а вот сама башня оказалась еще ничего. Иван настолько поверил в ее стойкость, что залез на крышу и встал в полный рост, держа на вытянутой руке телефон. С земли он наверняка смотрелся смешно. Требуемое одно деление сети наконец появилось, но ничего скачать не вышло — даже общих контуров карты, дающих хоть какое-то представление о местоположении. Однако самая высокая точка деревни открывала настолько выразительный вид на окрестности, что у Ивана перехватило дыхание. Далекое картофельное поле помещалось в ширину ладони. Погрязшие в тени закатного солнца овраги, ржавые железные и черепичные крыши домов, остовы колхозных коровников. Даже гигантский дуб посреди озера выглядел чем-то обыденным с вершины этой ржавой косо́й водонапорной башни. Вот уж действительно: магия точки зрения. Иван пожалел, что тратил время на поход к озеру, когда мог просто все утро сидеть тут, наблюдая за каждым отдельным жителем.

Но жители уже успели ему надоест. Первоначальный интерес к новым знакомым сменился если не разочарованием, то принятием объективного: за интересными типажками скрывались зачастую люди скучные, уставшие от изнуряющей бессмысленности существования и достаточно темные. Их представления о мире навсегда остались где-то во временах молодости, а моложе пятидесяти тут никого не было. Они жили, потому что так надо, так заведено, но никаких надежд на будущее не имели, существовали по инерции. Слова обозленного Степана в той или иной мере отражали настроения всего этого микросоциума: любая инициатива воспринималась если не в штыки, то с недоумением. Даже если от этой инициативы зависело всеобщее завтра. Но чем оно отличается от вчера и сегодня, чтобы ради него куда-то рваться?

В рассказах о деревенской жизни все порой сильно романтизировано, но Иван не отказывался от веры, что прежде действительно многое могло быть по-иному: люди радовались друг другу, природе как таковой и каждый их день был наполнен каким-то возвышенным, непостижимым смыслом. Однако, разглядывая с высоты башни унылую, оголившую своды купола церковь, он находил, что в хорошо налаженном веками механизме произошел сбой, от которого вся конструкция этого крепкого дома стала вдруг расползаться по скользкой, липкой, размытой ливнями земле. Еще недавно набожные, чуждые традиции праотцов, они всерьез обсуждали теперь чертей и верили в проклятье, что явилось источником всех бед... Но что, если это состояние и является исходным для их идентичности, а навязанные до этого ритуалы и законы лишь заслоняли тонким покрывалом тлеющее, ждущее своего часа естество?

Иван впервые решил что-то для себя запечатлеть и сделал несколько основательных, хороших снимков. Он понял вдруг, что за всю поездку не щелкнул ни единой фотографии. Открыв галерею, увидел старые изображения из позабытой уже жизни: селфи с женой, случайный снимок в кафе возле дома, Стас и его машина, сканы каких-то договоров на кредит, еще с работы...

Иван спустился с водонапорной башни и пошел в сторону дома, так как солнце уже зашло и с каждой минутой становилось темнее. Он был абсолютно уверен, что волчица больше не объявится, и оттого не считал нужным торопиться. Это была последняя их ночь в деревне, и он решил провести эксперимент. Пробравшись к буераку, где согласно рассказу когда-то останавливался автобус, Иван хотел пройти тем же маршрутом, которым двигалась девочка, превратившаяся в угрюмую и тучную бабу. Единственное, что напоминало о стоявших тут домах, — яблоня, которая, очевидно, росла у кого-то на огороде. Нет ни огорода, ни дома, а яблоня живет и выглядит хорошо — судя по завязи, летом даст плоды. Иван дошел до калитки, но никто на плечи ему не приземлился — видимо, стесняется нечисть приезжих. На завалинке сидел Виктор и курил.

— Последняя. И так растягивал, — сообщил он, но дал Ивану пару раз затянуться. — Что, наконец-то в путь?

— Да. Засиделись мы тут.

— Ничего. Будет зато что вспомнить.

В этом он был прав. Хозяева как специально решили на дорожку не разговаривать, да и соседи остались у себя — вставать предстояло рано, и следовало бы хорошо выспаться. Но наутро у Ивана оставалось еще одно важное дело...

Очнувшись вместе с первыми петухами, Иван собрал рюкзак и отложил его к стене. Он давно приметил плоский ящик под шкафом и теперь решил посмотреть содержимое. Осторожно выдвинув его на середину комнаты, стараясь не скрипеть, Иван сдвинул защелку и открыл крышку. Ящик был доверху забит детскими игрушками: деревянный заяц, слон на колесах, железная машинка без задней оси. Слои паутины плотно перематывали их. Плюшевый медведь лежал внизу, и от веса предметов у него провалилось лицо. Лиса, будучи меньше, была забита в угол и вы-

глядела сносно, разве что выцвела и стала какой-то желтой. Все было очень пыльным и казалось хрупким — стоит лишь тронуть, как оно безвозвратно осыплется. Вернув крышку на место, Иван задвинул ящик под шкаф. В сенях послышалось шевеление. Дверь в комнату приоткрылась.

— Ну что, идешь? — спросила Клара.

— Да, да. Секунду.

Иван договорился сходить в церковь перед отъездом. Он сторонился этого здания, считая бессмысленным туда заглядывать, но решил, что Кларе будет приятно, если он составит ей компанию. Она уже давно обращалась к Ивану на «ты». Деревня еще спала, так как никто на поле не собирався, поэтому шли они под вялое кряхтение петухов и жужжание первых весенних насекомых. Вход в здание оказался замураван: огромная деревянная дверь с вековыми петлями застряла в земле и никто не мог ее сдвинуть. Поэтому предстояло перелезть через кучи кирпичей обвалившейся стены в огромный прогал, чтобы оказаться внутри.

Никакого убранства там, естественно, не осталось: повсюду валялись гнилые кровельные перемычки, доски пола рассохлись и стали податливы, как пластилин, а на остатках алтаря росли крапива и лопухи. Видно было, что кто-то старательно выстригал центральную его часть, но природа с легкостью восстанавливала все до исходного состояния, делая труды напрасными. Иван увидел, что весь пол был усеян птичьим пометом. Подняв голову к куполу, он увидел, как воробьи и им подобные в изобилии сидели на карнизах и деревянных балках, радостно поеживаясь и чирикают. Голубей в деревне почему-то не водилось. Видать, вдали от городских помоек жить им стало тяжело.

В пустых бойницах окон виднелась утренняя округа: низкий туман стелился до горизонта. На алтаре стояло три стула: там размещались разнообразные иконы и даже календарь за 1998 год с ликами каких-то святых. В их расположении не было никакого сакрального смысла, просто по мере появления экспонатов Клара заполняла стулья, чтобы выглядело красиво. Крыша существовала лишь условно, так что в дождь все заливало: иконы выглядели невзрачно, а ножки стульев от сырости поросли мхом.

— Здесь раньше батюшка служил, — сказала Клара и перекрестилась, — единственная в округе действующая церковь была всегда. Даже в войну, говорят. Председатель этим гордился, потому что все постоянно ездили сюда, а ему для статистики полезно было. Ну а теперь...

— Можно похозяйничать?

Иван подошел к стульям и отодвинул две иконы, чтобы освободить место. Затем он сдернул за лямку рюкзак, открыл большой отсек и достал свою Иверскую икону Божьей Матери с аккуратно склеенным стеклом, за которым, правда, уже не так хорошо было видно изображение. Но и в таком состоянии икона выгодно смотрелась. Он поставил ее на стул. На лице Клары выступили слезы.

— Господь с тобою...

Она впервые обняла Ивана, а затем встала на колени у стульев и стала что-то читать, едва слышно. Птицы мельтешили под сводом и чирикали,

ветер не выл, но легко гудел через множество щелей и проемов, туман на глазах расплзался, открывая вид на озеро и огромный, высокий дуб. Иван понимал, за что эта женщина молилась, и был крайне рад, что ему она об этом ничего не сказала. Весь обратный путь они молчали, как продолжала молчать деревня, — только собаки огрызались на дребезжание дизельного двигателя. Грузовик уже стоял за воротами, а Виктор помогал затащить в кузов последний бидон самогона.

Удостоверившись, что никто ничего не забыл, Иван с Виктором вышли из маленькой комнаты, проскрипели половицами по сеням и зашли на кухню. Там Клара оставила им в дорогу печеной картошки, немного огурцов и два последних помидора.

— Ну, удачи вам, ребята!

— Спасибо за прием, — сказал Виктор и обнял женщину.

Он первым залез в кабину и уселся посередине. Иван сказал что-то стандартное для таких случаев и двинулся следом. Он дернул хромированную ручку, распахнул скрипящую дверь и забрался на место, продолжая видеть Клару в дребезжащем зеркале. Горячо попрощавшись с мужем, как будто тот уезжал на другой конец света, женщина осталась стоять на месте. В принципе, ее можно понять: путь до райцентра неблизкий, случись что в дороге — помощи ждать не от кого.

— Ну, поехали, — скомандовал сам себе Арсений, включил вторую передачу, и машина двинулась с места, разгоняясь под горку.

Вот и огромное картофельное поле, где работали они всю неделю. Иван не думал, что когда-нибудь еще возьмет в руки лопату, но было это необычно, даже полезно для здоровья, хотя и тяжело. Пешком они шли сюда минут тридцать, а теперь через десять уже оставили поле позади. Машина набрала крейсерскую скорость, и потянулась дорога по пустошам, практически не петляя. Луги давно высохли, но волнистый рельеф все равно заставлял крепко держать руль и не особо отвлекаться. Периодически приходилось сильно сбавлять ход и объезжать совсем уж опасные участки. Надев свою одежду впервые за неделю, Иван ощущал себя в ней куда приятнее, в чем, собственно, не было ничего удивительного. Особенно когда она не промокшая насквозь и не задубевшая. Виктор был свеж и настроен на новые свершения. И если Ивану хотелось помолчать и покрутить в голове накопившиеся мысли, то Виктор нашел применение своей активности в расспросах Арсения.

— А кто за этой дорогой следит?

— Да никто. Верст тридцать от нашей деревни так только я и езжу, а дальше следов больше появляется, но шут их знает куда. Вокруг давно не живет никто, так что, может, мародеры какие дома растаскивают... Не знаю, в общем.

— В райцентре много живут?

— Много, да. Тысяч пять точно. Там и техникум раньше был, и Дом культуры даже какой-то, на танцы ездили по молодости. Сейчас не знаю.

— Не думали перебраться? — спросил Виктор.

— Туда-то? Да не... Хозяйство куда девать? Да и кто нас там ждет?

— Ваших ведь уехало туда много?

Арсений задумался.

— Кое-кто — да. Не знаю о них ничего, пропали — в гости не заезжают, а телефонов у нас нет. Может, и устроился кто... — Он достал сигарету и, держа руль локтями, чиркнул спичкой. — Я сам-то, когда автоколонна у нас в колхозе работала, мотался туда часто, бывало, и жил, по вахте как бы. Не нравится мне город, деревенским среди кирпичей тяжело...

Ехать им предстояло еще очень долго, Иван решил воспользоваться этим и подремать, чтобы в случае чего хватило на пару суток. Ведь они снова целились куда-то примерно, не имея ни конкретных данных, ни названия города, только направление — на юг. Так что ожидать можно было чего угодно. Даже денег у Ивана осталось всего ничего, и непонятно, на что он рассчитывал. Вскоре «газон» приблизился к лесу и поехал вдоль него. Высокие деревья закрывали солнце, и его свет стал мельтешить по кабине, как стробоскоп. Дорога совсем испортилась: то и дело путь перегораживали поваленные деревья и приходилось сворачивать на траву, аккуратно объезжая преграду. Стало жарко, Иван приоткрыл поворотную форточку, впуская в кабину запах леса и разноголосый шум его обитателей.

Глава 24

Когда грузовик оказался на подступах к райцентру, Иван сразу это понял. По сторонам стали вырастать стандартные для таких мест частные владения, соревнующиеся друг с другом в убогости и ветхости. Тускло горел красный сигнал светофора, хотя перекресток был совершенно пуст. Но стоило продвинуться вглубь, как появились откуда-то двухэтажные кирпичные дома, тентакли теплотрасс тянулись между ними, и радостно было, что хотя бы отопление тут центральное. Поначалу место действительно показалось едва ли не городом, но первое впечатление, как всегда, обманчиво. Рынок находился прямо в середине поселка, рядом с автовокзалом и зданием администрации. По большому счету, это было все, что поселок мог предложить: с краев его поджигали одноэтажные частные хибары и уже виденные двухэтажки, настолько плотно посаженные, словно вокруг и не было этих километров бесхозных, запущенных полей. На месте редких пустырей вырастал квадрат ларька или разноцветный, вызывающий своей палитрой насмешку прямоугольник автосервиса.

До железнодорожной станции было километра полтора, но Виктор предложил доехать с Арсением до базара и там распрощаться. На импровизированной торговой площадке стояло несколько грузовиков с фруктами и целый выводок «жигулей»: с них продавали свежее мясо, плохо пахнущее, наваленное друг на друга и подтекавшее. Рынком это назвать было сложно, так как сами торговые павильоны находились дальше, но стоимость их аренды никогда бы не покрылась скромной выручкой от реализации «лечебного зелья» и животных обрубков. Поэтому продавцы кучковались на подступах, никем не гонимые. Пожав руку Арсению,

человеку, спасшему их в самый нужный момент, товарищи двинулись на рынок в надежде чем-то перекусить. Гостинцы Клары кончились еще в дороге, так что следовало нормально забить желудок: неизвестно, когда еще такая возможность представится. Иван думал найти какую-нибудь столовую, но вариант Виктора оказался бюджетнее.

— Вон, давай шаурмы.

Экономить следовало каждую копейку. Возле самого красочного в округе ларька с яркой вывеской «Дары Востока» начала формироваться очередь. Какой-то мужик, судя по вонючему и грязному фартуку — продавец мяса с «жигулей», заказал разом пять «донеров». Из мелкого окошка шел приятный, острый запах, так что аппетит у Ивана разыгрался нешуточный и он с надеждой ждал, когда мужик наконец свалит. Забрав большой пакет с «донерами», тот радостно отошел в сторону. Женщина сняла с плиты прожаренную булку, накидала в нее ингредиенты, налила от души соуса, завернула в пакет и отдала, не забыв про салфетку. Удивительная культурность дошла даже до уличного общепита, подумал Иван и радостно посмотрел на предстоящий обед.

Чтобы не стоять, они с Виктором решили переместиться в парк у здания администрации, так как там были лавочки, урны и вообще довольно прилично. Посередине стоял памятник какому-то деятелю, но никакой таблички на постаменте не было, словно этой оплошностью разом почтили память всех, кто заслуживал. Виктор буквально несколькими сочными укусами уговорил шаурму, но Ивану вдали от ароматного ларька есть перехотелось. Кое-как дотянув до половины, он завернул шаурму в полиэтилен и положил на лавку рядом. Его больше интересовал их дальнейший маршрут. Интернет прекрасно ловил, карта загрузилась. Поселок назывался Прилесный и единственное, чем был известен, — непродолжительными боями Чехословацкого корпуса за контроль над железнодорожной станцией в июле тысяча девятьсот восемнадцатого года. То есть для современного человека ничем.

Однако с железнодорожной станции в теории можно было уехать почти в любом направлении. Минут десять Иван крутил карту, но так и не смог понять, к какому населенному пункту ехать. Слишком абстрактные требования предъявлялись им к пункту назначения. Самым простым вариантом было просто сесть на любой товарняк южнее и продолжить заниматься знакомым делом — маяться в трюме, периодически выглядывая за борт. На том и порешили.

Пока Иван грелся на солнце и давился вновь развернутой шаурмой, ведь за нее уплачены деньги, Виктор успел дойти до ларька и купить сигареты. Он шел обратно в хорошем расположении духа, распространяя вокруг себя зловоние дешевого табака.

— Будешь?

— Нет, я ем.

— Для аппетита, — смеясь, предложил Виктор.

— Что за мусор?

Виктор достал из кармана пачку и крутил в руке, разглядывая рисунок.

— Самые дешевые, не знаю. У нас таких нет.
 — Пахнут ужасно.
 — Поверь, куда лучше сырых. И вообще, я неделю нормально не курил — чего цепляешься.

Откусив большой кусок шаурмы, Иван не мог ничего сказать, а только мычал что-то невнятное.

— Здравия желаю, молодые люди.

Иван обернулся и увидел двух полицейских.

— Нарушаем?

Говорил низкого роста мужик почти овального телосложения. Лицо его было гладко выбрито, глаза из-под фуражки торчали внимательные, вполне обычные, но ощущалось в них какое-то нервное беспокойство. Примерно так выглядят глаза человека, желающего до кого-нибудь докопаться.

— Никто не нарушает, — наглым тоном произнес Виктор, даже не выпустив изо рта сигарету. Иван понял, к чему они вели, и еле заметно ткнул в него локтем. Получилось глуповато.

— В общественном месте курите, мусорите.

Полицейский продолжал, а его напарник, молодой высокий парень, явно младше их, скорчил довольную рожу, понятную любому без слов: вот, мол, и попались. Опустив недоеденную шаурму на уровень колен, Иван ожидал, что будет дальше.

— Где знак вы видите? — продолжил пререкаться Виктор.

— Вон здание районной администрации, тут парковочная зона. Знаков никаких не надо.

Фигура Виктора начала осаживаться. Он вынул изо рта окурочку и аккуратно положил в урну. Постепенно до него стало доходить, что в целом он был не прав, и дерзость сняло как рукой.

— Теперь не курим, — сказал он.

— Это похвально.

— Да ладно, мужики. Тоже мне нарушение. Не знал — буду впредь в курсе.

— Пройдемте.

Больше всего Иван боялся, что Виктор снова выкинет нечто неожиданное. Побегит или будет в лоб уговаривать их разойтись мирно. Однако он не был на это настроен и молча шел до отделения, находившегося в здании автовокзала, ничего не предпринимая. Шаурма начала протекать через пакет, так что Ивану необходимо было срочно ее пристроить — он бросил обернутый полиэтиленом кусок в мусорку автовокзала, словно скидывал нечто незаконное. Их завели в какую-то подсобку, где из мебели были забитый папками шкаф, стол с компьютером да два стула по разные его стороны. На один сел овальный полицейский, на другое пригласили Виктора. Иван с высоким стояли рядом, не зная, куда себя деть.

— Паспорт давайте.

Виктор молча достал паспорт из внутреннего кармана куртки и протянул его правоохранителю. Тот стал списывать данные в заранее распечатанный протокол, размахивая ручкой резко, как будто специально

оставляя надписи едва разборчивыми. Ивану казалось, что столь наплевательское отношение к документации было вызвано общей бессмысленностью ее ведения, своеобразный плевок в свою же сторону — и так сойдет.

— Хрена ты тут забыл-то?

— В смысле? — Виктор несколько обомлел от постановки вопроса.

— Прописан вон где. К родственникам?

— Культурный туризм, — съязвил Виктор.

— Ага. Ну да.

Стены подсобки были увешаны выписками из каких-то кодексов, а также фотороботами, старыми и новыми. На некоторых изображениях оказывались настолько сомнительные рожи, что без всякой ориентировки любому, кто такую встретит, понятно: уголовник, звоним в полицию, держим дистанцию. Толстый белый монитор компьютера оставался выключенным: значит, по базам не пробьют. Ведь главное, чего Виктор боялся, — это уплата алиментов, Иван еще в квартире об этом догадался. Но ни средств, ни желания платить у него не было, тем более жена вела себя по-хамски и того не заслуживала.

Молодой полицейский разглядывал Ивана, и тот это чувствовал, но списал на какой-то особый местный этикет. Когда, чуя власть над человеком, можно беспардонно пялиться на него, смущая и заставляя отворачиваться.

— А ну-ка, повернись.

Иван теперь повернулся и смотрел прямо в глаза, словно давая понять, что скрывать ему нечего. В целом так оно и было.

— Нажми-ка кнопку, — обратился высокий к напарнику.

Вентилятор зашумел, послышался контрольный писк — компьютер заработал.

— Паспорт.

— Только же давал, — недоумевал Виктор, держа возвращенный ему документ.

— Да не ты.

Обращались к Ивану. Он отдал паспорт и с недоумением пялился в экран, стараясь разглядеть там хоть что-то. Вскоре все и так стало ясно.

— Бучков Иван Петрович?

— Написано же, — отрезал Иван.

— Так ты в розыске.

Эта информация, попав в голову, несколько раз отскочила от внутренних стенок черепной коробки, пока не уgomонилась и не нашла понимания. Иван не ожидал услышать ничего подобного, поэтому с нескрываемым интересом подошел к монитору и разглядывал ориентировку. Не веря своим глазам, он раза три ее перечитал.

— Да ну на хер, — только и сказал Иван.

— Это как понимать?

— Долгая история...

Отойдя от монитора, Иван прислонился к стене и несколько секунд не отрываясь смотрел на обвисший кусок обоев, за которым виднелась старая синяя краска.

— И что делать?

Полицейские переглянулись. Еще никогда они не видели настолько странного пропавшего: не расчлененного, живого, да еще и задающего им глупые вопросы.

— Возвращаться домой. Нет? — предложил молодой.

— Это не вариант.

— У нас, в таком случае, один вариант.

Сорвав с крючка снятую в помещении куртку, старший широким взмахом накинул ее и застегнул, готовясь выйти.

— Сиди тут, — обратился он к помощнику, — передам его вокзальным, пусть сами разбираются. Нужен больно головняк этот.

— Так, стоп. Давайте мы просто уйдем и вы нас не видели — какие проблемы? — предложил Иван.

— Мы действуем согласно законодательству. Отпустить вас мы права не имеем, так что передадим другому отделу, а с ними уже решайте.

Виктор встал со стула.

— Я с ним пойду!

— Сейчас еще копию заполним, распишешься — и иди.

— Подходи к вокзалу, — сказал Иван и вышел вместе с полицейским на улицу.

Рядом со зданием стоял припаркованный на тротуаре уазик, куда они и сели. Иван не был прикован, не был под следствием, так что, в принципе, будь понаглее, мог без вреда для себя взять и убежать. Стал бы этот мамон его догонять? Правда, он знал его имя и держал в нагрудном кармане паспорт. Да, не лучшая идея. Оставалось лишь повиноваться и наблюдать, к чему все это может привести.

Машина вырулила на главную улицу и поехала прямо, потому что никаких поворотов, кроме дворовых съездов, вокруг не имелось. Вдоль импровизированного тротуара брели люди, собирая на свои туфли и ботинки пласты слипшейся грязи, поперек проезжали бесстрашные дети на велосипедах — ездили машины не быстро, боясь, очевидно, оставить в яме колесо. Висевшая на панели рацция молча шипела, что свидетельствовало как минимум об относительной спокойности поселка. Либо она просто не работала. Но зачем шипеть?

Иван никак не мог соединить в уме слово «розыск» и свою фотографию. Неужели кто-то написал заявление? Но кто? Мать, жена? Кто вообще имеет основание заявить об исчезновении человека? Да и фотография такая могла быть только у жены...

До вокзала ехали минуты три, и вот машина уже остановилась у дверей с надписью «Полиция», а Иван хвостом следовал за полицейским, не совсем понимая, куда. Чем этот отдел отличался от предыдущего, раз в нем могли решать важные вопросы? Они шли по темному коридору, где пахло лапшой и быстрорастворимым кофе, пока без стука не вошли в крайнюю справа дверь.

— Здравия желаю. Здорово.

Полицейский поприветствовал двух других полицейских и стал объяснять ситуацию. Оба были средних лет, худые, один в очках и стрижен-

ный коротко, под машинку, другой лопухий, такого наверняка высмеивали в школе. Первый макал в чашку пакетик, второй ковырялся в журнале, что-то исправляя.

— Вот вам пропавший без вести. Бучков Иван Петрович, на прошлой неделе заявили. Сначала, видимо, в местном был розыске, потом переслали во всероссийский. Знаете такого?

— Нет, кто их всех помнит.

Полицейские никакого интереса к Ивану не демонстрировали. Скорее наоборот: почти презрительно игнорировали существование. Говорил только первый, в очках.

— И чего ты его привел?

— Ну, решать надо вопрос.

— Какой же он пропавший, если нашелся?

Овальный почесал затылок, придумывая, что сказать.

— Оформить теперь надо.

— Нам больше оформлять нечего? — злобно отчеканил полицейский.

— Я только сделал, что должен.

Они выглядели довольно нелепо, стоя посреди комнаты. Иван-то, в общем, никуда не спешил. Его разве только пугала неторопливость полицейских: они, казалось, могут продержаться в отделении целый день, просто от скуки и в попытке себя занять. Иное объяснение повисшему молчанию он найти затруднился.

— В общем, давайте, работайте. Я поехал.

Овальный полицейский сделал несколько коротких шагов до стола, положил паспорт «пропавшего» и вышел из кабинета, аккуратно, без стука прикрыв дверь. Иван продолжал какое-то время стоять, пока не понял, что пора брать ситуацию под контроль. Он сел на стул напротив полицейского.

— Это все ерунда. Давайте я объясню и вы меня отпустите?

Повернув голову на говорящего, полицейский поправил за дужку очки и переключил наконец свое внимание.

— Ну.

— Я уехал из дома, никому не сказав. Так надо было, по семейным обстоятельствам. А кто-то там решил, что я пропал или меня похитили. Но я же тут — значит, все в порядке.

Лопухий засмеялся, отложив журнал на стопку таких же журналов.

— Раз так, то ладно. Отпускай.

На мгновение Иван почувствовал воодушевляющее жжение в груди, какое всегда бывает, если мы слышим что-то приятное и радостное. Но было это лишь странным юмором правоохранителей, потому что полицейский взял паспорт, раскрыл его на нужной странице и стал вводить в базу имя, фамилию, отчество, дату рождения. Темно-синий фон сайта сменился белым, и Иван увидел его отражение в стеклах очков. Люди с хорошим зрением разглядели бы и буквы.

— В заявлении написано: телефон не отвечает на звонки, однако кто-то отправил СМС-сообщение, по стилю написания совершенно непохожее на моего мужа. Возможно, телефон украли.

Иван развел руками, не зная, что сказать. Чтобы как-то продемонстрировать глупость описанной ситуации, Иван достал из кармана телефон и показал полицейскому.

— Да это я писал. Вот! Даже историю покажу...

Открыв страницу с перепиской жены, Иван пролистал, стараясь не захватить лишнего, и продемонстрировал текст, развернув экран к сидевшему напротив. Тот выхватил телефон, приподнял очки, близко его рассматривал, куда-то нажимая. Это было достаточно беспардонным актом, но Иван спокойно смотрел на действия полицейского — главное, чтоб отстали.

— Недостаточно средств для совершения вызова.

Голос мобильного автоответчика звучал громко и слышно было по всему кабинету. Пока до Ивана доходил смысл этой фразы, полицейский уже заканчивал набирать номер на своем кнопочном телефоне, периодически поглядывая на соседний экран.

— Вы... куда?.. — только и успел произнести Иван.

— Здравствуйте, капитан Вылейкин вас беспокоит из поселка Прилесный. Вы мужа теряли?

Лицо Ивана мгновенно покраснело, дыхание сжалось в тонкой шее, и невозможно было даже выдать звук. Он ожидал всякой подставы, морально приготовился даже сидеть в отделении до вечера, отвечая на тупые вопросы и заполняя бесчисленное множество бланков, но этого точно не просчитал.

— Да, хочет с вами поговорить, вот...

Полицейский передал телефон, Иван не хотел даже прикладывать его к уху, а просто держал возле головы. Он слышал голос жены, какой-то необычно высокий и тягучий, но не мог произнести ничего. Через очки на него смотрели уставшие карие глаза.

— Ну?

Иван нащупал красную кнопку и надавил ногтем. Он положил телефон на стол и молча смотрел, что будет делать полицейский. Лопухий, бросив заниматься ерундой, внимательно наблюдал за происходящим и первым высказался:

— Ты бабе своей «привет» даже сказать не можешь?

— Да помолчи, — огрызнулся Вылейкин, уже полностью освободив лицо от очков.

Он внимательно посмотрел на Ивана и увидел, что тот находится в полном замешательстве. Сидел как оцепеневший, перебирая пальцами замок рюкзака, и старался увести взгляд в сторону, но в итоге и этого не получилось.

— Хочешь ты того или нет, но жене позвонить придется. Решай с ней вопросы сам — без вариантов. Отмалчиваться не получится.

Он мигнул лопухому, и они вышли из кабинета. Иван остался один — с телефоном и безумным нежеланием звонить. Что он мог ей сказать, сидя в отделении полиции? Что вообще можно было сказать в таком случае? Объясниться? Иван понятия не имел, что должен был

объяснять. Его мотивы не настолько просты, чтобы стройно оформиться в предложение, абзац, текст объяснительной записки за подписью обеих сторон. Если уж он сразу не мог ей ничего сказать, то по прошествии стольких дней любящие разговоры оказались бы посмешищем, жалкой попыткой промямлить нечто осмысленное. Решетки на окнах стояли плотно. В коридоре хоть и темно, но через дежурного можно проскочить лишь напрямую, то есть снова придется куда-то убежать, шныряя по кустам. Бегать Ивану точно не хотелось, да и в таком поселке найти его — дело десяти минут. Тем более тогда они точно разминутся с Виктором, ведь тот должен подойти на вокзал.

Иван взял кнопочный телефон и крутил в руке, разглядывая разъем для зарядки, расположение динамика и неудобные клавиши громкости слева на корпусе — как этим вообще можно пользоваться? По сравнению со смартфоном телефон был безумно легкий, крошечный и какой-то детский. Казалось, если его отпустить, то он не разобьется о затертый линолеум кабинета, а мягко, как бумага, приземлится у порога, планируя в потоках слабого ветра, задувающего в открытую форточку. При нажатии кнопки «отмена» загорелся цветной дисплей. Каждая надпись собрана была из квадратиков, как у старых китайских наручных часов, и это рассеивало внимание, не давая сосредоточиться. Время — двенадцать ноль восемь, площадь покрытия сети — полная, а вот индикатору зарядки не доставало пары делений. В окне нарисовалась лопухая физиономия, следящая за деятельностью Ивана. Они вернутся, как докурят до бычка. Понимая, что полицейский в очках дал ему шанс поговорить с женой наедине, Иван открыл журнал вызовов и увидел знакомые цифры. Большой палец правой руки водил по шершавой клавише с зеленой трубкой. Наконец, решив, что выбора ему не остается, он крепко вдавил клавишу в телефон, словно исключая саму возможность ошибки. При таком усилии микросхема точно получит нужный электрический импульс, передаст сигнал процессору, и он, просчитывая за доли секунды недоступные представлению человека массивы данных, инициализирует процедуру звонка. Сотовая вышка поймает запрос и...

— Алло.

Голос в динамике был достаточно спокойный. Иван раскрыл рот, готовясь начать разговор, но какое-то время так и сидел, ожидая момент.

— Да!

— П... Привет.

— Ваня? Это ты?

— Я...

От тяжелого дыхания крохотный телефон завибрировал с пластмассовым треском.

— С тобой все нормально? Ты где?

— Нормально... Хорошо.

Видимо, жена немного свыклась с фактом того, что ее муж жив и находится на другом конце виртуального провода. Поэтому она вдруг начала сумбурно перечислять все, что приходило на ум.

— Куда ты пропал? Мы тут места себе не находим. Отец поднял все свои старые связи, чтобы во всероссийский розыск объявить. Что такое произош...

— Мама как? — перебил жену Иван, не желая слушать всю эту ерунду.

— Переживает, как еще. Заказывает тебе службу за здоровье и...

— Моя мама.

Последовала небольшая пауза. Видимо, жена подбирала какие-то слова.

— А, эм. Нормально, наверное. Я давно с ней не виделась...

— Понятно.

— Ты... ты знаешь, что мне пришлось пережить? Я не спала ночами, я тебя уже похоронила...

Снова это ощущение. До дрожи во всем теле, до спазмов в горле, до слепоты в глазах. Иван косвенно, удаленно, но соприкоснулся с миром прошлого, от которого, казалось, был уже так далеко. Он чувствовал, что вновь находится там и связан, опутан; он словно осязал на теле следы невидимых поводов. Если безразличие и лицемерие имели бы физическое воплощение, то они, просочившись в мелкие отверстия динамика, мигом заполнили бы едким газом весь объем кабинета. Ивану хотелось бросить в стену трубку, разорвать голыми руками решетку на окнах и бежать, бежать вглубь станции, схватить за поручень первый подвернувшийся полувагон, самый грязный, набитый до краев углем. Но оставался еще один вопрос. Жена уже выговорила и молча сопела в трубку, поэтому не пришлось даже перебивать.

— Как ребенок?

— Что? — произнесено было с недоумением, которое нельзя было подделать.

— Ребенок.

Зачем вообще приходилось это повторять? Разве сразу не понятно, о чем он говорит?

— Какой ребенок, идиот?! — на другом конце провода послышались истеричные всхлипы. — Это мама моя придумала, чтобы как-то тебя сподвигнуть, заинтересовать. Показать, что все родственники ждут этого, станут нам поддержкой... И твоих подговорили, думали, сердце твое растает... Ты поэтому сбежал? Ты просто...

Иван бросил трубку на стол, не желая слышать ничего, что она собиралась сказать. Динамик блеял и скрипел, транслируя накопившиеся боль и раздражение жены. Лицо резко начало пылать, покраснело до такого состояния, что нельзя было тронуть рукой. Ноги онемели, не было даже покалывающей боли, словно они насовсем отпочковались от тела. В ушах ожидаемо начало свистеть, пальцы не слушались, и нельзя было поймать ими замок рюкзака. Ругань в трубке резко стихла, и послышались отрывистые шумы. Иван сгреб двумя руками телефон и поднес его к голове, держа в ладонях.

— Слышно? — произнес Иван.

— Ты любишь меня? — внезапно спросил динамик.

О подобном они не говорили даже лично, оставляя этот вопрос на каком-то подсознательном, невербальном уровне. То, что сейчас жена за-

дала его в телефонную трубку, говорило о крайней степени ее отчаяния. Иван промычал что-то... Если уж на СМС не нашлось сил ответить, то что говорить об удаленном, но все же живом разговоре?

— Ваня?

— Забери заявление.

Снова повисла пауза. Иван услышал, что по коридору кто-то топает. Разговор пора заканчивать.

— Ты вернешься?

— За... забери!

Дверь открылась, и в этот же момент Иван выронил из ладоней телефон. Он хлопнулся о линолеум, отменив вызов.

— Порча казенного имущества, — съехидничал лопоухий и остановился у большой бутылки с водой, ритмично нажимая на рукоятку помпы.

— Ну? Поговорил? — спросил Вылейкин и опустил на корточках, поднимая телефон.

— Да.

— Успешно?

— Ничего, — ответил Иван вяло, но утвердительно.

Полицейские расселись по своим рабочим местам и стали думать, что делать с «пропавшим» дальше. Случай нарисовался нетривиальный, однако никакого желания вникать во все перипетии у них не было. Иван вкратце поведал об итогах разговора.

— Она точно заберет заявление?

— Не знаю.

— Н-да...

Щелкая пальцами по клавиатуре, полицейский внимательно вглядывался в экран, вводя какие-то запросы. В таком ритме прошло минут десять. Дверь кабинета открылась, зашел сержант и поинтересовался, куда девать очередного алкаша.

— Во вторую камеру, какие проблемы.

— Там потолок протек.

— И что? — воскликнул лопоухий. — Быстрее в себя придет.

— Так сказали: туда до ремонта нельзя никого.

— Кто сказал?

— Капитан Солонцов.

— Вот к капитану в кабинет, значит, и сажай его. Все, отвали.

У лопоухого что-то не клеилось: в открытой папке с делами лист А4, намазанный по краю, никак не хотел держаться за корешок. Вылейкину наконец надоело ковыряться в интернете. Он закрыл браузер, встал, подошел к стеллажу с папками, достал оттуда пачку чистой бумаги, вернулся на место. Разорвав упаковку, полицейский вытащил несколько листов, протянул один из них к Ивану и положил рядом синюю обгрызенную ручку.

— Пиши.

— Ч-что? — не понял Иван.

— Я, такой-то такой, место рождения, дата, подтверждаю, что не пропал без вести, нахожусь в здравии и прошу меня отпустить. Нормально так? — спросил полицейский у лопоухого.

— Херня какая-то. Надо продумать юридическую формулировку, — ответил тот.

— Да хватит тебе. Главное, паспортные данные будут и подпись — кто это увидит.

— Нет уж, давай нормально подумаем, чтобы нам потом не предъявляли.

Лопухий плеснул в электрический чайник воды и поставил на желтую от грязи подставку греться. Заварив себе и товарищу по чашке, он вдруг предложил и Ивану, но тот отказался — в горле стоял ком, и вряд ли чай смог бы его растопить. Прошло не менее получаса, прежде чем удалось относительно грамотно заполнить два экземпляра заявления и поставить на них печать, чтобы выглядело солидно. Иван оказался на улице так же внезапно, как и в отделении.

Виктора искать не пришлось — он сидел у перрона прямо напротив, на изогнутой волной старой лавке в мелкую рейку — между такими рейками обычно любят засовывать сигаретные бычки. Подобные лавки повсеместно ставили раньше в любых публичных местах, от скверов до аллей и вокзалов. Он молча глядел на железную дорогу и даже не сразу заметил Ивана, спросившего:

— Как прошло?

— Это у тебя как прошло?

— Да не особо...

— Прямо взяли и выпустили?

Иван подложил рюкзак под спинку, потому что форма лавки была неудобная и поясница оставалась без опоры.

— Написал заявление какое-то... Давно сидишь?

— Час, может, поменьше.

— Тебя нашли по базе? — спросил Иван.

— В смысле?

— Мне казалось, ты поэтому опасешься ментов...

Виктор немного оживился, усаживаясь поудобнее. На второй путь прибыл электропоезд, о чем неразборчиво объявил громкоговоритель, приделанный к фонарному столбу.

— Почему? Думаешь, я эк?

— Нет. Ну, алименты там...

— Да ты чё, — Виктор отрывисто хмыкнул, — дело не в этом. Их я как раз стараюсь платить. Суммы смешные, но все же...

— В чем тогда проблема? — упорствовал Иван.

— Меня лишили прав родительских. Мол, не работаю нигде, веду асоциальный образ жизни, чуть ли не бомжую. Это жена, сука, устроила. Как-то мы с ней поругались, потому что она чушь нести начала какую-то, не суть. Ну потом ведь человек остывает обычно, успокоится — и все, проехали. А она пошла дальше и в суд...

— Хреново, — поддакнул Иван, не зная, как еще можно проявить сочувствие к товарищу.

— Мне туда и предоставить нечего. Работаю то тут, то там, какой-то своей цели не нашел. Не было такого, знаешь: хочу быть продавцом-кас-

сиром, грузчиком, пистолет в бензобак вставлять. Люди о другом обычно мечтают: ученый, космонавт, артист. А я на четвертом десятке ничего уже не хочу. Вот она и воспользовалась... Мне поэтому нельзя вообще никаких правонарушений совершать, это все влияет на рейтинг доверия, так сказать.

Электричка собрала немногочисленных пассажиров и, завывая изношенными двигателями, уехала. Станция была небольшая, но плотно уставленная грузовыми вагонами.

— Мне условие дали: если не возьмешь себя в руки и не станешь нормальным, то есть работать там, все вот это, — о дочери забудь. Жена даже собиралась второй раз в суд идти, чтобы вообще видеться запретили. Положена мне сейчас раз в неделю встреча, так эта сука их тоже постоянно отменяет или делает специально короткими: на час заглянул — и вали. Ребенку какво? Приходит дядя какой-то, отец вроде как, помнется часок, промямлит что-то невнятное — и мать его гонит. Таким не будешь гордиться...

— А ранец? — вспомнил вдруг Иван и вдруг засомневался, хорошо ли о таком напоминать. Но раз уж пошел разговор, то почему бы нет?

— Ранец... Это я к школе Даше хотел подарить, после Нового года. То есть на новую четверть. Не успел, правда, потом решил на день рождения и перепутал дни недели, в голове все, знаешь, перемешалось. Считаю, тоже опоздал. Ну, жена воспользовалась: смотри, ты даже не помнишь дня рождения дочери. А я помнил и поздравил! На день позже, правда...

Иван сопоставлял сказанное с тем, что невольно удалось подслушать у Виктора в квартире. Голос у его жены был как у истерички, такими обычно становятся годам к сорока, когда от обилия одинаковых дней в году копится в подсознании злорадия и требуется ее выместить, иначе произойдет гормональный сбой.

— Потом она пришла деньги требовать, снова орала. Это в ее стиле, психическая атака. Другой на моем месте давно бы ей леца втащил, а мне стыдно. Женщина как-никак. Вот она и пользуется этим. Ей нравится.

— Главное, не опускаться до такого же уровня. Быть всегда последовательным... — посоветовал Иван, как будто был самым что ни на есть экспертом в области отношений.

— Вот я последовательно ни хрена и не делаю. Мать с отцом из деревни присылают деньги, живу... Теперь понимаешь, насколько я заинтересован был, чтобы свалить? Тошно уже и от города этого, и от рож надоевших!

— Понимаю...

Виктор достал из кармана маленькую бутылку минеральной воды, экономно глотнул. Затем предложил Ивану, и тот согласился, потому что пить хотелось страшно. Он, однако, тоже удержался на паре обильных глотков, чтобы не наглотать. Несмотря на нелюбовь к минералке, он признавал: умеет она утолять жажду куда меньшими количествами, нежели обычная питьевая вода.

— Меня жена в розыск объявила. Подумала, что похитили или убили.

— Ты настолько внезапно уехал? — удивился Виктор, выделив интонацией второе слово.

— Куда уж внезапнее...

— И чего с этим делать?

На этот вопрос Иван пока сам не знал ответа. Он еще не успел прокрутить в голове различные варианты.

— Заявление она вряд ли заберет. Да и эти меня отпустили, просто чтоб не париться, другие могли насесть сильнее.

— Чего угодно от них ожидать можно... — подтвердил Виктор.

Как бы ни старался Иван купировать эту мысль, забив всякими другими, менее важными, но она продолжала возникать, и вскоре было бесполезно отмахиваться. Единственным способом решить сложившееся недопонимание было вернуться и поговорить с женой. Да, именно поговорить, не по телефону, не удаленно, а лично, лицом к лицу, без посторонних. Причем не объясняться, не оправдываться, а прямо и точно продемонстрировать себя невредимым, дабы сама суть заявления оказалась недействительна и абсурдна. Не оставить ей выбора.

— Знаешь, я думаю, мне надо вернуться и самому решить с ней этот вопрос. Пускай заберет заявление.

— А как же юг? — спросил Виктор просто, но в голосе его чувствовалось напряжение.

— Не знаю. — Иван отвернулся в сторону вокзала, находившегося по левую руку. — Но так меня любой полицейский может дернуть. Ведь ориентировка с фотографией...

Виктор ничего не говорил и смотрел на асфальт, на закатанные в него камешки щебня, такие же, какими посыпают путь. Сложно было сказать, о чем он думал, но с самого утра все шло совершенно не так. Виктор выезжал из деревни с ощущением восторженного ожидания, предвкушения чего-то неизведанного, и эта неопределенность давала ему надежду, занимала мысли, заставляя не думать о настоящем, надежно заколоченном в границах родного города. Теперь же его товарищ готовился отделиться и вернуться домой, пускай к тому и вела серьезная мотивационная цепочка. Как же сильно грело солнце!

— Смотри сам. Я тут не советчик, — отрезал Виктор и снял плотную куртку, в которой уже успел взопреть.

Положив ее на пыльную лавку рядом с собой, он ощутил, как по мокрой рубашке заскользили теплые потоки воздуха, настолько слабые, что ветром их не назовешь. Иван сидел расстегнутый, в таком же виде, как вышел из полиции, и жаркое прикосновение лучей не могло его отвлечь.

— У тебя остались деньги? — вдруг спросил он.

— Немного.

— Хватит на обратный билет к себе?

— Я не собираюсь возвращаться.

Иван достал из кармана кошелек и окинул взглядом скромный набор купюр, на которые вряд ли можно куда-то уехать.

— Смотри, план таков: я возвращаюсь домой, жена забирает заявление, я пару недель где-то ищу средства, может, продам чего — и мы на нейтральной территории с тобой встречаемся. Да хоть прямо здесь же.

— Погоди, погоди. Мне-то что делать в это время?

— Съезди домой, — предложил Иван, — это же временно.

— Я не затем оттуда сваливал. Тем более прошло слишком мало времени — никто даже не заметит моего отсутствия. Уж заявления точно не напишет...

— Ладно, пошли, на вокзале посмотрим расписание и стоимость.

Товарищи зашагали к вокзалу. Виктору эта идея определенно не нравилась, но ничего разумнее и логичнее взамен предложить он не мог, поэтому шел молча, прикидывая для себя дальнейшее развитие событий. Никакой рамки металлоискателя на входе не стояло, и они спокойно подошли к кассе, разглядывая приклеенные скотчем листы. Там было написано слишком много всего, так что проще спросить у кассира. Что Иван и сделал.

— Вам два? — спросил голос в динамике.

— Один.

Женщина назвала стоимость. Это был самый дешевый плацкартный вагон без кондиционера и биотуалета на ближайший поезд, который отправлялся вечером и тормозил, судя по времени в дороге, у каждого полустанка, как маршrutка. Иван столько насчитать не мог.

— Слушай... сможешь накинуть?

Ему стыдно было просить у Виктора денег, особенно после того, как тот рассказал о своей жизненной ситуации и элементы паззла постепенно собрались у Ивана в более-менее полную картину. Но взять больше нигде. Виктор не думал и миллисекунды — достал из кармана купюры и передал Ивану. Тот просунул их в щель между стеклом и стойкой кассы. Женщина внимательно их пересчитала, провела по какому-то сканеру и наконец приняла. Билет оказался в руках.

— Ты точно не поедешь? — переспросил Иван.

— Да у меня уже и не хватит. Я буду придерживаться выбранного пути...

Отчего-то Виктор начал говорить возвышенно. Ивану стало не по себе, ведь он забрал у человека едва ли не последние деньги. Тут его вдруг осенило: кредитка! Мысль о каком-то остатке на счете заставила его почти бежать. Виктор не особо торопился, далеко нестись не пришлось. Банкомат стоял в углу зала ожидания. Главное, чтобы карта не размагнитилась.

Иван засунул потрепанный кусок пластика в нужное отверстие, на экране загорелось поле ввода ПИН-кода. Затем аппарат погрузился в долгую утомительную паузу, кряхтел и пищал без видимой на то причины. Карта оказалась выносливой, и вот Иван получил доступ к интерфейсу. Проверив счет, ничего невероятного он там не обнаружил — сумма остатка была эквивалентна взятой у Виктора плюс две шаурмы в лаваше. Причем одну шаурму снять не получилось, так как оставлять баланс нулевым было запрещено тарифом и типом карты. Банкомат издавал такие сочные звуки, будто по ошибке планировал выдать все

имевшиеся в его распоряжении средства. Но вот показались корешки нескольких купюр, которые были сразу отданы Виктору.

— Теперь хватает? — поинтересовался Иван.

— Я все равно не поеду, — отрезал Виктор, — сказал же.

— Как знаешь.

Они вышли на улицу и сели на бетонное ограждение сбоку вокзала. Служило оно, судя по всему, барьером для ограничения доступа машин к перрону и было облюбовано художниками нецензурных скетчей, с которыми тщетно пытались бороться местные работники, замазывая уличное искусство белой краской. Отсюда открывался еще более широкий вид на станцию: зеленый двухсекционный электровоз поднял токоприемник, пустив искру, и медленно покатился куда-то вдоль грузовых вагонов, звуча как огромный старый холодильник. Вновь наступило странное молчание, но на сей раз было в нем что-то куда более глубокое. Иван понимал обиду Виктора и поэтому попытался предложить максимально честный вариант решения проблемы. Однако тот не собирался возвращаться домой — решение это было окончательное и бесповоротное. Вот и выходила такая странность: надо столько всего обсудить, а слова потеряли значение, и не было большого смысла ими раскидываться. Иван держал за пазухой билет в родной город, у Виктора в кармане лежал бумажник с весьма скромной денежной суммой.

— Какой состав подцепили? — спросил вдруг Виктор.

— Смотря откуда считать. От нас через один вроде...

— Я поеду на нем.

От твердости фразы Иван немного обомлел.

— То есть как это?

— Ждать тебя мне нет смысла. Пока ты там решаешь свои дела, я лучше буду продолжать двигаться южнее...

— Погоди. А как мы потом скооперируемся?

Виктор достал телефон и открыл контакт под названием «свой». На маленьком дисплее кнопочного китайского аппарата мало что было видно.

— Пиши — это номер мой.

— Погоди... прочитай лучше.

Записав под диктовку десять цифр, Иван сохранил их в записной книжке, на скорую руку обозвав «виктор» без заглавной буквы. Свой номер Иван проговорил по памяти. Виктор быстро перебирал по клавишам, так что диктовать можно было без пауз, не повторяя два раза. Накинув куртку, Виктор застегнулся, достал что-то из кармана, встал с бетонного блока, поправляя штаны цвета хаки и проверяя шнурки больших черных берцев. Настало время отправляться.

— С чего ты решил, что этот состав на юг едет?

— Интуиция.

— Давай проверю, а то... — начал было Иван.

— Не надо, — оборвал его Виктор, — если что, переседаю. Ты ведь как-то добрался до меня.

— С навигацией.

— Не пропаду.

Виктор впервые по-настоящему улыбнулся. Искренне, показывая все свои на удивление белые и ровные зубы. Он протянул Ивану руку, на которой была порезанная по пальцам кожаная перчатка, сморщенная временем и очень цепкая.

— Откуда? — удивился Иван, почувствовав в ладони плотный материал.

— Шоферские. Арсений подогнал.

Иван поднялся с бетонного куба и стоял напротив Виктора, держа его за перчатку. Слова опять не скользили по языку, а больно, на разрыв продирались сквозь сухую гортань. Он попытался проглотить слюну, которой не было, но со стороны казалось, что это жажда вызывает такой дискомфорт.

— Будешь? — спросил Виктор и достал из кармана бутылку минералки.

— Нет. Тебе нужнее.

Со стороны путей послышался лязг сцепки: вагоны ближайшего к ним грузового состава легко дернулись. Локомотив прикрепился.

— Удачи, дружок. На созвоне.

— И тебе... давай!

Виктор развернулся и пошел от вокзала прочь, чтобы не мозолить глаза охране. Он прошагал вальяжно метров сто пятьдесят и скрылся за кирпичной стеной какого-то заколоченного досками здания с плоской крышей. Затем появился с тыльной его стороны и уже осторожно стал продвигаться по рельсам к нужному составу. Приблизившись к первому подвернувшемуся полувагону, Виктор перелез через сцепное устройство, совершенно исчезнув из вида. Люди хлынули на перрон, потому что очередная электричка прибыла и выпустила из своих объятий каких-то увальней-дачников и группу школьников во главе с классным руководителем. Или кем-то подобным, кто имеет полномочия возить с собой кучу детей и кричать на них, чтобы те вели себя хоть сколько-нибудь прилично, не рассыпаясь по платформе горохом.

Иван продолжал стоять и внимательно смотрел на грузовой состав, чтобы понять, какой вагон выберет Виктор. Со своей позиции, пускай и на расстоянии, он уже заметил парочку свежих и сравнительно чистых — оставалось проверить, совпадают ли их вкусы. Наконец он увидел, как темный силуэт в полувоенной форме уверенно перевалился через борт, не задумываясь о том, как правильно поднять и перенести опорную ногу. Станный выбор, ведь рядом стоял куда более опрятный вагон — видимо, заполненный. Как бы то ни было, Иван еще долго наблюдал за темно-синим полувагоном со ржавыми, закопченными краями, но Виктор из него не высунулся, продолжая сидеть в трюме. Вскоре состав тронулся и очень быстро уполз со станции в неизвестном направлении. Хотелось верить, что на юг, но Иван не решился это проверить.

До поезда оставалось еще три часа. Несмотря на солнечную погоду, стало как-то зябко, и Иван, держа рюкзак в руке, решил встретить вечер в зале ожидания.

Дмитрий МЕЛЬНИКОВ

ЗИМА С ТОБОЙ

* * *

Мальчик нежный со снежком,
тот, что ртом ловил снежинки,
умирает стариком,
остаются на картинке
вечно юное лицо,
снег на кроличьей ушанке,
деревянное крыльцо,
женщина на полустанке,
девочка, которой нет,
в пыль закопанный секретик,
остается ровный свет —
он еще сильнее смерти.
Открывай же, открывай
крышку фотоаппарата,
пленку новую вставляй,
снимем бабушку и брата,
деда Леба без ноги,
дядю Славу, тетю Таю...
В поле не видать ни зги.
Вы же здесь, я точно знаю!
Эй, за снежной пеленой,
выходите, бога ради!
«Смена-8М» со мной,
пленка в фотоаппарате
есть еще, я проявлю,
не испорчу, я умею,
слушайте, я вас люблю,
вас люблю, себя жалею,
я же русский человек,
гость на собственных поминках.
... Только снег на фотоснимках,
белый, белый, белый снег.

* * *

Ангел, говорящий, что
человека не осталось,
только старое пальто,
вызывающее жалость
шалькою-воротником,
вытертыми рукавами,
что надвязаны крючком,
машет белыми крылами,
или это человек
обернулся белой молью,
или это белой солью
присыпает землю снег.

* * *

Всей этой долгою зимой
я был как проданная птица,
все ждал чего-то, боже мой.
Соседей рубленные лица
я видел через стену дома,
вот бабка, крашенная хной,
вот сын ее беспутный Рома
бежит по горке ледяной
с кульком, окольными путями
за жидкой смертью в магазин,
потом он скажет «сдохни!» маме,
потом он будет спать в грязи,
в сарае, где стоит корова,
потом он скажет мне «здорово!»
или умрет. Не все весны
дождутся в этом месте странном,
где за туманом, за туманом
деревья черные видны.
На Пасху расцветет сирень
или жасмин, и куст огромный,
тряхнув копной снегоподобной,
осыплется в ненастный день,
и будет колокол над Летой
звонить и плакать без конца,
и выстроится храм из света
вокруг Господнего лица.

* * *

Моей звезды на небе нет,
моя звезда давно погибла,
я сам себе пустынный свет,
как паутина, что налипла
на все пространство целиком,
я соткан древним пауком,
Арахна в сны мои проникла
и стала русским языком.
Я чувствую на нитях звезды,
как будто утренние росы,
я обнимаю города,
материки и океаны,
я дождь, я морось, я вода,
вино из галилейской Каны,
и мрак ночной, и воздух горный,
и хлебец, брошенный врагу,
и пятна красные у Черной
замерзшей речки на снегу.

* * *

Старуха, покидая дом,
взяла с собой колечко,
лицо под кружевным платком
и восковую свечку.

— Прости меня, — сказал ей Бог, —
твой дом свезли на свалку,
увы мне, я сберечь не смог
ни шкафчики, ни прялку.

— Там ниток был еще клубок,
а с ним играл котенок,
я назвала его Пушок,
он шурился спросонок.

— Ты не грусти. — Я не грущу.
— Иди по этому лучу,
не вспоминая о судьбе,
в свой дом, что я возвел тебе.

— А что, была ли жизнь? — Была.
Иди! — И женщина пошла
в свой рай, где ждал котенок
и шурился спросонок.

* * *

Придешь домой, а там
никто тебя не любит,
ты пьешь на кухне чай
и спать ложишься, но,
возможно, нет тебя,
ты просто воздух в кубе,
квадратного окна
квадратное пятно,
который год, Фома,
ты чуда ждешь от Бога,
а чуда нет как нет,
по стеклам бьют дожди,
потом придет зима
и даст тебе потрогать
холодный белый снег,
как рану на груди.

* * *

Там, за последними домами,
там, у излучины реки,
Мать Божья тонкими руками
с земли собирает колоски.
Платком, как саваном, прикрыта,
колхозное ворует жито.
Ей стыдно, она терпит муку,
но мальчик держится за юбку,
и Осип, сторож-инвалид,
смахнув слезу, на них глядит.
В том поле непомерный голод,
в том поле непомерный холод,
и страх, и стража у дорог,
и прячет колоски мальчишка
в карманы старого пальтишка,
еще не зная, что он — Бог.

* * *

Как будто зима происходит с тобой,
и возится мышь за печною трубой,
и в сумерках кошка чихнула,
и кофта сползает со стула.

Как будто с тобой происходит зима,
как будто бы снова ты пьян без вина,
а только своею виною.
Зима управляет странною
и водит по улицам белым полки,
и красное солнце стоит у реки,
и ветер сгоняет слезу со щеки,
и лед намерзает на глобус,
и ты забегаешь в автобус
и видишь на стеклах морозный узор,
и слышишь сквозь дрему пустой разговор,
и едешь куда-то навстречу судьбе,
которая так благосклонна к тебе,
что даже становится страшно,
но это не важно. Не важно.
А важно — зима собирает полки,
и то, что отерла слезу со щеки,
как ангел, ниспосланный Богом,
и то, что дорога, дорога.

* * *

Я знаю, ты не спишь,
в таком кромешном мраке
нельзя спокойно спать
и ничего нельзя.
Летит сыра земля
к праматери собаке,
к чертям собачьим в пасть
сквозь звездные поля.

Кто даст тебе приют,
подвинувшись во гробе?
Кто скажет: «Лезь сюда,
пока твой не готов»?

Возьми любовь мою
и в девственной утробе
укройся навсегда
от ледяных ветров.

Давай я расскажу
о том, как плыло лето
над утренней Москвой.
Ты покупал пломбир,
и он сиял в руке,
как будто шар из света,
и листьев дивный мир
шумел над головой.

Я чистое стекло,
которому не больно,
за мною синева,
весенние цветы,
возьми мое тепло —
во мне его довольно,
во мне горят слова,
чтобы согрелся ты.

Роман ГОРЕПЁКИН

КАЛМЫК

Повесть*

1.

Старуха Хлебникова собиралась на кладбище. Высокая, дородная, осанистая, она крупными шагами мерила комнаты. Собиралась не суетно, но быстро. Наконец, отбив положенные поклоны у икон, вышла на порожки. Задержалась, чтобы из-под насупленных, не по годам еще черных бровей окинуть взглядом свой да заодно и соседский надел.

Минувшей зимой Евдокее Хлебниковой исполнилось семьдесят семь лет, и считалась она по станице древней старухой. Старше были еще только две казачки. Одна — Васса Калишникова, доживавшая свою нелегкую старость на печи у внука, давно уже недвижимая, раздутая, как гора, непонятно что бормочет днем и ночью, молится ли, бредит ли, почти ничего не ест и не пьет — чем жизнь только держится? Вторая — бабка Марья Шабаниха, маленькая, сморщенная, сильно сгорбленная, но проворная, как жеребенок. Смотрит она на всех снизу вверх своими почти белыми глазами, улыбается беззубым ртом да смеется таким смехом, что если не смотреть на нее и не знать, так девчонка лет пятнадцати почудится. Ей было уж, наверное, за сто лет — никто не знал точно, она и сама не помнила. Седые бородачи станичники и в своем детстве знавали ее пожилой казачкой.

Год назад бабка Шабаниха схоронила мужа — деда Федора Шабанова, который был еще и постарше жены лет аж на десять. По его рассказам, родился он вскорости после второго основания Червлёного городка, когда его родители переселились с Качкалыка сначала на Терек, а потом — под густую тополиную рощу, что росла на самом берегу Подкумка. С тех пор как вошел в возраст, послужил казак Федор Шабанов великому белому царю от Черного моря до моря Балтийского. В скольких только

---

* Семейное предание. В тексте отображаются особенности речи и жизненного уклада казаков-гребенцов. Здесь и далее примечания автора.

кампаниях не побывал! А уж в непрерывных, почти каждодневных стычках на Кавказе — нельзя и сосчитать. Да и пожил бы еще старый вояка, невзирая на свои мафусаиловы годы и целый век трудов, если бы не подвели ослабевшие ноги. Переходил старик Подкумок вброд. А ревела река после недавних дождей в верховьях — ох страсть! Оступился он на мокром гольше — только и успел заметить казачонок, пасший индюшек в репьях, как деда Шабана понесло в кипящей коричневой пене. Выловили его изломанное тело версты на три ниже, там, где река, вырываясь из тисков ущелья, растекается по широкой долине. Жив он был еще два дня. Сам прочел перед смертью «Верую, Господи» и причастился.

Деда Шабана похоронили на старом кладбище, рядом с невесткой. Сын Иван давно уж лежал в могиле в далекой стороне. Федор Шабанов пережил их лет на тридцать с лишним.

По молодой поре через каждый год у Федора и Марьи Шабановых исправно рождались дети. И так же раз от разу через один год они умирали. Тосковали родители. Лила слезы Марья, тяжело хмурился Федор. Молились, ставили свечи. Тайно от всех Марья совершала древние как мир женские обряды. До такого дошла, что и подумать страшно: ходила к знахарке-карачайке, колдунье и иноверице! А все повторялось снова. Потом вовсе перестала нести Марья: годы и тяготы взяли свое. И лишь напоследях, уже ничего не ожидая, ни на что не надеясь, — родила немолодая чета сыночка Ивана. Да какого сыночка! Вырос казак-богатырь, миру на диво, матери и отцу на великую радость.

Иван Шабанов был ростом не так чтобы велик, зато шириной — не объять. Плечи такие — троих спиной закрывает, огромная выпуклая грудь, руки-ноги с налитыми мышцами — как узловатые корни древнего дерева, кулачищи — что твоя голова. Богатырь и есть богатырь!

Решил Федор Шабанов заново отстроить кое-каким службам¹ каменные низы. Послал сына под гору, в Подкумок, таскать гольши и дикий камень. Взял Иван две корзины из толстого ивняка да двоих дружков закадычных позвал, своих одногодков. Втроем они из обмелевшего от суши Подкумка вынимали камни, грузили в корзины — в каждую пудов по пять, а то и больше. Потом дружки ставили обе корзины на плечи Ивану, и тот по крутому склону тащил их вверх. Бегом! И бегом же назад — умыться холодными прозрачными струями мирного Подкумка, навалить новые корзины камня, снова на плечи, в гору, и так — много дней подряд, с зари до зари.

Шутки ради, на спор с теми же дружками, впрягся Иван в плуг, а рядом пустили пару быков с таким же плугом. Да по каменистой уклончивой земле и пошли они — быки влево, Иван вправо. До вечера пахали на Иване и на быках, вечером измерили — Иван напахал на две борозды больше. Правда, потом спал двое суток да еще двое суток отъедался и отлеживался в прохладной тени орешины на берегу реки.

¹ У казаков-гребенцов все дворовые постройки, за исключением жилых, назывались (и до сих пор называются) службами. Практически все более-менее капитальные казачьи сооружения устроены так: «низы» — это подвальный или цокольный полуэтаж, «верхи» — деревянный, саманный или турлучный (плетено-глинобитный) первый этаж.

Но спор выиграл. Ну какую только глупость не выкинет здоровая, полная соков молодость!

Когда подошел срок Ивану становиться в строй, отец долго искал ему строевого коня. Так и не нашел. Ни одна лошадь не могла нести на себе такого тяжелого седока. Выкупили у пятигорских черкесов одну кобылицу невероятной силы. Гнедая, лохматая, роста громадного, копыта такой величины — казаки ничего подобного сроду не видывали. Но послушная и незлобивая. Вроде под стать Ивану! Иван проехал на ней верст десять по буграм — да и пожалел животину: чуть не пала. Дал ей отдых, привел домой из-под самой горы Бештау за узду, осталась в хозяйстве. В лазутчики-пластуны Иван не годился: куда такой-то детина? Туда нужны казаки махонькие, неприметные, неслышимые. А тут — джигит идет, а под ним земля гудёт!

Светлейший князь², повелев строить крепость «при входе гор», близ Дарьяла, порядил на службу казаков при десятке пушек. Пошел Иван Шабанов пушкарем. Десятифунтовый горный «единорог»³ для него почти что игрушка, казак мог в одиночку снять и поставить его на лафет.

Отслужил Иван Шабанов сколько-то, повоевал немножко — пришел на побывку. Тут и женил его отец. Отдали за Ивана совсем молодую казачку, шестнадцати лет, пухленькую, беленькую, светлицкую Матрину родом из Шостакова хутора, из-под Крестовой горы. Этот хутор, зажатый между землями жантемировских абазинцев⁴ и Кабардой, жил в вечном огне войны. Каждую ночь поперек тесных кривых улочек выкатывали связанные цепями телеги, чтобы горцы не могли пронестись диким потоком, поджигая дома и плетни. Атаманский дозор от хутора уходил в ночь ежедневно, да казаки в складчину отряжали свою ночную стражу вверх и вниз по тихой речке. Днем на склоне горы в лесу прятались казачьи посты. И все едино — мелкие, но жаркие стычки казаков и горцев случались так часто, что считались обычным делом. В них порой участвовали и подростки, и женщины — кто с косой, кто с серпом, а кто и с шашкой и ружьем. В целом до смертоубийств доходило редко, но взаимно изранить, угнать скот или отбить пленника — такое частенько бывало.

После Шостакова, маленького, беспокойного, горски сурового, станица показала Матрене мирной и привольной. Новая семья приняла невестку как родную дочь. Пожилые свекор и свекровь радовались тому, что молодые сразу глянулись друг другу, и втайне с нетерпением ждали внуков. Муж покорила молодую казачку громадой своего могучего тела — шутка ли, такой казак видный! И уж потом она поняла, что в этом сильном теле живет добрая, насмешливая, ребяческая душа. Да еще ею можно и покомандовать, этой душой! Не злобно и не по-черному —

² Светлейший князь Г. А. Потёмкин-Таврический (1739—1791) — русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1784 г.), создатель Черноморского военного флота и первый его командующий.

³ «Единорог» — русское гладкоствольное артиллерийское орудие, гаубица. Десять фунтов — вес выпускаемого указанным видом «единорогов» ядра. Сама гаубица весила около двадцати пудов.

⁴ Жантемировские абазинцы — подданные абазинского княжеского рода Джантемировых. В русских документах XVIII века среди селений в бассейне верхней Кумы упоминаются «жантемировские».

просто из молодого озорства и удали, свойственной всякой вольной казачке. Отзоревал Иван Шабанов с молодой женой жаркие ноченьки на побыве — да и вернулся к своим казенным пушечкам.

Светлейший князь, бывший турок во славу своей императрицы и русского оружия, приказал казакам идти воевать крепость Анапу.

Старый граф Гудович⁵, хитрая лиса, грызшаяся с горным волком много лет, вывел казачьи сотни и легкие батареи в тыл, зная, где надо прикрыться против горцев такими же, как и они, лихими конниками. Пока русские солдаты в тяжких, смертных атаках штурмовали ворота крепости, казаки приняли на себя удар черкесов и турок с гор. Всего два казачьих полка — против восьми тысяч всадников! Всего полтора десятка орудий при сотне казаков — против несущейся лавины шашек! Устояли казаки. Ни один не дрогнул.

В урагане первой атаки на казачье прикрытие русского лагеря черкесы положили пушкарей в считанные минуты. Один Иван Шабанов остался жив в те мгновения. В каждую руку схватил он по шашке и, взобравшись на лафет, рубился с конными, разя их без счета. Сам граф Гудович, глядя в трубочку на атаку горцев, воскликнул:

— Смотрите, как казак воюет! Спасите его!

Да не успели. Зарубили горцы Ивана.

Граф Гудович взял Анапу, сжег ее дотла и сровнял с землей. Тело казака-великана схоронили в братской могиле. Прядь светлого, казачьей кровью пропитанного чуба, кинжал да пояс земляки отвезли в родную станицу.

Долго, тяжело, в мути полузабытья, в потоках слез, в молитвах денных и ночных переживали старики смерть сына, а жена — мужа. Пережили. Правда, прошло время.

Месяца через два по смерти Ивана Матрене наступил срок родить первенца, которого отец уже не увидел. Ох и плакали же бабка и мать — от горя и от радости одновременно, качали вдвоем люльку под древние тягучие казачьи колыбельные, не дышали над младенчиком. Даже хмурый дед Федор светлел блаженной улыбкой, беря на руки Дорофея, сына Иванова:

— В отца казак! Ишь какой чижолый!

И добавлял с напускным гневом:

— А вы, погоницы, чего не глядите? Какого лукавого у вас кошка под люлькой? Не знаете будто, что она дух у дитя скрасть может?!

И сердито гнал ногами гибкую, гладкую, ни в чем не повинную кошку.

2.

Со своих порожков старуха Хлебникова видела весь надел Шабановых: и дом, и все службы, и виноградник, спускавшийся по отлогой горке ровными рядами до самого Подкумка. Их земля лежала ниже хлебников-

⁵ Граф И. В. Гудович (1741—1820) — русский генерал-фельдмаршал, отвоевавший у турок Хаджибей (ныне Одесса), Анапу, завоевавший каспийское побережье Дагестана.

ской, под крутым каменистым обрывом, разделявшим наделы. По обрыву морщинкой вилась тоненькая тропка — то ступенечками, высеченными в желтом песчанике еще руками родителя деда Федора, казака-переселенца с Качкалыка, а то и просто узкой ложбинкой, протоптанной ичигами да промытой водами дождей и талых снегов. Вокруг тропки по всему склону — там, где на меловых уступах за века образовался плодородный слой, — густо росли кустики крушины, могучий татарник и репей. В конце лета над ними туго гудела пчела, собирая драгоценный, самый темный и тягучий взяток. А с весны сюда залетали гнездиться фазаны. Здесь, в зарослях, на недоступных узких клочках земли, их никто не тревожил: ни люди, ни лисы.

Отирая рябоватое, с детства чуть попорченное коровьей оспой лицо, старуха Хлебникова глядела на тропку — ждала соседку.

Вспомнила, как много лет назад ее непокорная младшая дочь, трехлетка Фроська, вырвавшись из рук матери, кинулась к тропке, занесла над крутым обрезом свою еще неловкую ножку — и упала бы с обрыва, не собрать хрупких детских косточек! Да случилось бабке Марье Шабанихе за каким-то делом подняться к соседям. И в тот самый миг, когда девчонка уже была на шаг от гибели, подхватила ее внезапно вынырнувшая из-под обрыва бабка и своими сухонькими крепкими руками поставила на ровную землю.

Крик матери, Евдокеи Хлебниковой, визг строптивой Фроськи, лай цепного кобеля, шум, поднятый птицей и скотиной, — за этим гвалтом, за внезапным падением девчонки прямо в руки забыла Марья Шабаниха про свое дело. И долго еще ахала вместе с Евдокеей, и ругала, и замиряла ревещую капризницу Фроську.

А Дорофею Шабанову тогда же год исполнился, тоже бегать начал. И также сладу с ним не было! Бабка Марья едва поспевала за внуком. То он кубарем скатится едва ли не в разбухший от дождей, злобствующий Подкумок. То с гусаком дерется — чуть глаза ему гусь не выщиплет. То в горячую золу с разбегу сядет. То под крылечко в крапиву свалится в погоне все за той же тонконогой кошкой. Бабка Марья причитала, умывая орущего Дорофея:

— Ох я ее, поганую, придушу! Придушу, прости Господи Иисусе Христе!

А дед Федор ей вторил:

— А я б тебя, старую, придушил! Куда твои глаза глядят?! Дите без присмотру у тебя! На дворе бычки, а ты мальчика не доглядела, шут тебя возьми!

— Прости, отец, прости, Федор Сидорыч! Прости мене, старую! Тесто месила, ну толечко тут Дорошка был, вот тут, при мене же! И на ж тебе — что приключилось... Ах! Матерь вернется — тоже мне будет от нее вычитка за дитя!

— И поделом тебе, поделом! — ругался дед.

И уходил, потрясая над головой костистыми коричневыми кулаками, перевести злобных бычков подальше на зады, к вишневым порослям. А там, в жарком мареве кавказского полудня, работала в огороде Матрена.

Дед Федор спохватывался, думая: «Снести ей кваску холодненького, уморилась девка, поди!»

Жалели невестку старики. За такую короткую жизнь с молодым мужем. За сына-сироту. За одинокую судьбу — на веки вечные. Ничем ее не попрекали. Работу никогда не указывали. Сама Матрена за все бралась, истово и сноровисто, как положено молодой хозяйке. Никуда почти не выходила одна, только со стариками. Про «вычитку» — это уж сама бабка и выдумывала, Матрена слова неласкового свекрам никогда не сказала.

Возясь вдвоем с невесткой у печи, бабка Марья как-то раз уж сама с ней разговор завела:

— Ты б пошла, Матренушка, с казачками, что ли, вечер? У Калишниковых Петро пришел на побыв, там весь наш край станишный соберется, молодежи будет — и-и-и! Сходи, Матренушка! А Дорошку я и накормлю, и уложу, и песенку спою, и сказочку скажу, ты не сумлевайся. Сходи, а?

Матрена отвернулась. Бабка Марья увидела, как затряслись полные плечи невестки в беззвучном плаче. Матрена схватила на руки Дорофея, игравшего на полу, и убежала с ним в свою дальнюю горницу. Через какое-то время взъерошенный мальчонка прискакал опять и продолжил свою нехитрую игру. А Матрена так и не вышла вечерять. Дед Федор, вернувшись от лошадей, начал было назойливые расспросы. На что бабка Марья отрезала:

— Приболелось ей по-женски, не лезь к ней, отец!

В тот год рано отшумели майские грозы. С ливнями, с мелким градом, с пожарами от страшных фиолетовых молний. Их разлапистые бичи днем и ночью хлестали станицу, степь и горы. Но отгремело и утихло, и расцвел Кавказ волшебным цветным ковром, и наполнился медоносным духом, и полетела трудолюбивая пчела по медовым балкам за богатым взятком.

Станичные пасеки стоят в отдалении, за садами, разбитыми на другом берегу Подкумка. По зеленым балочкам, по окраинам садов и виноградников, вдоль излучин говорливого Подкумка сотни и даже тысячи пчелиных семей трудятся на казаков. И сами их владельцы несут при пчелах непростую пчеловодную службу. Брать мед пчеловоды выезжают всеми семьями, оставляя на много дней хозяйство под присмотр вовсе древних старух. Путь не очень и долог. С того берега, поверх садов, вся станица как на ладони. Однако — все же дорога, сборы... Грузят на широкие арбы и брички всякий пчеловодный инвентарь, впрягают отдохнувших к тому времени быков и с песнями, с веселой кутерьмой — казаки верхи да пеши, казачки и дети в арбах — целым караваном тянутся из станицы.

Собрались выезжать на медосбор и дед Федор Шабанов с Матреной. Дед был первейшим пчеловодом станицы. Говорили: дед Шабан, мол, знает молитву на пчелином языке. Он и лечил пчел, и указывал станичникам дни пасечных работ, и рои отводил, и маток выращивал, и много еще хитрой пчеловодной науки ведал. Он же чуть не первым в Предгорье начал строить разборные деревянные ульи. Говорил — у хохлов подсмотрел,

будучи еще на царевой службе. На его пасеке уж не меньше половины ульев было таких, остальные — плетеные колоды, по старинке.

В предрассветной серой пустоте небо что-то сильно хмурилось. А ведь с вечера изменения погоды даже не предвиделось. Многие дни простояло ведро. По всем приметам — самое время собирать мед. Уж дед Федор не один раз осмотрел ульи: и свои, и всех станичников-пчеловодов — кто просил с поклонами и обещанием наделить потом своим медком. Да не нужен был деду этот «надел» — любил он свое ремесло. Последние две недели то мотался на пасеки туда-сюда верхом, по-молодецки, а то и жил там безвылазно. Пора, по всем видимостям пора! И погода самая подходящая: пчела уйдет в степь, не так озлится на пасечников, отбирающих ее великий труд.

И на ж тебе — нагнало с Бургустана за ночь тяжелых, зловеще-бурых в рассветном солнце туч!

Досадовал дед Федор. Больше — на себя самого. Взбаламутил казачков, десять семей, что держали пчел за Подкумком большой общей пасекой. Почитай, полсотни народу поднял на ноги. А сам-то, старый, не доглядел, что погода меняется! Куда в хмарь с пчелой возиться? Да и в дождь через Подкумок, да обратно, да на самой пасеке грязь месить, что ль? Эка досада!

Хлопоча с быками, мысленно перебирал все мельчайшие вчерашние события, все наблюдения, весь свой долгий опыт. Нет, не находил предвестий дождя и бури старый казак ни во вчерашнем, ни в позавчерашнем дне. Однако все в руках Божьих...

Подойдя к жене, буркнул:

— Что, Марья, не в отмен ли нам сегодня путь? Вишь, какая страсть от Бургустана заходит?

И тут же добавил:

— А казаки на меня понадеялись — поди, все уж на сборе!

Бабка Марья перекрестила старика и ответила:

— Тебе видней, отец. Ты хозяин, как скажешь...

Старик помолчал, потом махнул рукой, оправил черкеску и сказал:

— Ну, должно, пройдет мимо! Нет примет никаких. Нет и нет! А значит — и отмены делу нет! Где Матрена?

Матрена вышла из дома, неся в узлах снедь, собранную с вечера да до зари еще пополненную ее и бабкиными умелыми руками. Уложила узлы на арбу и встала рядом со свекром. Старуха перекрестила их, прошептала молитву, проводила за ворота. Арба тронулась, солнце вспыхнуло молодым лучом. По улице внезапно ударил тугой струей холодный ветер.

3.

Впереди Шабановых посреди широкой бойной дороги уже пылила большая, крашенная зеленой краской бричка Хлебниковых. На ней народ лежал вповалку, добирая сладкие соки утреннего сна. Только на передке, молодежато выпрямившись, поигрывая длинным кнутом, сидел и правил Лука Хлебников, муж Евдокеи, невысокий жилистый казак.

А серокаменные тучи так и остались стоять у Бургустанского хребта. Не спустились в долину Подкумка. Радовался дед Федор: не подвели его приметы, не подвел он сам казаков-пчеловодов! По зябкой даже в теплое лето кавказской утренней поре, еще по росе, пасечники принялись за свой труд. И к вечеру первого дня, прервавшись лишь наскоро в обедах⁶, выбрали богатый первый сбор. Да то было только начало! В том году взяток был так велик, что, думалось, дней десять или того более проработают пчеловоды на пасеке, пока подрежут драгоценные соты. Да надо бы осмотреть все пчелиные семьи, перераспределить соты в пользу ослабевших, вычистить и поправить ульи, подновить плетни вокруг пасеки, выкосить заросшие лужайки... Да мало ль еще работ! А потом — потом вытопить из сот мед на чуть теплых летних пасечных печах, погрузить на арбы тяжелые благоухающие бочонки, наполненные чистым золотом, и свезти в станицу.

Дед Федор, на сегодня ловко управившись со своим немалым пчельником, сновал по пасекам. То поможет казакам советом, то успокоит пахучим дымом гнилушек разозленную пчелиную семью, то подсмеется над казачкой с заплывшими от укуса губами:

— А ты, оказывается, Андревна, у нас слаще меду будешь? Ишь как пчала тебя любит! В самое уста поцаловала! Аль ты прям у нее из лапки медок куснуть хотела?

Хохотал старик, смеялась с ним и незадачливая девушка: вспухшие губы не портили ее молодую красу, да и сойдет все через день и забудется через два. Молодость!..

Только стало вечереть — полетела домой пчела, наполнились ульи обиженными, обобранными людьми труженицами. Тут и свернули свои работы пчеловоды. Сошлись семьями да кучками — кто к садам, кто к берегу реки, кто к землянкам, вырытым в склоне горы. В тех землянках жили пасечные сторожа и перебивались пчеловоды во время работ. А по осени в них сносили ульи на зимовку — в темноту, сухость и тепло, хранимое горой.

Уже захлопотали у костров, ставя котлы для душистого чая, который варили из горного разнотравья и свежего шиповника. Развернули привезенные с собой в узлах припасы. Кто-то из казаков побежал к Подкумку и кричал оттуда:

— Поймал! Поймал! Ай да улов! О-го-го! Смотрите, казаки, какого усача поймал, а!

И тащил в гору большущую, оплетенную виноградной лозой глиняную бутылку с вином, с самого утра заботливо упрятанную в светлых струях под валунами. Холодное вино лили в деревянные кружки, оно поднимало папаху розовой пены и тонко пахло вяленой виноградной ягодой и чуть-чуть — смолью.

Как станичные наделы, так и сады и пасеки у Хлебниковых и Шабановых были расположены рядышком. Жили они по-соседски в мире и взаимовыручке: «иначе не водится в наших немирных местах — не вы-

⁶ В обедах — в полдень.

живешь». Иногда казалось, что это один большой род. Так завещали их отцы и деды — природные гребенцы⁷, не поздние казачьи поселенцы на Кавказских линиях, а коренные казаки, века прожившие по гребням и буграм Кавказа, бок о бок с черкесами, карачаями и прочими исконными кавказскими народами.

Вот и на исходе первого трудного дня работ на пчельнике Хлебниковы и дед Федор и Матрена Шабановы собрались вечерять вместе.

Хлебниковы — глава семьи, старый урядник Афанасий Трофимыч, сын его Лука с женой Евдокеей и трое их детей, казачат-погодков от десяти до двенадцати лет. В станице осталась бабка с внучкой Фроськой да Нака, безродная иноплеменница, жившая при них.

Нака прибилась к казакам Хлебниковым много лет назад, еще девчонкой. Выскочила из бурьянов на дорогу к облачному перевалу Гум-Баши — как зверь лесной в страхе погони. Изможденная — и немая, безымянная. Да так и осталась у них: Евдокея за нее попросила. Жила почти что в названных сестрах Евдокее, в приемышах. Хотя работы ей, как младшей женщине в большой семье, доставалось больше всех. Евдокея назвала ее Накой. Нака всегда широко улыбалась своими большими, красивыми, синевато-красными губами. Во рту у нее не доставало половины зубов: выбиты были, ежели судить по кривым обломкам. От этого она походила на маленького ребенка.

В вечерних сумерках, лежа на старых пастушьих бурках, пчеловоды пили отвар кипрея и душицы. Еще в полдень казачки сходили за травами на дальние бугры — за нежной душицей, в сырые балочки — за розовым иван-чаем. Такой чай — и с медом, излившим в тихий вечерний воздух ароматы цветов боярышника, бузины и татарского клена, — как будто вернулся май в буйном цвету!

Повечеряв, Лука Хлебников вместе со всеми сыновьями повел лошадей в общий табунок — сдать выборным коноводам для ночного пописа. Вернулся один, без мальчишек. На немой вопрос жены Евдокеи, смолodu неговорливой казачки, также немногословно ответил:

— В ночном, с дядей Нефедом, — и добавил: — Я в караул за полночь.

Отгорел яркий, с золотом и пурпуром, закат в Предгорье. Скрылись из виду тяжелые облака и горы. И вспыхнули огромные, близкие — изумрудные, алмазные, аметистовые! — кавказские звезды, разложенные по нежному телу черного неба.

Старики ушли ночевать в землянку. Лука затащил бурку под арбу и улегся там — лето! Женщины постелили себе в арбе, на дуги кибитки набросили какие-то тряпицы — дождя не ждали, да вот роса падет утром неминуемо. Но ложиться сразу не стали, долго сидели, прислонясь к покрытому желтыми лишаями стволу старой яблони. Разговор не вязался. Евдокея была постарше Матрены лет на пятнадцать. У первой — четверо детей, у второй — один. Но первая — мужняя жена, а вторая — горькая

⁷ Гребенцы, гребенские (т. е. горные) казаки — этносоциальная группа казаков, проживавшая на Северо-Восточном Кавказе с XVI века.

вдова. Всегда молчаливая Евдокея говорила тем вечером больше Матрены. Спрашивала осторожно, боясь натолкнуть на случайные неприятные мысли. Жалела она Матрену почти как дочь, только в силу своей несловоохотливости никогда не говорила об этом никому. Матрена отвечала односложно и даже невпопад. Под конец Евдокея сказала:

— Пойдем уж, Матренушка. Дядя Федор раненько подымет, позоревать не даст.

Молча пошла Матрена за Евдокеей. Молча же улеглась с краю арбы, с головой закутавшись в шерстяную накидку — от близкого Подкумка потягивало холодком ледниковой воды.

А за садами у реки горел яркий высокий костер, сложенный из сухого топляка. Что-то ароматное варилось в казанке, подвешенном на высокие таркалы. У костра, среди дрожащих теней, сидели четверо коноводов.

За старшего да заодно за кашевара тут был рыбак, охотник и рассказчик-балагур, средних лет казак дядя Нефед. Сутуловатый, до черноты обугленный солнцем, с головой бритой наголо на татарский манер и широченной рыжей, в седых ручьях, бородой, растущей от самых глаз.

Трое подростков Хлебниковых сами вызвались идти с ним в ночь. Да какой же казачок отказался бы пойти коноводом на пасеках в ночное, да с дядей Нефедом! Мальчики — в подпоясанных чекменьках, у каждого на поясе кинжал: взрослые уже казачата, на ответственное дело поряжены! А дядя Нефед сидел по пояс голый, в шароварах и босиком, но тоже с кинжалом, да еще и с пистолетом за поясом. Ночная прохлада, как и дневной зной, не беспокоили его задубелого тела, сплошь покрытого бурым, линиялым, как у старого лиса, волосом. Четыре расчехленных ружья по-бивачному были составлены в горку.

Дядя Нефед забавлял своих подопечных старинными былями, а больше — небылицами:

— А когда казаку сполнится сто и шинадцать лет — он оборачивается в лешего. Обрастает шерстью ажник от головы и до пят, и на ладонях шерсть, и на ступнях шерсть. А борода у него по колено и к телу прираща. Потому — ежели будет висеть, то он ее по веткам обдерет. И ишшо: ноги у него становятся вперед задом, он тады пяткой наперед ходит. Вот мой дед дожил до таких годков — и ушел в горы лешачить. Через то и я такой волосатый уродился — дедова порода! — Дядя Нефед говорил внушительным баском и прятал улыбку в лисью бороду.

Подростки удивленно ширили глаза:

— А ты, дядя Нефед, тоже скоро лешим станешь?

— Мне покамест не время! Вот проживу, подавай бог, десятков семь годков — и сразу в Чугуеву балку и уйду, к тамошним лешим. А ишшо — слушайте, казаки, — живут за Бургустаном в ледяных горах дэвы — великаны каменные. Презлые, а силишша — страсть! Скалы могут поднимать — вот прям ручишшами своими отрывают от гор маковки и бросают на дорогу. Али ветры подымают своим духом — дунут в небеса, и пойдут ветры с гор по долинам, и те ветры превращают людёв в ледяные столбы...

Еще долго и красочно — под наваристую ушицу из розовых форелей — рассказывал дядя Нефед затейливые горские легенды про дэвов.

Казачата жались к костру, но страх показать опасались. Да и не так уж страшно им — при дяде Нефеде-то, бывалом вояке и охотнике!

Два десятка стреноженных коней мирно паслись на безлесом, ложкой вогнутом косогоре. Их силуэты вставали на фоне густого кружева Млечного Пути. Где-то у верхнего края склона, переходящего в сады, бродил неусыпный страж Джан — огромная кудлатая овчарка дяди Нефедя. Крохотным комочком мокрой серой шерсти взял его Нефед, обменяв на что-то у прохожих пастухов-армян. Пастушьью науку Джану давать не пришлось, то в крови у него было. Зато приучил Нефед Джана к охоте — и на любого зверя с ним ходил: что кабана, что волка, что оленя. А то перепела либо фазана поднять, утку достать из камышей — до всех тонкостей довел смышленную собаку.

Чуть выше по течению Подкумка дремали быки при своих пастухах. Там тоже блистал веселый ночной костерок и взрывался чей-то гулкий смех.

4.

Когда Евдокея Хлебникова, проснувшись, приподнялась на арбе, Матрена уже возилась с чем-то у летней пасечной печи. Утро настало сухоросое и немое. Такая тишь случилась, что, казалось, слышен был писк мышей под корнями трав. А небо в лучах рассвета сочилось каким-то истошным жемчужным блеском. Казаки поогляделись недоуменно, повсма тривались в почти неразличимые пока горы, потом, помолясь, перекусили да и занялись своей работой.

И сначала не заметили, как еще задолго до полудня растеклась и встала мертвым морем жара. Накаленный воздух стек с бугров, уперся в сады и застыл, как лава, меж стожков свежескошенной травы, тут и там разбросанных по пасеке.

Влажная жара, ни ветерка, тяжелый запах неожиданно взопревшей земли. Густо, оглушительно стрекотали кузнечики. В степи на десятки голосов — перепелки со своим умоляющим «пить-попить! пить-попить!». В небесах зависла хищная птица, огромным ленивым кругом обходя свои владения, дрожащие от знойного марева. Потом камнем упала куда-то за гору и уже не взлетела в высь. А небеса затянуло молочной мутью, на месте солнца — расплывчатое сияние, ослепительное и болезненное.

Пчела плотными роями потянулась домой, злилась необыкновенно, прямо бросалась на людей! Пчеловоды, изнывавшие от внезапной перемены погоды, поневоле оставили свою дневную работу и двинулись к садам и реке — туда, где тень и веет прохладой. Кто повалился прямо в сочные травы, кто уселся под деревьями на холодные валуны.

— Дедушка Федор Сидорыч! Что за напасть такая приключилась?

— Должно, не будет делов седни... Не даст, значить, нам работать, эх не даст! — вздохнул дед Федор. — С Бургустана находит, значить. Но! — и старик поднял потрескавшийся палец. — Дождь быстро пройдет, помяни слово, — завтра, значить, ужо все протряхнет!

— А ну как зарядит бесперечь, на неделю?

— Не должен, — кряхтя, уселся на толстый ивовый корень дед Федор. — Нет на то отметин!

— А на что ж отметины есть?

— А на то, значить, что по нонешнему времени не бывать дождю надолго. Вишь, пчала свой пчалиный хлеб не несет? Значить, у нее будет ишшо нектар. Значить, и дождж так только, попужает, да и делу его конец. Вот што, ребята! То не нешшастье нам, а передых. Таперича завтра нашей работе начал!

И пасечники разбрелись кто куда.

Молодые казачки сговорились пойти искупаться. Но река обмелела так, что для купанья надо было пройти две версты ниже по течению. Там, под порогами, тихой прохладой наполнена, сводами каменных гротов укрыта, стояла огромная нерукотворная чаша — озерцо-купель.

Матрена не пошла со всеми. Сказавшись Евдокее Хлебниковой, одиноко отправилась к дальнему роднику. Бил он за горой, в часе ходьбы туда да оттуда, под выпуклой грудью скалы. До того холодно было каменное нутро, родившее драгоценную кавказскую влагу, что и в жаркий летний полдень на синеватом камне, откуда томно текли манящие струйки, лежал хрупким стеклышком ледок.

А чуть в стороне, в ложбинке, росли два дерева: могучий серый бук и скромная дикая яблонька. Бук играл громадной кроной с ветрами под самым небом, не боясь ни холода, ни зноя, ни гроз. А яблонька тихо жалась к нему плодовитыми ветвями, всегда под защитой, всегда в покое. Каждый год богато дарила прохожих, как улыбками, сладкими розовыми яблочками, хоть мелкими, да такими душистыми!

Эх, сколько коротких летних ночей провела Матрена здесь со своим Иваном-богатырем! Тут они ночевали, возвращаясь с дальних покосов тем летом. Сладкие, сладкие были дни! Горькая, горькая пришла судьбина...

Вспомнила давешние слова Евдокеи:

— Ты молода, Матренушка. А расхороша! Посватает добрый казак — будет все у вас справно!

А Матрена думала про себя: «Пойду лягу в степу да и помру. Нет мне иной судьбы без Ивана!» И сыночка Дорофея не помнила в те мгновения, пожираемая кровавой волчицей-тоской.

5.

Под утро дядя Нефед отправил сыновей Евдокеи Хлебниковой в шалашик — позоревать маленько. Долго они перебрасывались разговором, всё вспоминали страшных горных дэвов. Заснули. После того будить их Нефед не стал — пожалел бобыль чужих деток. И забыли они про великанов. Куда там устоять стариковским ночным басенкам перед силой светлого дня!

А злобные дэвы проснулись за гребнем Кавказа. Подняли к небу они исполинские головы. Дунули в тучи своим ледяным дыханием. С ка-

менным грохотом тучи сомкнулись рядами. Дэвы взмахнули руками — и сотворили бурю. И понеслись по небу черные тучи. И уронили свои жестокие молоты прямо на нежный склон долины Предгорья!

Зашумело, как будто налетела многомиллионная конница. Непроглядный туман взвился огромными клубами и потек по балкам. За ним разом, стеной пал ливень. Сначала мелким льняным семенем, а потом крупно ударил град. В наступившей тьме не было видно ни солнца, ни даже огненных молний. Град валился так густо, с такой ужасающей силой, с таким жутким треском, что все живое обезумело и потеряло себя на этом свете.

Полетели градины с орех, потом — с мужской кулак, потом — все невероятные, невозможные, слипшиеся из кусков льда шишковатые глыбы.

«Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю...»

Лошади почуяли беду. Сначала тоненько заржала молодая кобылица, игреневая, необычайной красоты и статей. Захрапела и в страхе прижала маленькие трепетные уши. За ней заволновался, забил копытами по заводи весь косяк. Брызги взлетели широкими веерами и тут же, в падении, смешались с потоками дождя.

Больно хлестнули первые градины по телам лошадей и мальчишек Хлебниковых, голых по пояс, в подвернутых шароварах поивших коней. Дядя Нефед подскочил к животным с криками «тр-р-р! тр-р-р!», на миг перекрывшими рев непогоды. Откуда-то из зарослей выпрыгнул Джан с поджатым хвостом, с воем кинулся к ногам людей. Дети шарахнулись было в прибрежные кусты — да разве они спасут от такого?! Лошади металась по руслу Подкумка.

Как испуганные жеребята, подскочили братья Хлебниковы к дяде Нефеду, приседая, склоняя головы, прикрываясь кто рукой, кто лопухом — и бесполезно. Нефед застыл на секунду, подняв вверх облепленное мокрой бородею лицо... С лица, как с ладоней под водопадом, разлетелась вода, градины ударили по лбу и прикрытым векам.

— На конь! На конь, казаки! — взревел Нефед. — На конь и уверьх, под мост!

И кинулся сдерживать расседланных, мокрых, скользких лошадей, давая детям вскочить и вцепиться в клочья грив. Да не зря они — казачьи сыны! Не зря отец посадил их верхи еще прежде, чем они пошли своими ногами! Сам Нефед взлетел на вздыбленного жеребца, ударил его пятками, вырвался из табунка вперед и, едва различая путь, повел всех за собой по руслу Подкумка.

А вода в реке стала ледяной, густой, берега осклизли — град уже ложился небывалым толстым слоем.

В полуверсте вверх по течению, в узком месте, где по разным берегам Подкумка сходятся лбами две слоистые скалы, был кинут мост. Широкий — две брочки разойдутся, но невысокий: не спешившись, всадник не проедет под ним. Лошадь, склонив голову, пройти сможет. Вот туда-то, под спасительный настил и склоны природных опор моста, и гнал находчивый Нефед людей и животных.

Лошади будто поняли, где их ждет спасение. Перед мостом они сами встали и, теснясь, закрывая глаза, изгибая на стороны шеи, плотной массой пошли в укрытие. Дети нырнули с ними. Собака, жалкая, будто облезшая, на брюхе скользнула меж копыт. Дядя Нефед последним забрался под свес моста.

Мир исчез, и холод пронизал все сущее.

Замерзшие казачата тряслись и приплясывали в воде. Река тянула нетающий лед и спутанные клубы веток. Криком, а больше жестами, дядя Нефед приказал мальчишкам лезть на лошадей. Лошади стояли смирно, лишь иногда чубарая вскидывала голову, ударялась ею о серые бревна, вздрагивала и утихала. От конских тел валил пар, и дети распластались на них, приникли к шьям, уткнули лица в теплые сохнувшие шкуры.

По обоим краям моста ледяными водопадами сыпался град. Нефед стоял неподвижно, сложив руки на мокрой груди. По зверино-волосатой спине его текла и тут же черными пузырями застывала густая кровь — в нескольких местах тело рассекли острые градины. Он не чувствовал боли.

Быковы пастухи не успели свести скот к реке, непогода застала их на окраине садов. Они погнали было быков назад, но те заупрямились, потом, под первым нахлестом града, забесновались и ринулись, оглушенные и ослепшие, кто куда. Могучими телами, как таранами, ломали непролазные заросли балок, метались меж деревьев сада, уносились в степь. Пастухи припустили на пасеку, к землянкам. Но страшный град заставил их спастись под порожними арбами, залечь прямо в земляной жиже. Но хотя бы не под смертным боем!

Купальщицы, нежившиеся в прохладе каменной чаши, сначала весело, дружными визгами и выкриками встретили струи дождя. Но когда померкло солнце и обрушилось небо, их объял ужас. И они, подбирая намокшие одежды, спотыкаясь о камни, падая и в кровь разбивая колени, устремились в гроты. Там было сыро, скользко и холодно, но безопасно.

Пчеловоды добежали до землянок.

Евдокея Хлебникова ринулась было назад — дети! Да Лука ухватил ее за руки, кричал прямо в лицо, без остановки: «Они с Нефедом! С Нефедом они! С Нефедом!» Значит — ничего не случится, значит — уберет их, сохранит от любой напасти надежный, хитрый, сторожкий дядя Нефед.

Полчаса било небо землю. За полчаса завалило ледяными сугробами степь и холмы Предгорья, не выдавшие русских снегов. Стихло, стихло, стихло... И сразу мощно грянуло в золотые трубы солнце!

Народ, крестясь, с причитаньями, со стонами, с укором и опаской глядя в заголубевшую высь, выходил, выползал из укрытий на свет божий.

Смертельно нагими, лишенными зачатых было плодов, без листьев, местами и без коры, встречали людей скелеты деревьев. Кучи изломанных веток, смятые, неживые кусты, поваленные бурей ульи, разметанные стога и снесенные плетни. И по земле — ледяной покров града, уже начавший таять, парить густым маревом.

Казачи перекликались, сбивались группами, потом сошлись в полукруг. Дед Федор засновал между людьми, потом встал, приткнув кулаки в бока, и громко, покрывая общий стон голосов, позвал:

— Матрена-а-а! Шабанова Матрена-а-а! А-а-ась?!

И еще:

— Матрена!!!

Тут-то и взвыла в голос Евдокея Хлебникова, и кинулась к деду Федору. Лука еще под последними струями дождя ушел разыскивать коноводов. Все мысли Евдокеи были с детьми. А тут — вспомнила она Матрену, в одиночку ушедшую, пусть и недалеко, но в голую — голую! — степь.

Ее тело нашли у сломленной яблони. Либо искала она защиту под деревьями, либо ничего не искала, а легла на спину, да так и приняла смерть. Под вновь народившимся солнцем, на прогретой до глуби земле град почти весь растаял. Даже одежда на Матрене подсохла. Волосы, слипшиеся от крови, густыми прядями лежали на почерневшем, в желтых синяках лице.

Сколько же бед наделал страшный град! Сколько садов опустошил! Сколько крыш изломал, сколько ульев разорил! Сколько урожая уничтожил в тучных полях! Сколько домашнего скота побил! Сколько дикого зверья и птицы полегло!

А из людского племени погибла одна Матрена Шабанова.

Не так по убиенному сыну рыдала бабка Марья Шабаниха. Не так по своему богатырю в молчаливом горе сгибался дед Федор. А по смерти Матрены — почти обезумели старики.

С тех пор у деда Федора ноги и ослабли. Иной день он совсем не мог встать на них — не держали. Страшно, богохульно ругался старик, тряся в гневных припадках, бил кулаками по стенам, пеной покрывались губы и борода, — и валился на пол, весь в холодном поту. Потом тянулся к лавке или столу, с ревом и хрипом подымал сам себя и подолгу сидел, свесив голову ниже плеч. А в другой день, бывало, встанет — да как молоденький и пойдет!

Верхом дед Федор тоже более не ездил.

После похорон невестки, в помин на девятый день, слегла бабка Марья. Иные думали — уж не подымется, снесут ее вслед за Матреной.

6.

Евдокея Хлебникова винила себя в смерти Матрены. Хотя никому и на ум не вспало обвинять ее в том. Ну виделась она последней с живой еще Матреной, ну так что ж? Могла ль отговорить, не пустить к роднику? А какие были на то причины? Не известила деда Федора? А к чему? Да разве бы свекор сказал что-то поперек невестке, за которой сроду греха не водилось? А тут — родник, куда все пчеловоды ходят, и, бывало, не по одному разу на день. Ну разве, поопасившись разбойников или абреков, наказал бы быть настороже или кого с собой взять... А что до

жуткого града — старики и те не смогли его предсказать. Как бы Евдокея, молодая еще казачка, сумела это предвидеть?!

Но сердце Евдокеи жгли терновые иглы вины, не разумом в него вонзенные.

Жалилась она лишь мужу Луке ночной порой. Лука сначала успокаивал, укладывал ее голову на свое тугое коричневое плечо, на нем со вздохом Евдокея и засыпала. На другой раз Лука привел всем понятные и самой Евдокее известные доводы ее невинности. На третий — муж уже прикрикнул на жену, осерчав за «бабье нытье». Евдокея перестала вслух вспоминать о своем внутреннем смятении.

Неделя прошла с того дня, как бабка Марья в беспамятстве повалилась на глиняный пол летней кухоньки-мазанки и больше не открывала глаз. Раза три спускалась к соседям Евдокея, молча всматривалась в заострившееся, будто в гробу, лицо старухи. Только обильный пот на лбу да чуть заметное дыхание говорили, что та покуда жива.

Но не так волновала Евдокею болезнь бабки Марьи, как одиноко игравший с каким-то своим добром годовалый Дорофей. Он сидел то на лавке, то на сундуке, а то и просто на полу — не резвился, не бегал, как обычно, бесшабашным щенком. Даже разговаривал почти шепотом, своими еще младенческими «угуками» и «улюками». Горло у Евдокеи перехватывало тугой удавкой при виде совсем осиротевшего белоголового мальчонки.

Лука с казаками уехал куда-то по есаульскому наряду. Старики-родители Хлебниковы прихварывали — застудились оба. Евдокея с Накой сами управлялись с хозяйством и детьми. Нака была большим подспорьем Евдокее, особенно по части дочери Фроськи. Иной раз, глядя, как алошная⁸ Фроська послушно и ласково ведет себя с безмолвной, вечно улыбающейся Накой, Евдокея сожалела про себя: «Со мной бы, с матерью, так!»

Свечерело. Прибрали вернувшуюся скотину. Сразу стихла станица. Братья Хлебниковы еще пропадали где-то на улице, Нака была на низу, в саманном нижнем этаже. Евдокея уложила Фроську и вышла в переднюю⁹.

На порошках — медленные, тяжелые шаги, тихая возня в сенях и скрип дверных пяток. Вошел дед Федор, прижимая что-то к груди. Почему-то шепотом, не здороваясь, просипел:

— Вот, Евдокея...

И, внезапно возвысив голос, со стонами начал выкрикивать:

— Возьми ты, Христа ради! Лука-то твой — кум наш, значить! Крестил же, значить, его! Не могу я с ним, значить, с Дорофеем! Старуха-то моя... А я...

И протянул Евдокее трясущимися руками сонного, завернутого в полу черкески внука.

⁸ Алошная — буйная, вспльчивая.

⁹ Передняя — в доме гребенских, терских и донских казаков первая комната после холодных сеней, из нее ведут проходы в другие комнаты.

Евдокея поняла, подскочила к деду Федору, светло заулыбалась и многоопытными материнскими руками молча забрала ребенка. Тот было проснулся от дедовых криков, но тут же под быстрый шепоток Евдокеи и успокоился. Она унесла его на свою половину, туда, где только что укачивала родную дочь.

Дед Федор постоял у дверей, потом грузно опустился на лавку да так и замер, жестко выпрямив спину, уперев плоские широкие пальцы в колени. Спустя какое-то время Евдокея вышла, задернула за собой завеску дверного проема, в наступившем сумраке молча присела за стол. Старик исподлобья метал на нее вопрошающие взгляды, а она безмолвно улыбалась.

— Ну дак как же, Дуся? — шепотом наконец спросил дед Федор.

— Спит, — тихо и коротко ответила Евдокея Хлебникова.

— Старуха-то моя... Эх! Лежит! А я с дитем-то как? Никого в роду у нас не осталось уже, значить, ни-ко-го! — Старик шептал быстро и сбивчиво, горячо. — Я ему ладу не дам, а он мне дела не даст делать! Да ведь родный внук-то, значить! Единственный! А я его, значить... Ну не навеки же! Ну на чудок, Евдокея! Эх! — И стало слышно, что старик заплакал.

Евдокея подседа к нему на лавку, помолчала, потом мягко — и для себя долго — заговорила:

— Ты вот что, дедушка... Ты не сумлевайся. У нас Дорошка сыт будет, присмотрен, нисколючко не обижен. Чай, не чужой. Лука ему — отец крестный. Значит, и я ему навроде родной... — слово «матери» Евдокея почему-то не произнесла, сделала паузу, — буду. А там, даст бог, подыметя Марья Афанасьевна.

Дед Федор засуетился, вскочил. Начал было кланяться. Потом, во все не по-казачьи, схватил Евдокеины руки и прикладывал их себе то ко лбу, то к губам в колючих бурьянах седой бороды. Причитал что-то. Строго наказывал, чтобы Лука, как вернется, пришел к нему. Сулил ему богатое седло. Плакал.

Евдокея не знала, куда деваться. По своему обычаю молчаливо выслушивала.

Напоследок дед Федор истово перекрестился на кивот, поклонился в пол и, вытирая лицо, ушел. На дворе сгустилась ночь. Он не стал спускаться к себе по опасной и при свете дня тропке. Вышел с хлебниковского надела на улицу и заспешил в обход. Крюк получался в добрых две версты.

Дней через десять очнулась бабка Марья Шабаниха. Стала подыматься на кровати, искать глазами, еле слышно шептать в ухо мужу. Когда узнала — сначала всполошилась, пыталась встать на ноги и снова валилась на высокую гору подушек. Потом успокоилась:

— У Евдокеи пушай, у ней ладно будет!

Еще недели через две, опираясь на ясеневый костыль, с трудом стала ковылять по комнатам и упростила деда Федора сходить к Хлебниковым и позвать Евдокею, чтобы повидаться с внуком. Женщины разговаривали

долго, едва слышными голосами. Дорофей возился на бабкиной кровати. Потом Евдокея ушла к себе с Дорофеем на руках.

Бабка Марья оправлялась верно, но не быстро. Евдокея водила к ней внука «на побывку». Каждый раз не без трепета внутренне готовилась отдать ребенка. К концу лета бабка Шабаниха снова взяла в свои тощие, но крепкие руки хозяйство, и по всему обширному владению опять замелькала ее сгорбленная фигура.

Подростшего Дорофея вернули домой. Лука Хлебников привез его верхом, наряженного в красную, пошитую Евдокеей черкеску — все честь по чести: кроена в талию, и газыри, и отделка! — и в нахлобученной по самые плечи черной курчавой папахе.

Дед Федор выставил у избушки низенький черкесский столик, выкатил чурбаки, покрыл их армянскими коврами. С раннего вечера и до самой утренней зари пили они с Лукой вино и пряную медовуху. Брели на закуску вызревшие летние яблоки, накальвая кинжалами, прямо из огромного бунта, сваленного у стены мазанки. Ломали об колена длинных, голубого серебра чехоней¹⁰. На подносах, выпиленных из оранжевого абрикосового ствола, резали на куски толстые кругляши мясного пирога. Кружками черпали из ведерка темный зеленоватый мед второго сбора, макали в него сдобные пышки, покрытые каймаком¹¹. Тянули на два голоса старинные, долгие и заковыристые, как горные дороги, песни.

Старик вынес было обещанное седло — киргизской работы, во всей азиатской роскоши, с драгоценной отделкой. Оно попало к нему много лет назад, еще в пору молодецкой гульбы, когда ходил с терцами-низовцами казак Федор до моря Дербентского на «вольные промысла» — разбойные набеги, значит. Лука так обчертыхал деда Шабана, так обиделся, что полез к себе на верхотуру по едва различимой при свете луны ниточке тропы. Да уж дюже играло в его голове вино, кувшины которого и не считали. Он упал и скатился назад, разбив в кровь нос, расцарапав лоб и набрав полную бороду репьев. Тут-то и пошла у них самая забубенная кунацкая пьянка!

7.

С тех пор часто гостил Дорофей у Хлебниковых. Рос потихоньку, шел в отца — крепчал на глазах. Боролся со старшими сыновьями Евдокеи: спуску никому не давал и сам слезу, будучи битым, не пускал. А что они выделывали вдвоем с проказливой Фроськой! Уж такие дела творили! Два чувяка — пара.

По-простому, без задней мысли и укора, без ревности говорила бабка Марья Шабаниха заботливой Евдокее:

— Ты, Дуся, дюже к себе Дорофея-то не приваживай. Хотя отца-матери у него и нет, да зато мы с дедом живы. Должон казак свои корни знать! А тебе тоже нечего с ним работы набавлять на себя.

¹⁰ Чехонь — рыба семейства карповых с длинным веретенообразным телом. Употребляется в вяленом, соленом и копченом виде.

¹¹ Каймак — жирный молочный продукт из пенки топленого молока.

— Да что ты, Марья Афанасьевна!

— Знаю, знаю, матушка! Знаю тебя! Не с обиды говорю. Ты и ку-тёнка, и татарчонка, и хворого, и убогого — всех бы к себе взяла, всех бы выхолила, уж такая уродилась ты у нас сердобольная! Да тебя-то саму кто пожалеет? Своих-то душ — мало ль? Рук-то сколько тебе надо на них на всех? Наготовь-подай-убери, обстирай-пошей-почини, за скотиной походи, за птицей пригляди, в саду, в огороде отработай — и все ты одна! А тут еще нахлебник Дорофей у тебя гостует!

— Да у меня Нака...

— Да и у Наки тоже руки две, ноги две, сама — одна. Было б у тебя их хучь трое, ентих Нак... Вот что я тебе скажу, а ты послухай да не обижайся на меня, старуху: ежели только неслух ентот напроказит, а пуще того — тебе станет невмочь с ним, так ты сейчас же мне покричи с верхотуры — я его враз заберу, негодного! А вечер Федор-то мой Сидорыч будет Дорофея забирать у тебя завсегда, хочешь ты, не хочешь, матушка. А то мне перед тобой уже стыдно.

— Да ведь крестник же Луке...

— Что крестник — то верно, вы и так его подарками дарите, спаси Христос! А честь надо и крестнику знать. Ить что вчера Дорофей-то сказал! Сведи меня к мамушке Дусе, говорит! Так и сказал! Я не в попрек тебе, а навроде в похвалу — как родная мать ты его привечаешь. Мне и лестно, и перед людьми совестно. Знаешь, казаки-то скажут, родного внука бабка Марья спровадила к соседям! Так что вот тебе сказ мой: для приличиев уж ты приучи его, Дорошку-то, как вечеряет — так домой. Уж прошу тебя, а ты не погневайся, матушка!

Остуды меж соседями не случилось, Евдокея как ни прикипела к Дорошке, а понимала: права бабка Марья, так быть и должно.

8.

На верхотуре у старухи Хлебниковой уже вовсю припекало утреннее солнышко, а на шабановском наделе еще лежала тень от кручи.

Там хозяйничал теперь Дорофей Шабанов, казак лет сорока. Из-за могучего сложения про него говорили: поперек себя шире. Шестнадцати годов он пошел в ватагу караванщиков — охранять купеческие обозы на пути от Астрахани до Крыма. За пять лет изъездил весь Кавказ, служа у купцов всех племен и народов. Поговаривали, что и разбойничал, бывало: одни караваны вел, другие — грабил в компании с такими же буйными головушками. За дедом, мол, вослед: тот тоже в молодости походил «хищником».

А потом женился Дорофей, взял в жены черкешенку. Не войной, не полоном взял — миром. Заплатил богатый калым и привез в родную станицу. Верхом прибыла она, на гнедой тонконогой кобыле в нарядной белой сбруе. Дорофей вел кобылу и своего длинного, крупного коня под уздцы. Хрупкая, как хворостиночка, низенького роста, с огромными глазами, тонкими детскими руками и кожей, чуть не светящейся впотьмах, молодка стала жить с Дорофеем в ладу и радости. Он свою «черкесскую

княжну» чуть не боготворил и уж так лелеял, так заботился, так одаривал! И не стыдился ни перед кем того, против обычая, несмотря на шуточки злоязыких казачков и казачек — звучавшие, однако, лишь за его спиной. Да кто ж посмел бы ему сказать что-то в лицо? Отцова силища, да удвоенная пламенным характером: чуть что — за кинжал готов схватиться! А черноокая Марэ, выкрещенная перед венчанием Марией, несмотря на свою кажущуюся немощность, взялась за большое хозяйство весьма умело: чай, и у черкесов оно мало отличимо от казачьего. Да нарожала Дорофею четверых сыновей и одну дочь. Сыновья пошли в шабановскую породу: могучие, как молодые дубки, казачуры с кудрями под светлый яшень. А дочь вылилась в мать: сумрачной, нежной, чернявой кавказской красы, такая же миниатюрная, с таким же длинным тонким станом. И только глаза ей достались от бабки Марьи — нежно-голубые, как звезды цикория по обочинам белых пыльных кавказских дорог.

По все той же сыпучей каменистой тропке, облепленной шалфеем в сиреневом цвету, по крутому косоугору поднимались две фигуры: согбенная бабка Марья Шабаниха и девчонка двенадцати лет, ее правнучка Анюта. Аюта, как звала ее мать. Марэ-Мария говорила по-казачьи бегло, только с хриповатым, гортанным оттенком. Она часто вставляла в речь черкесские слова и даже целые фразы, которые и казаки давным-давно понимали. Жизнь веками бок о бок с горцами научила. Анюта впитала с молоком матери ее говор и, ни разу не побывавши у своих родичей из аула, говорила с легким кавказским акцентом.

Бабка Шабаниха была разряжена в пух и прах, несмотря на жаркое июньское утро. В руке она несла белый узелок, клонясь лицом чуть ли не в бурьян. Девчонка же, простоволосая — длинные волосы на ветерке в отлет, изогнувши тонкую талию, тащила высокую корзину. Корзина явно не была ей в тягость — Анюта приплясывала, приседая то к цветку, то к былке.

Наконец они взобрались на гору. Девчонка откинула в сторону калитку-плетень, пропустила вперед себя прабабку, тут же поставила корзину на утопанную глину двора и встала, сложив руки перед собой, жмурясь всем личиком на припекающее солнышко. Потом вскрикнула, присела: к ее ногам, припадая на передние лапы, мотая большой кудлатой головой, подскочил пес. Заскулил радостно, с переливами: подруженька пришла, поиграет!

Бабка Шабаниха, крестясь и хватаясь за тощее горло, тоненько отдувалась:

— Фу-у-у, Дуся! Едва взошли к тебе! Пока на гору твою влезешь!.. Здравствуй! Спаси Христос! Вот, коза эта со мной увязалась, скок да поскок! И-и-их! Мне б тоже лет долой хоть чудок!.. Ну что, собралась, молодуха?

Под тридцать лет разницы и давнее дружное соседство давали ей невозбранное право величать по-станичному «древнюю старуху» Хлебникову молодухой.

Немногословная Евдокея спустилась с порошков, перекрестилась и пошла впереди процессии: она — торжественно прямая, затем горбатая бабка Марья Шабаниха, за ними — длинноногая Анюта с высокой кор-

зиной, в арьергарде — серый от пыли и комаров хлебниковский кобель. Выходя в калитку, старуха Хлебникова шикнула на собаку, и та послушно уселась внутри у ворот.

За калиткой лежала дорога, изжелта-глинистая, широкая, пыльная. Местами на ней темнели лужи с толстой засохшей коркой. Корка трескалась крупной сетью, из трещин сочилась серая грязь. Влево и вверх дорога уходила вдоль плетней и непролазной терновой изгороди последнего надела станицы, это уже была окраина. Отсюда чуть виднелся дальний станичный пост: далеко-далеко на пригорке черными точками маячили несколько строений. Вправо дорога вела к центру станицы, к площади и станичному правлению. А прямо, перейти только широкий болотистый пустырь, — кладбище и кладбищенская церковь.

И кладбище, и церковь — на небольшом пригорке. Церковь — староверческая, Покрова Пресвятой Богородицы, каменная — первая постройка, возведенная казаками-гребенцами при основании станицы. Стояла она на останках еще более древней церкви — та погибла в незапамятные века вместе с поселением, бывшим тогда на этом месте. Старобрядцы говаривали: в апостольские времена, когда пришел на Кавказ Андрей Первозванный и крестил здешние народы по истинной вере — погружением, а не так, как нынешние «обливанцы», поставлен был здесь и освящен самим святым апостолом каменный крест.

Старухи, степенно обходя засыхающие лужи, перешли дорогу. Анюта, наоборот, лезла в каждую, проверяя, выдержит ли сухая корка ее воробьиный вес, выпархивая в одно мгновение, как только сухой верхний пласт глины начинал скользить на черной жиже.

За дорогой начинался заболоченный луг — батмак. Он сверкал необычайной зеленью сочных высоких трав, а поверх качались бесчисленные головки ярких цветов. Кругом по станице зелень потемневшая от жары, чуть с желтинкой, запыленная, сизая. А на батмаке — яркая, свежая. От него потягивало тинцой и веяло прохладой. Жужжали над цветами пчелы, тяжело гудели огромные фиолетовые шмели, вились комары и мошки, порхали белые бабочки, и даже днем в камышовых куртинках квакали лягушки.

Подземные воды обильно напитали эту низину и превратили в приятный глазу, но весьма непростой, а местами даже опасный для людей уголок. Где-то посередке этой пространной луговины, вокруг скопления огромных потрескавшихся глыб темного камня — выступа подземной скалы — лежала топь, зыбучая трясина.

Прямо напротив хлебниковских ворот на топкий луг уходила одна-единственная верная дорожка. Огибая сырые места и болотца, прыгая по мшистым камням, она выводила на кладбище. Старухи остановились перед ней, и обе покачали головами: видно было, что по дорожке давно никто не ходил, — она поросла молодой травой. В круглых ямках белели молочные пленки мелких лужиц.

— И-и-и, Дуся! Должно, не пройти нам тут нонче. Эж развезло мочажину эту опосля дождей! Грязь намеси-и-им — страсть! А там, посе-

редке, у камней, где самоё топь, гляди, ишшо и увязнем... В запрошлый-то год, помнишь, как пошла казачка за телушкой, воперек дорожки, и засосало ее? Так и утопла бы, Богородица спаси и сохрани, ежели б не казаки с поста — проезжали да услышали. А ишшо чудок бы и...

Бабка Марья звенела своим молодым голоском, Евдокея Хлебникова молча кивала. Анюта присела у кромки пышной зелени и рвала мелкие алые маки. Из светло-зеленых, опушенных нежными волосками стеблей вытекал густой белый сок.

— Придется в обход. Да я уж и так к Вассе-то Калишниковой собиралась итить. Вон и гостинцев с собой взяла, — бабка Марья кивнула головой на корзину, оставленную Анютой у края дороги. — Хучь погляжу на нее. Можя, она меня признает? Мы ж с ней столько-то годков... Хоть бы Господь прибрал ее, уж так мучается, так мучается! Не знаю, есть ли в ней ишшо разум, либо и нет вовсе... А тебе бы, конечно, к своим сподручнее тут. В обход-то тебе далече. Да нам обоим, считай, ворочаться придется. Ну, делать нечего...

Под залиvistый говорок бабки Марьи они тронулись по дороге. Шли быстро, путь выходил неблизкий: обогнуть болото — три версты, обойти кладбище — еще версты полторы, сколько-то подняться по крутой улочке к церкви — еще дорога, потом по кладбищу, меж могил и крестов, к своим.

Солнце начинало пригревать, роса сошла. Бабка Марья постукивала по дороге узловатой палкой и продолжала свой рассказ — о станичных новостях, о далеких вестях. Изредка внимательно оглядывалась на Анюту, отстававшую шагов на двадцать-тридцать. Глядя на это, старуха Хлебникова заметила с улыбкой:

— Небось не украдут...

— Да не украдут! Кому такая нужна-то! — смеясь, подхватила бабка Марья. — Чернушшая да худушшая! У черкес своих таких же возле каждой их мазанки по выводку. А казакам и подавно на что такое-то? Вся в матерю, вся, до тонкостей! У-у-у, глазюки одни наши, а так — черная чернавка! И такая вертлявая, такая поскакушшая, что твоя коза!

Бабка Шабаниха говорила с напускным гневом — правнучку она любила и по-настоящему опасалась за нее: в девочке-подростке уже проглядывала та дивная женская красота, какая бывает только от смешения разноплеменных кровей, от соединения лучших черт самих по себе красивых и сильных народов.

— А ну, поди сюды, коза сидорова! — Бабка Марья остановилась и прикрикнула на девчонку. — Что ты мотаисси там, как бараний курдюк?! А ну, иди рядом с нами! Буду я ишшо на тебя оглядаться кажду минуту, пока сама чрез каменюку не свалюсь!

И повела дальше свой рассказ, которому старуха Хлебникова внимала все так же молча: ей, полнотелой и одышливой, длинная дорога давалась трудно.

— ...А Петро Калишников был в Карантинной станице. Там казаки-чалдоны с русскими солдатами строят новую крепостю возле кургана.

Петро туда вино свез на продажу. Говорит — страсти Господни! Чума опять. Говорит, принесли али ногаи, али калмыки. В аулах за Кумой ох что творится! Кабарда сама жгет свои сакли. Да целыми аулами жгет! Русское-то войско теперь по границе встало, ни казаков за кордон, ни их к нам — ни ногой! Ох, Матушка, Царица Небесная, спаси и сохрани! Как ходила чума остатний раз — такие страсти у нас были, помнишь? Да ты, Евдокея, ишшо тогда девчоночкой была, годков десяти, не то двенадцати — помнишь, нет ли? Как возили чумных арбами, да под такой страшной охраной, да все конвойные — русские солдаты, спаси их Господи! А хоронили чумных колодники, в сухой степе засыпали натром, забивали могилы глиной с камнями, чтобы ни зверь не разрыл, ни вода не размыла...

Мимо старух, поднимая пыль и разбрасывая мелкий щебень, пролетели всадники. Молодые казаки, в белых и рыжих черкесках, в сдвинутых на затылок папахах, что-то задорно кричали и размахивали над головой плетью. Пока оседала белая, как мел, всюду проникающая мелкая пыль, бабка Марья, прикрывши лицо, глухо вещала из-под платка:

— А Феденька-то мой, Федор Сидорыч, чумой энтой заболел. Ездил к осетинам да в ихнем ауле-то и занедужил. В том ауле как начались смертя от чумы, так осетины свои сакли побросали и все до единого ушли в горы. У них в горах цельный город стоит — дома каменные высокие. Только дома те — не для живых людёв. Могилы то! И чумные осетины сами себя в них заживо хоронют, во как! Не знали энтого наши казаки, то уж потом известно стало... А тогда переночевали в ихней сакле да вернулись. Опосля того походу Феденька как увидал на своем теле водянку — алую да с черниной, — так и вскочил на коня. Сказался — помирать в горы поехал. И уж я думала, распростились мы с ним навек. А плакала-то! А он вернулся — должно, месяц прошел. Да такой весь выгулявший, такой тощей! Лица нет, еле ворочается. Но живой, Господь уберег. Да ишшо сказывал, один кудесник его лечил. В лесах он жил, в пустыни. Наш казак, по старой вере иннок. Знал, как пользоваться от этой страсти. Корешки копал чудодейственные и молитву творил особую, с самой горы Афон привезенную. Как ходил там в послушниках, ему один затворник и поведал ее. А таперича того пустытника и вживе нет давно...

На повороте дороги они остановились передохнуть. Бабка Марья продолжала:

— А какие-то калмыки, сказывают, ночью сквозь нашу станицу проехать хотели. Шесть кибиток, да верблюдов до двадцати голов — да все огромные, лохматые, режут и стонут, — да бараны, отара целая. Казаки не пустили их, указали мимо кладбища, по верхней дороге итить. А ишшо до свету солдаты русские с ихним командиром пришли. Спрашивали, зачем казаки пропустили ентих инородцев проезжих. На то указ есть: всех на постах заворачивать. Ох, наказанье Господне... То чума, то ишшо чего-нибудь...

Дальше тронулись. Бабка Марья не умолкала:

— А ишшо, говорят, объявился у магометян какой-то ихний не то царь, не то пророк, Гази-Мухаммад¹² имя ему. От кумыков пришел, всех войной подымает против казаков и русских. Русские крепостя штурмует. Войско против него готовить будут, по всему Кавказу казаков в полки собирают. Дорофеевым-то сынам младшим, правнукам моим, как раз пришла пора в строй. Пойдут джигитовать. Уж коней им купили, и усю справу отец положил. Да и старшие оба — те уж на службе. Вот все ждем, может, придут на побыв перед тем. Храни их всех, Царица Небесная, и от пули, и от кинжала, и от камня, и от воды, и от дурного глаза!

Обе старухи крестились, глядя на зеленую крышу колокольни, высоко вздымавшуюся над кладбищенской горкой.

— Гази-Мухаммад, сказывают, своих же мусульманей в ину веру обращает: не так, говорит, верите в Аллаха. По-другому надо, мол. А чем они не так верят? Молятся, как им мулла указывает, в мечеть ходят, свои праздники справляют. Нет, говорит, не так надо! Ить это у них, как и у нас, выходит, что при Никоне-ересиархе было. Стару веру анафеме предали, нову веру начали устанавливать. И пошел раскол меж православными людьми... А ведь что мы, что никониане, что магометяне — все люди Божии! Я так и попу нашему, батюшке Василию, говорила на Масленую. И он мне, батюшка Василий-то, не сказал иного, во как! А калмыков-то взять — золотой статуе свой молятся, в ней есть образ их единого бога. А тоже — люди Божии. А промеж армян живет народ — прозываются курды, колпаки носят, шарфами их обвязывают, — так они солнышку да ветру молятся. И тоже — люди Божии. А как же иначе? Ведь все сущее Господь создал!

Севши на любимого конька, бабка Марья Шабаниха выкладывала все, что знала на эту тему:

— А вот что мне сказывал Федор-то мой Сидорыч, царствие ему небесное! От того самого пустытника слышал он, а тот инок в книгах читал старопечатных. И вот что там говорилось: «Спрашивал святой Макарий Египетский, обретши на своем пути сухой череп нечестивого элина — грека, значит: имеют ли когда во аде некоторую ослабу? Тот же отвечал ему: многую ослабу имеем и мы, когда христиане за усопших своих творят молитвы»¹³. Это что значит? А то, матушка, что, когда православный народ молится, и душе иноверца легче делается на том свете. А рази ж когда магометянин свою молитву творит, не будет вспомоши и христианским душам? То-то, что и будет!

Оставалась кривая, изрытая потоками воды, копытами и колесами улица, круто лезшая в гору, а там — и кладбищенские ворота, и церковь. Старухи остановились, поправляя одежды и сбившиеся платки-сорочки. Анюта поставила корзину и бродила вокруг них: то перебежит улицу, то что-то высматривает в колючих изгородах, вставши на пальчики босых ног. Крупная Евдокея Хлебникова дышала натужно, рябое лицо ее по-

¹² Имам Гази-Мухаммад (1795—1832) — мусульманский ученый и богослов, первый имам Дагестана и Чечни, предводитель кавказских народов в борьбе против Российской империи.

¹³ Постная Триодь, синаксарь (сборник житий святых) на Мясопустную субботу.

бледнело и лоснилось от пота. Сухонькая бабка Марья тоже приустила, но бодрилась.

— Да тут уже и трошки осталось... Ну все одно, передохнем, Дуся. Эй, коза моя, дереза! Поди суды, Анюта! — звала она девчонку. — Ну-ка, ступай в гору вперед. Да возьми у бабушки Дуси-то поклажу. Вишь, притомились мы!

Анюта прихватила свою высокую плетенку, подобрала продолговато-длинную, с разноцветной узорчатой крышкой корзину старухи Хлебниковой и, по-прежнему не тяготясь своей ношей, пошла в гору упругой походкой.

Опершись на палку и поглядывая за правнучкой, бабка Марья щebetала про все подряд:

— А слыхала ты про то, как нонешний год земля тряслась по всему Тереку, да у кумыков, да у аварцев? Говорят, и море вышло из берегов, и горы сокрушались! Оттого, магометяне говорят, что плохо они свой закон соблюдают. Аллах их покарал за то, что русских не гонют от себя. И русь, мол, покарал: крепостью под Кизляром-городом разрушил до основания да селения русские. Солдат сколько завалило, и коней побил, и скотины — и-и-и, страсти-то какие! Дак и их сакли сокрушило, и мечети, говорят, развалились. До тысячи домов порушено, да каких домов — каменных! В горах трещины пошли страшные до глубин земли. И оттуда вода хлынула — кипяток! В той воде и люди, и кони заживо поварились. Вот какие страсти-то! Об том и есть речь: всех людей Божиих един Господь карает за грехи. Не выбирает он, кумык ты, русский, казак ли, черкес ли...

Наши казаки о ту пору возвращались с Терека. Свели коней туда на продажу. А оттуда в бричках везли винограда саженцы — из-под Дербента-города. Дорофей наш тоже с ними был. Говорит, как началось трясение земель, так кони шатались под ними и ложились наземь. Когда это видано, чтоб конь сам ложился на походе? Да ишшо видали: у одной горы верхушка-то отломалась да скатилась вниз на плоскостя. А там — что людей-то было, что овец! И всех передавило. Ногаи одни только вылетели оттуда на своих конях.

А тот виноград, что Дорофей привез, мы по самому склону высадили — дак хорошо пошел, матушка, весь принялся. Посмотрим, что енто будет. Говорят казаки, розовый, да длинный, да без косточков — какой турки подают своим султанам да визирям. Армяне тамошни из него вино делают, сладкое как мед! Ну, даст Бог, и мы попробуем... Ежели поживем еще.

Снизу старухам было видно, как Анюта, дойдя до церковной ограды, машет им рукой.

— Ну пойдём, Евдокея. Призадержались мы. Нехорошо в обедях на кладбище, надо раньше управляться. Да ты чегой-то с лица вся спала, матушка?

Старуха Хлебникова утомленно махнула рукой:

— Что-то ноги совсем как колоды! Жара, видать.

— Да, оно напрямки было б и скорее, и не так жарко. Да как там пройдешь сейчас-то? Все размокло...

— Да вы идите, а я еще чудок постою тут.

— Да ты что, Дуся, не заболела ли? Что ж я одну тебя тут оставляю? А ведь я ишло к Калишниковым потом зайти думала... Сейчас енту козу позову — ты на нее обопрись, да так и взойдем. А ну-ка, стой! — спохватилась бабка Марья Шабаниха. — Тут же есть дорожка одна... Через кладбище, не через церкву. Через генеральский склеп идет. Только найти ее надо...

Бойкая старуха пошла вдоль сплошной стены из кустов сирени, терна и вишни, густо заплетенных ежевичником. Раздвигала костылем ветки. Шагах в десяти остановилась, взгляделась и вернулась:

— А вот она, чуть только затянуло! Сейчас тут пролезем, даст Бог, а там свободней станет. Анюта-а-а! А ну, ворочайся! — залиvisto и тоненько позвала она девчонку.

И пока та вприпрыжку спускалась назад, старухи подошли к прорехе в колючей ограде. Бабка Марья откинула палкой плети ежевики, первой вошла под свод ветвей. Через несколько десятков шагов дорожка и вправду расширилась, колючки больше не цеплялись за одежду. Сырая прохлада обступила со всех сторон. Гомон утренней станицы сразу стал далеким.

Кладбище лежало в тених и в солнечных бликах. Ветер теребил листву, мириады солнечных зайчиков проносились по крестам и могилам. Кресты были вымыты, могилы прибраны — недавно прошла родительская, вся станица побывала на кладбище, поминая своих усопших.

Дорожка серпантинном обвивала кладбище, плавно всходила на холм. Оттого путь по ней был хоть и не крут, но долог. Меж старых и новых крестов, меж стволов белых и розовых акаций в пенном душистом цвету, меж широко разросшейся сирени и бузины шагали старухи и девчонка, крестясь у знакомых могил. Возле краснокаменного склепа с кованой решеткой и витыми столбами у входа — генеральской усыпальницы — они присели на траве. Молчали, даже бабка Шабаниха не вела разговор, и Анюта сидела тихо, сложив ноги калачиком.

— Вот что, — пробормотала Евдокея Хлебникова, — и вас я задержала, и сама тут засиделась... Сиди не сиди, а итить надо.

— Да ты хучь чудок отошла, Дуся? — Бабка Марья снизу вверх всматривалась ей в лицо. — А то побудем еще. Можя, тебе пить хочется? Дак я взяла с собой и узвару, и айрянчику с погребов холоденького, а не то и вина. Налить?

— Спаси Христос, Марья Афанасьевна, спаси Христос. У меня все есть, — Евдокея указала на свою длинную корзину с цветной крышкой, прикрытой поверх белого платка. — Это мне от жары на дороге занемоглось. Да теперь все хорошо. Пойдем уж!

— Да и то, пойдем! Тебе к своим теперь все вокруг и вокруг горы. А нам к своим — в другую сторону. Ну, где мы с тобой встречаться-то станем? Я ж ишло в церкву пойду. А потом к Калишниковым бы надо...

— В церкву и встретимся, — улыбнулась Евдокея.

Разошлись. Где-то рядом громко, тягуче пела золотая иволга.

Лука Хлебников умер пять лет назад в такой же июньский день, после Троицы. Еще благоухала троицына травка — чабрец, принесенный в дом с солнечных склонов на той стороне Подкумка. Еще ночи были холодные, а солнце только к полудню набирало свою благодатную мощь. Добрые травы в тот год стояли — и под покос, и под богатый медосбор.

На пасеке Луку убили. Станичное правление разбирало — определило: должно, беглые русские солдаты закололи штыком. Украла у старого казака винтовку, забрали с убитого кинжал, поснимали теплую черкеску, бешмет, папаху, даже шаровары и изношенные ичиги стянули. Знать, хотели переодеться в казачью одежду да затеряться среди местных — казаков и черкесов. На том основании да по виду маленькой сквозной колотой раны, нанесенной в шею сзади, со спины, и порешили: сбежавший солдат убил казака. А там — поди узнай правду... Могли и абреки, могли и разбойники, издавна облюбовавшие крутые лесистые балки по берегу Подкумка вдоль дороги к Кислым водам¹⁴.

А всех троих сыновей старуха Хлебникова потеряла уж давно.

Старший вел по степи лошадей с карачаевцем Казбеком и его работниками. Казбек, как и отец Казбека, Акбай, водил с казаками нерушимую, клятвой на Коране скрепленную дружбу. Дружба повелась с давнего случая: раненного в набеге на русский отряд Акбая, молоденького джигита, укрыл и не выдал урядник Афанасий Хлебников. Прятал в кизяках, кормил бараньей печенькой, а потом переправил в далекий аул — спас молодую жизнь.

Заночевали табунщики в степи. Под утро хватились — а работники сбежали. На рассвете другие карачаи налетели да и порубили казака и Казбека, лошадей угнали. По странному поведению слетевшихся хищных птиц — они то садились, то в испуге отлетали с этого места — обнаружили побоище. Казак был давно мертв, карачаевец умирал, но все пытался отогнать падальщиков. Сквозь последний хрип и сгустки крови, выхаркиваемые из рассеченных щек и горла, он назвал убийц.

Не дожидаясь похорон брата, второй сын Евдокеи Хлебниковой собрал казаков, человек пять-шесть отчаянных рубак. Взяли сменных лошадей и повезли Казбека в его родной аул. Хотелось тело кунака отдать его родне для похорон по их обычаю — на другой день после смерти. Как только эфенди совершил карачаевский обряд деур — выкупил грехи покойного Казбека, к казакам пришли еще семеро горцев. Посовещались недолго и, послав вперед двоих разведчиков, хорошо вооруженным отрядом уехали в ночь — мстить убийцам. Отчаянно и традиционно жестоко наказали они своих врагов: подожгли сакли, постреляли и засекли нагайками без разбору сколько-то мужчин, увели коней и захватили пленников. Многих убили и сами понесли потери. Среди погибших оказался средний брат Хлебников.

¹⁴ Кислые воды — нынешний Кисловодск.

Христом-богом, угрозой страшных материнских проклятий, горькими слезами осиротелой старухи склоняла Евдокея Хлебникова последнего своего сыночка не мстить больше кровникам, дать слово отцу и матери и не причинять им горя, тяжелее которого нет на свете. Упросила. Глотая обиду, сын согласился.

Но не прошло и нескольких месяцев, как молодой казак пропал. Одни говорили — подался на Терек. Другие — ушел в Чегемские ущелья, служить тамошним князьям-таубиям. Приходили вести с гор, темные и неверные, как подмокший порох: мол, какой-то казак принял ислам, взял себе имя Джамал и стал воином Аллаха. Кто-то при этом описывал черты сгинувшего сына Евдокеи.

Прошло время, тот аул, который покарал средний брат за убийство старшего, был заново отстроен прежними обитателями. Зажили было они старой и даже более широкой жизнью. А суровой зимой, когда никто не ждал, спустились со снежных хребтов, из черных холодных башен, орды беспощадных горцев. Пронеслись по тому аулу и всем окрестным поселениям кровавой лавой, выжигая строения в угли, убивая всех до единого, не щадя ни детей, ни стариков. И пропали. Говорили, вел их совсем молодой белобородый, светлолицый и сероглазый джигит.

С тех пор прошло уже более тридцати лет — это все случилось еще в минувшем веке.

Баловницу Фроську, выросшую в статную красавицу Ефросинью Хлебникову, сосватал богатый и родовитый казак — есаул, наезжавший с инспекцией в станицу. Он служил сначала в русской крепости на Сунже, куда и забрал молодую жену. Затем, в чине войскового старшины, получил назначение в штаб, а потом переехал с семьей в Ставрополь. Там вышел в отставку, выстроил большой, в два каменных яруса дом, где Ефросинья жила барыней безвыездно. Будучи обременена детьми, мужем в годах и иными заботами, она не бывала у родителей в станице. Лишь по большим праздникам приезжал от нее нарочный с подарками и поклонами.

10.

Вот и уголок кладбища, дальний от входа. Зато отсюда, с высоко-го пригорка, через болотистый пустырь виднеется надел Хлебниковых. Стальной шашкой на солнце посверкивает в зеленях Подкумок. Вольный джигит ветер клонит высокие тополя в сторону мглистого Бургустана.

Тут все Хлебниковы лежат: урядник Афанасий Трофимыч со своими родителями, его жена, его сын Лука, двое детей самого Луки. После смерти мужа старуха Хлебникова выбрала и себе место — рядом с мужем. Немногословно наказывала, бывало, бабке Марье Шабанихе: «Здесь, Марья Афанасьевна». На что столетняя старуха смеялась своим детским смехом: «И-и-и! Погодь пока, молодухка! Вперед тебя пойду, а ты по-времени, ишшо успеешь».

Убралась Евдокея, хотя и убираться-то особо было нечего: только что прошла Троицкая суббота, все было прибрано. Совершив все старо-

верские обряды, долго молилась на коленях, потом тяжело поднялась и уселась на гладко струганную скамью, поставленную еще Лукой.

Ничего она здесь не вспоминала. Просто подолгу сидела, смотрела вдаль. На могилах бывала всегда в одиночку, редко-редко когда с бабкой Шабанихой. Та знала, что Евдокея предпочитает быть «у своих» одна, и не навязывалась. Хотя ходили на кладбище издавна вместе. Разойдутся у церкви, там же встретятся — и домой.

Уже не так горько тосковала по своим старуха Хлебникова и не жале-ла о своей судьбе: сколько их по станице, таких же казачек, кто схоронил своих мужей, сыновей... Такая казацкая доля! Такая жизнь у гребенцов, от дедов и прадедов ведется: казаки воюют и погибают, казачки их хоро-нят и поминают. Не нами заведено, не нами и порушено будет.

Одна только тихая обида — даже не столько обида, сколько неиспол-ненная мечта — не давала ей покоя: хоть бы одного внучонка или внучку понянчить, хоть бы пожилы при хлопотливой бабке маленькие казачата! Не насытилась она, видать, материнством и порой даже завидовала со-седке бабке Марье Шабанихе: у той хоть прибрал Бог сына, да зато внук Доросейка каков, а правнуков-то сколько! Но гнала Евдокея от себя эти непристойные завидующие мысли.

Все играла на своей дивной флейте иволга — золотой шар, все тянула сладкую ноту.

Дождь будет, думалось Евдокее. Ишь как заливается! Другая-то птица все молчит днем, а эта распевает — к дождю дело. Вслушивалась в пение, в дремотный шелест тяжелых кистей цветущей акации. Долетали шумы станицы: ржание лошади, чьи-то громкие крики, резкий гусиный гогот рядом на болоте, бляенье овец, далекий-далекий выстрел...

Что-то странное мешалось в эти привычные звуки. Что-то появля-лось и пропадало — неестественное, необычное для слуха. Старуха Хлеб-никова повернула шадроватое¹⁵ лицо в сторону беспокойного звука, за-мерла.

«Что такое? Никак кошка... Да откуда ей здесь быть? Разве от дома батюшки Василия забрела. Вот поганица! Пстой-пстой... Иволга! Она, бывает, кошкой кричит. Нет, навроде непохоже... Иволга-то — громко, как оглашенная. А это-то — тихонько: всхлипнет, утихнет...

Да уж не бес ли меня смущает?! Господи Иисусе Христе, Сыне Бо-жий, помилуй мя, грешную! Пресвятая Богородице, спаси нас! День-то белый, да и откуда бы бес середь святых крестов?..

Покойник? Ой, вовсе страсти Господни! Спаси и сохрани! Неупоко-енная душа ходит... Казненный либо самоубивец! Навь!

Да чтой-то на меня, старую, нашло? Уж самой скоро в землю итить, а такое подумалось. Все утопленники, разбойники, нехристи за оградой лежат, нет им ходу к православным могилам. Да пойду уж погляжу, от-куда оно слышится! Небось не во грех станет... А я-то, старуха древняя, никому не нужна и подавно».

¹⁵ Шадроватый — рябой.

Гордо выпрямившись, но шепча Давидов псалом «Живый в помощи Вышняго», старуха Хлебникова обогнула пышные, уже отцветающие кусты калины, вокруг которых роями вились пчелы. За кустами шла прямая, отсыпанная мелкой белой галькой дорога к церкви, к вершине кладбищенского холма. Ничего особенного кругом... Никто не стенает.

«И так и сяк — а идти мне сюда, до церкви. Пойду соберусь».

Она повернула было назад. Под тонкими кривыми стволиками калины лежал цветастый сверток.

11.

От этого-то свертка — красное, синее и черное линиялое тряпье, повязанное узорчатыми лентами, — шли неясные плаксивые звуки.

Старуха Хлебникова замерла. Потом мелко закрестилась. Уже все понимая, склонилась над свертком, затем ткнулась коленями в мягкую землю и, продолжая креститься, левой рукой разворошила ткань.

Темное, как сырая баранина, покрытое испариной личико и скользкие пряди черных волос. У век и по круглым щекам — белесые потеки. Маленький, синеватый, сморщенный от жажды рот.

«Царица Небесная! Дитя потеряли! Да не то... Бросили! Дитя бросили! Заступнице Усердная, Благоутробная Господа Мати... А не наших кровей дитя, инородец...»

На солнце, осветившем лицо, ребенок сначала зажмурился сильнее, чуть громче захныкал, а потом открыл глаза, с трудом разлепляя схватившиеся коркой веки.

«Господи, что творится! Да что ж делать-то с ним — мне?! Сколько ж дитю? Месяцев пять, а не то и полгода будет... Волосы-то, волосы уже... А нос-то круглый, да щеки какие широкие! И глаза узкие, бусурманские. Да заплыли-то как! Упрело дите, куда это годится? Жара какая, а так закутали!»

Мягким морщинистым ребром ладони она протерла ребенку глаза.

«Умыть бы надо... Да напоить! А у меня ж в корзине...»

Она торопливо стала подниматься с колен, потом снова опустилась — потянула за пеструю ленточку, туго стянувшую пеленки.

«Что за узорочье-то на тесемках? Все углами да полосками... Да такое искусное шитье! Должно, ногойский поясок. Нет, постой — калмыцкий! Вот и бисер, и нитка серебряная, и гладь ихняя, мелочко так...»

Узел на ярких лентах разошелся, плотный тканевый тючок распался.

«Мальчонка, святые угодники! Да какой плотненький да сбитенький! Прикрыть бы надо, не то прохватит дитя ветром, тут поддувает... А калмык и есть калмык: уж такие скулья — буграми, уж такие глазенки — ниточки!»

Все вставало на места, мозаика складывалась.

«Марья Афанасьевна что говорила? Калмыки ночью к станции подошли, проезда просили... Казаки мимо кладбища им дорогу дали. Калмыки с кибитками ехали, с овцами, со своими кудлатыми верблюдами.

Значит, семьями шли, с бабами да с детьми. Значит, какая-то и занесла на кладбище дитя... Да рази ж такое можно?! Чертова баба, прости, Господи, что такое вырвалось! Ну а как иначе-то? Такого-то махонького, едва от груди... Ведь это ж на верную погибель! Меня тут не случись — пропал бы! А мне-то теперь что с ним делать? С дитем малым таким, ишшо сам ни есть, ни пить... Да напоить же надо его, скорей!»

Как не бывало в ногах чугунной тяжести, вскочила Евдокея Хлебникова с колен, кинулась к «своим» могилам, схватила корзину, в узел стянула платок с разложенным было скарбом. На ходу достала тонкогорлый глиняный кувшин, сняла с него белую тряпицу, снова припала на колени к найденьшу, присела боком, откинула назойливую ветку с пахучими цветами. Приподняла голову ребенка, поднесла горлышко к высохшим, в трещинах и корках, губам.

«Степлилась вода в кувшине, и хорошо — дитю-то давать... Пьет, слава тебе, Господи, запалился! А вот я тебя еще умою сейчас, и ишшо полегче станет. И нечего так сразу водохлебничать... Сразу так — не дело, начнется икота или колика в животиках, ишшо чего!»

Евдокея отстранила кувшин, вытащила из корзины кусок чистой тонкой материи, быстрым рывком отделила от него полоску. Затем смочила обрывок из кувшина и стала протирать ребенку глаза, лоб, щеки, шею — полузабытыми, но легкими и уверенными движениями. Его черные глаза сквозь узкие щелочки толстых монгольских век следили за мельканием руки. Голова, покрытая уже загрубевшим черным волосом, упруго поворачивалась на прежнее место.

«Ох какой раскормленный калмычок-то! Ведь они, калмычки, подкармливают детей курдючным салом. И зыркает туда-сюда, что твой бдюк! Вот погоди, погоди... Сейчас мы тебя всего оботрем...»

Она снова развернула края пестрой пеленки. Смуглый ребенок напрягся всем телом, и внезапно тугая желтоватая струйка мочи высокой дугой полетела на склоненную Евдокею.

— Ах ты ж, эдакой-то какой! Ну уделал бабку, ну уделал! Ну всю уделал, как есть... Обоссал, прости, Господи, за такое-то!

И Евдокея заулыбалась. Она погружалась во что-то забытое, но знакомое всякой женщине с первого мгновения материнства, от самых глубин человеческого рода. В такие чувства и навыки, которым нет названий и не требуется практики — ими обладает женщина любого племени и любого возраста, она рождается и живет с ними до скончания отведенного ей века.

12.

Ребенок зашевелился, задвигал полными руками и ногами в попытках освободиться от надоевших одеяний, попробовал сесть. Евдокея помогла ему, подсунула под спину свернутую комком ткань.

«Так и есть, уже полгода, не меньше — гляди-ка, садится-то сам. Ох, да и какой же бугаек! Руки в перетяжечках — видать, на грудях висел, не

сходя с матери... Да что это за мать, что такого дитенка взяла да и выбросила?! Ведь не потеряли ж его! Ежели б дорогой с брочки выпал, то у дороги бы и нашелся. Сюда, на православное кладбище, калмычке ходить к чему? Да еще и ночью... Може, кто из своих по злобе дитя выкрал да и занес?»

В голове у Евдокеи плохо укладывалась мысль, что мать могла выкинуть ребенка: должен быть какой-то иной вариант, этот она старалась мысленно обойти. Бывали, конечно, и не столь редко, случаи по станицам, когда незамужняя казачка, скрывая грех, подкидывала новорожденного кому-нибудь, иногда — к церкви. Совсем нечасто, но тоже бывало, что находили казаки брошенных детей иных племен, но всё вблизи жилья или общественных мест, что означало явную цель: ребенка должны обнаружить. И почти во всех подобных случаях это были новорожденные дети. Оставить же на кладбище на верную смерть здорового и крепкого годовалого мальчишку — случай из ряда вон выходящий.

Внутренний вопрос, что делать с ребенком, ушел у Евдокеи пока на задний план. Перед ней становились по порядку обычные заботы о потребностях маленькой жизни.

«Да надо б его теперь в сухое завернуть. Ишь как весь употел, да и намочился вот... А как же, все как надо справил: попил — и... А энтэ что такое?!»

Евдокея в недоумении раскрыла ноги ребенка, все еще спрятанные в складках цветных лоскутьев. На плотной смуглой мякоти ножки возле паха — розовое воспаленное пятно, а посреди него — бледные волдыри с запекшимися кровяными корками.

Матерь Божия, Царица Небесная!

Старуха отшатнулась, с испугом обернула вокруг лица край платка-сорочки, произвольно закрестилась. Все, что слушала она сегодня в дорожных разговорах бабки Марьи Шабанихи, плюс весь ее собственный немалый жизненный опыт — все превратилось в одно, секирой, вслух ударившее слово:

— Чума!!!

Так вот почему... Мать умерла от чумы, заразившегося от нее ребенка занесли на кладбище. У того, кто занес, убить и закопать зачумленное дитя рука не поднялась, так выбросил.

13.

Напрасно полагала бабка Марья, что не могла помнить Евдокея Хлебникова события шестидесятилетней давности — свирепую эпидемию чумы. Ведь было ей тогда не десять лет, а все семнадцать. В невестах ходила, уже была просватана за невысокого, но бойкого и ловкого казачка, урядничьего сына Луку Хлебникова.

Сушь стояла тогда невероятная. Всегда столь обильные в мае и июне, в тот год ливни обошли Предгорье стороной. Хмурилось небо, бродили где-то у синих хребтов тучи, давило влажным гнетом неделями, а ни одна

гроза так и не разразилась. Потом обволокло все нестерпимым жаром. Подкумок обмелел, его каменное русло покрылось желтой пылью, лишь местами в зеленоватых канавках струились тихие ручейки. В одних колодцах вода ушла, в других испортилась — засолилась.

А тут о чуме заговорили. Мол, опять явилась из сухих степей эта казнь египетская! Порешили, что к лучшему — не брать колодезную воду. А где брать тогда? Подкумок чуть не высох вовсе — наверное, и в верхушках ни дождевки не выпало, ни снега не осталось. А людям нужна вода, скотине нужна вода, на полив нужна вода — все и вся горит полымем!

Станица стала ходить по воду к роднику — в любую засуху мощному, широким ключом бьющему из белой известняковой скалы. Скала замыкала другой край станицы. Вода в роднике была мягкой, вкусной, с чуть заметной горчинкой. Скотина пила ее охотно, для стирки вода тоже подходила как нельзя лучше. Только для стряпни не любили брать ее казачки: уж слишком обильную накипь давала. Видимо, источник был сильно минерализован.

Евдокее, жившей у родителей на другой окраине станицы, неподручно было добираться к роднику. Между тем неподалеку от них имелся свой источник — маленький чистый ключик. Он начинался на склоне соседней горки, среди густого лесочка. Сбегал по трещине меж кустарников и камышей и терялся во влажной низине, немного не дойдя до виноградников. Да тут другая закавыка: как воду из него брать? Внизу уже одно болотце, а не ключ. По всему склону трещина глубокая-преглубокая, журчит на дне вода, а не взять ее никак. И только в лесочке, среди дремучей поросли орешины, мелкого ясеня и молодых дубков — видимо, остатков порубленного настоящего леса, — при самом ложе источника можно было набрать воду ковшом. Вкруг ложбинки — огромные папоротники. Целые шатры дикого винограда спускались с деревьев до земли. Тишина... Только плеск родника. Утром здесь долго держался сизый туман.

Вот к этому-то месту и пробили казаки окрестных наделов дорожку. Сначала она бежала по голому склону вдоль трещины. Затем уходила в лесок и там по выступам горной породы, по оголенным, пружинистым корням растений, по моховым подушкам доводила до впадины с водой.

С раннего утра Евдокея уже успела несколько раз сходить до ключа. Вот и очередной поход с двумя ведрами: в одном черпачок, в другом тряпицы — покрыть ведра. Набрала, спустилась по скользковатому пути — сама пролила местами — до кромки подлеска.

И что-то так неохота ей стало выходить из густой прохлады на уже раскаленный склон! Небось подождут ее — не беда... Ведра — в сторону с дорожки, сама уселась на толстый корень, да и задумалась...

Негромкий хриплый и низкий голос прозвучал в тиши как камнепад:
— Казачык! Казачык!

Евдокея вскочила, заметалась было, не зная, что ей делать... Бежать! Бежать скорее!

— Нэ бойс. Нэ убый твая! Нэ бойс!

Голос звучал где-то в стороне от дорожки, но недалеко.

— Казачык, памырай мая! Дай вода...

Тихо зашуршала листва, голос несколько приблизился:

— Астав вода, сама нэ хады мая. Мая очэн бална!

Голос больше не приближался, движений человека тоже не было слышно.

— Казачык, астав вода, джязаки Лаху хайран¹⁶! Нэ хады мая!

Голос был монотонный, больной, он просил — не пугал.

Медленно, боясь повернуться спиной, боясь сделать резкое движение, Евдокея шагнула к ведрам, откинула с одного покрывальце, набрала воды в черпак, встала на дорожку и замерла с протянутой рукой.

Просящий человек явно ее видел, она его — нет.

— Ухады! Астав, ухады!

Она все так же медленно опустила черпак на землю у куста, подобрала ведра и начала спускаться по склону.

— Барака Лаху фики! Спасыба! Очэн бална мая... Ухады! Ухады, казачык!

Остановилась. Ой, зачем?! Ой, уходить бы надо! Убьет, не то украдет!

Чуть слышно зашумела листва, раздвинулись ветви. Всего в пяти шагах от Евдокеи выполз грязный, оборванный человек с непокрытой головой, босой. Трясущейся рукой он взял черпак и, повернувшись набок, спиной к Евдокее, стал жадно пить. Несколько судорожных глотков — и силы его, видимо, иссякли. Он упал лицом на прелую листву и замер. Евдокея не шевелилась, человек тоже. Потом он уперся руками, с трудом оторвал тело от земли и, видимо что-то ощутив, резко повернулся к казачке.

Лицо, шея и обнаженная грудь человека были покрыты отвратительными наростами — багровыми и кровавыми. Кисти рук — как обугленные или истлевшие в могиле: черные, потрескавшиеся. Губы его сначала шевелились беззвучно, затем он хрипло и натужно стал что-то говорить на своем языке, отстраняясь, пытаясь прикрыть лицо. Евдокея не понимала его. Ей было страшно — и одновременно больно за изуродованного человека, явно терпящего тяжелые страдания.

Он повторял два слова, перемежая их ломаными русскими фразами:

— Эмина... тауна... эмина... ухады... памырай будыць... эмина... магыла будыць... тауна... очэн бална будыць... эмина... тауна!

Евдокея не двигалась. Человек умолк, явно задумался, опустив голову, бритую, но заросшую щетиной, сквозь которую тоже виднелись страшные волдыри. И, видимо, вспомнив, подобрав наконец нужное русское слово, обессиленным шепотом повторил несколько раз:

— Чшума! Чшума! Ухады! Чшума...

Ох как бежала Евдокея по склону! Колючий ком в пересохшем горле, удары крови в висках, дрожь всего тела, — сквозь агонию страха она рассказала своим про ужасную встречу.

¹⁶ «Да воздаст тебе Аллах», «да благословит тебя Аллах» (араб.) — выражения благодарности у мусульман.

Казачи первым делом выставили пикеты на гору. Потом собрались и долго решали, как быть. Постановили — сжечь лес вместе со всеми, кто мог там скрываться. Принесли на палках просмоленные тряпки, запалили. Влажная, полная соков растительность горела плохо. Тогда нанесли тюков соломы, натащили кизяков, подвезли на волах сухое сено — пошло лучше. Дымом обволокло всю вершину горы, с треском запольхали крайние кусты и дубняк. Но вскоре все угасло снова, далеко вглубь огонь так и не пошел. Выгорело кольцо подлеска шириной не более десяти шагов.

Из опасений, что займется сухая трава вокруг и огонь перекинется на станицу, к ночи потушили и последние слабые костерки. Плотным кольцом вооруженные казаки встали вокруг опаленного леса, наутро прочесали его — не нашли ни живых людей, ни останков. На всякий случай впредь строго-настрого запретили кому бы то ни было ходить к этому роднику.

По решению стариков Евдокею поместили в карантин: на пять суток выслали в землянку за дальний станичный пост, снабдив водой и пищей. На шестые сутки, исхудавшая от переживаний, но здоровая, она пришла домой.

Долго потом вспоминала Евдокея страшные отметины чумы, увиденные на теле того несчастного. В этот чумной год при всякой мелкой хвори ей казалось, что либо у нее, либо у кого-то из близких проглядывают смертельные признаки — бубоны и черные пятна. Ее охватывал жуткий страх — как и всех, кто повидал зачумленные трупы. А было их в тот год немало, благо — все за пределами станицы. Бог миловал: никто из здешних не заболел.

14.

Лишь один раз качнулись под ветром тяжелые, с зелеными бусинами завязей соцветия калины — за этот миг Евдокея Хлебникова успела припомнить все мельчайшие детали своей встречи с чумным шесть десятков лет назад. И вот опять перед ней, в шаге — чума. Да еще в каких обстоятельствах, в какой страшной ипостаси — зачумленное, выброшенное безвинное дитя!

Бежать! Бежать скорее!

Евдокея начала вставать. Медленно, боясь обернуться спиной, боясь сделать резкое движение — все как и в тот далекий-предалекий день!

Ребенок внезапно поднял на нее свои раскосые азиатские глаза и заулыбался.

Остановилась.

«Ой, зачем?! Ой, уходить бы надо! От заразы, от неминуемой смерти — бежать!.. Но дите же, дите невинное малое! Да как же можно?!»

Евдокея неотрывно смотрела на больную ногу ребенка — и странные мысли пошли у нее в голове медленной чередой, словно круторогие серые быки потянули на высокий перевал тяжелые возы.

«Да чума ли это? Такие ли болячки были у того, возле ключа?.. И дитенок-то — как не хворый вовсе... Можя, только-только начала зараза йисть его? А все одно, не похоже на того, у ключа... Да где ж мне разобрать — чай, не знахарка... И все-таки не то! Посмотрю-ка поближе... А ну как зараза на меня перекинется?! Да что мне, старухе древней, делается? И так и эдак — пора помирать, уж свои там заждались давно, а я все тут... Тогда — не взяла меня чума. Правда, тот, у ключа, неблизко был, а тут... И брала я дите, и вытирала, и... Смеется, ты ж гляди, бусурманин эдакой! Вишь, как ручонкой-то дерется! Как шашкой рубит, джигит! Нет, не видно в дите болести! Да что ж тогда *это* такое?»

Страхи отлетели — старуха Хлебникова склонилась к найденьшу. Знахарка не знахарка, а как всякая многодетная мать, как старая казачка, как женщина беспокойного Предгорья, в долгой своей жизни знала Евдокея немало хворей, своих и чужих, женских и мужских. Ходила за больными, могла врачевать раны от холодного и огнестрельного оружия, вправлять вывихи, лечить ожоги, снимать жар и лихорадку отравлений. А уж сколько дней и тем паче ночей провела она у ребячьих постелей — и с безобидными, и с опасными, и со смертельными по тем временам детскими болезнями! Привыкла при беглом взгляде, с одного прикосновения руки определять самочувствие ребенка и признаки нездоровья.

Она чуть коснулась холодной старушечьей ладонью выпуклого детского лба. Ребенок не отстранился, наоборот, играя, боднул руку, словно брухливый¹⁷ теленок. Нет, нету жара! Она тут же осторожно посмотрела на свои пальцы — ничего.

«Эх, глупая старуха! Как же, хватит тебя болячка! Вот прямо сразу и вылезет! Тьфу!»

Сердясь на себя, она уже спокойно взялась за ногу ребенка и принялась осматривать воспаленное место. Несколько белых гнойничков, кое-где лопнувших и поэтому слившихся, в окружении розовых пятен. А вот еще один, на другой ножке... А вот на сытом круглом животике — два...

«Постой...»

И на лбу, под жесткими, как конский волос, прядями.

«И как я сразу-то проглядела? Эх, слепая стала, старая! Да это ж никак... Да никак это... Оспа! Угодники, час от часу не легче!»

Она задумалась.

«Видать по всему, калмыки-то зачумленные что вздумали? Раз их чума косить зачала, то и дите с ентюй болячкой — чумное. Избавиться порешили, да не доглядели. Видать, ночью дело было. Мать померла либо куда запропала — злое дело и сладили. Не разобрал того, что не чума это!.. Только ведь оспа — тоже какая страсть! Мало ль от нее мору, от черной-то язвы?!»

Видела старуха Хлебникова и оспенных больных. Приехали из-за гор армяне на двуколках с огромными колесами, привезли в станицу богатые турецкие ткани, серебряную посуду и узорчатую конскую упряжь,

¹⁷ Брухливый — бодливый (диал.).

расторговались и уехали. Был среди них больной человек — умер в то время. От него заразились другие — и пошла гулять черная оспа... Собрала свою мрачную дань, сколько ей причиталось, и стихла.

Оспа случалась нередко, умирали многие, в основном мужчины. Но в отличие от чумы она не выкашивала все селения подчистую и сходила на нет быстро. По обычаю и ухаживали за больными, и хоронили умерших те, кто переболел оспой и выжил: два раза эта смерть к человеку не ходит. Опять же, болели казачки коровьей оспой. С малолетства и до старческой немощи работая со скотиной, заражались, выздоравливали — и с тех пор безбоязненно ходили к больным черной оспой. Так и рябоватая Евдокея Хлебникова: лицо ей скотинья зараза тронула мало, зато руки от самых плеч были побиты изрядно. Пришлось ей после того, и не раз, побывать в оспенном доме, насмотреться на признаки этой болезни.

Ребенок начал вертеться. Сначала грузно завалился на бок, затем перевернулся на живот и захныкал. Евдокея подхватила его одной рукой, другой откинула в сторону мокрую нижнюю тряпку, быстро настелила свою, сухую, уложила дитя и прикрыла краем легкой ткани. На спинке заметила темную полосу детского пуха вдоль позвоночника и опять — несколько гнойничков в неровных красных пятнах. Они даже было успокоили ее, хотя дурные мысли приходили снова.

«А ну как я не распознала, не доглядела чего сослепу? А ну как все же чума?! Ведь был-то он у чумных калмыков. Да кто их ведает, чумные они али какие. То ведь Марья Афанасьевна сказала, а так ли, нет ли... Да и ехали они от чумного аула али наоборот? Эх, кабы знать...»

И все же подспудно она уже решила: ребенок чумой не болен. Оспа — да, но у детей это дело почти обыденное. И оспа всякая бывает, это уж старуха Хлебникова тоже знала. Смертельная черная оспа — одна, неприятная скотинья оспа — другая, а у детей, ветром надутая, — третья, которая и вовсе проходит быстро и бесследно. Тем паче ей, Евдокее, никакая уже не грозит — все изведала.

После решения этого вопроса немедленно встал другой: надо же накормить дитя! Ребенок явно проявлял признаки голода: чмокал губами, пускал пузыри и хныкал. Евдокея достала из корзины кусок хлеба, затем приземистый глиняный горшочек — в нем было сквашенное топленое молоко. Она окунула край хлебной мякоти в горшок, чуть размочила его и поднесла к губам ребенка, намазала их густой наливкой. Тот стал сосать беззубым ртом, Евдокея аккуратно, не давая выхватить большой кусок, подавала ему хлеб.

«Во как знатно сосет калмычок! Видать, приучен уже не одной титькой питаться... Это хорошо, эдак-то у нас дело пойдет!»

Дело и вправду пошло. После кормления Евдокея снова решила напоить ребенка. Чтобы половчее дать воды, она взяла его на руки.

Привычное детское тепло у груди. Подвижные руки, уже уверенная шея и крепкая спина. И опущенные черными ресницами, черные же, нездешние, от степных кочевников доставшиеся узкие глаза. А в них уже тлеет, уже видится малая искра разума — человек.

Дальше Евдокея Хлебникова принимала решения почти не раздумывая. Ее действия сами собой складывались в естественную последовательность.

А что тут раздумывать? Попоив — посадить торчком, подержать — пусть отдохнет, дух переведет. Передохнул чуток — перепеленать: чистой сухой ткани довольно под рукой, а старое тряпье долой. Запеленала — покачать, побаюкать на руках, пусть задремлет. Задремал маленько — положить в корзинку: сперва платок на дно, потом дитя — и прикрыть завеской. Да не плотно — чтоб дышал свободно, а мухи и мошки не беспокоили. Вот и все дела, над чем тут думать?

Однако же после этих забот нашлось и о чем крепко поразмыслить.

Во-первых, что дальше делать с найденным? Вспало на ум лишь одно. Бог прибрал родных сынов: двое — тут в могилках, а младшенький-то сгинул бесследно, живой ли, нет ли? Скорей неживой, был бы жив — послал бы отцу-матери хоть тайную весточку, а так... И теперь, на старости лет, дал Бог сыночка вместо тех!

«Как в сказочке говорится: не было у старика и старухи своих детей, да нашла старуха на меже дитя богоданное... Вот и я так же. Возьму себе, небось четверых вырастила — и этого тоже выхожу!

Другой вопрос — как снести его домой? Ведь сюда-то шла — корзинка, почитай, порожняя была: так, вода, съестного немного, тряпья... А теперь в ней добрых двадцать фунтов живого весу, а то и поболее будет! А дорога в обход — ох и длинная! Эх, не те ноги уже, не те...»

А еще где-то подспудно все же бродила мысль о заразе. Гнала ее Евдокея, гнала, а вовсе выгнать не получалось, так и скребло: а ну как чуму либо оспу принесу на люди? О себе она уже не задумывалась.

Еще, конечно, не хотелось ей досужих станичных разговорчиков да пересудов. Что будут — в том сомнений нет. Казаки — народ злой на язык! Даже с бабкой Марьей Шабановой не сильно желалось Евдокее объясняться, по крайней мере, пока.

После всех этих размышлений над спящим младенцем и решилась Евдокея на небольшую хитрость.

Корзину с ребенком она повесила на толстую сухую ветвь акации — по опыту знала, что в таком возрасте даже самое бойкое чадо — и то не сможет встать и вылезти из глубокой корзины. Увязала свое небольшое добро в узел, просунула его в кусты и скорым шагом по белой галечной дорожке пошла к церкви. Там уже поджидали ее бабка Марья Шабаниха с Анютой. Поставили свечи, помолились-поклонились, как положено, вышли.

— Ну что, Евдокея, пойдём? — начала бабка Марья. — Навестим Вассу-то Калишникову, как плановали?

— Да забыла я, Марья Афанасьевна, корзинку на могилках...

— И-и-и, что ж ты так-то, Дуся? Да мы сейчас вот эту козу спосылаем! Тут близехонько, она враз прискочит.

— Да нет уж, сама я. А вы идите. Я, должно, к Вассе не пойду. Не ходок я сегодня — ноги... Вот заберу корзину — и домой сразу.

— Чтой-то ты, Евдокея? Гляжу, отошла на ветерочке, кажись? Получшала, с лица даже помолодела чудок! Ну а как пойдешь-то одна? Ишшо чего дорогой приключится!

— Да ничего, Марья Афанасьевна, я пойду-пойду — отдохну. А там, можа, кто ехать будет — подберет.

Бабка Марья качала головой. Но Евдокея с улыбкой, однако твердо, наказала кланяться Калишниковым, обещалась еще покричать с верхотуры и пошла назад меж могил.

«Да, состарилась Евдокея, — думала бабка Марья, — тоже года! Детей-то всех, кроме Фроськи, похоронила, Луку убили — страсть какая! Такие на нее, сердешную, напасти! И никого у нее... Фроська не бывает, охвицерша, а можа, и генеральша уже. Да и верст до Ставрополя-города — и-и-и! Одна у ней ента ихняя Нака осталась. Да и Наке-то тоже, должно, на седьмой десяток перескочило... И немая — живым словом не порадует. А навроде и посвежела тут Дуся. Поднимались — уж совсем серая была, а теперь, гляди, разгрумянилась, как маков цвет, и идет бойчее».

У родных могил душой отдохнула, порешила бабка Марья, уходя с кладбища.

А Евдокея вернулась, сняла с ветки свою корзину. Ребенок мирно спал. Она почему-то с опаской огляделась по сторонам и пошла другой дорогой: рискнула-таки перейти через болотистый батмак. Во-первых, путь сокращался раза в четыре. А во-вторых, никто на мокром пустыре в такую пору не встретится. Да, недавние дожди размочили и без того сырую и вязкую болотистую почву. Да, в центре — топь. Однако Евдокея там хаживала смолоду летом и зимой, днем и в сумерки, в сушь и в дождь и знала каждую лужайку, каждый нужный камушек. Что с того, что ноги уже не те? Что с того, что грязи на чувяки наберется? Ноги идут навроде, а чувяки вымыть потом, да и вся недолга!

Тем не менее намучилась старуха Хлебникова с этим топким лугом да со своим драгоценным грузом. Груз к тому же снова начал беспокоиться, подавать голос, а место было открытое, слышно далеко, а ну как кому на детский плач подойти вздумается? Но обошлось: присела на камнях, дала дитю пососать хлебный мякиш, снова укачала.

Как не к себе или будто сотворивши какое-то черное дело, быстро, с опаской оглядываясь, вошла Евдокея в калитку, заперла ее длинной тяжелой задвижкой, на порожках торопливо скинула мокрую и грязную, в желтой глине, обувь и скрылась за дверью дома.

16.

Сумрак после яркого полуденного солнца, прохлада деревянных стен, терпкий запах душистых трав, вишнево́й листвы и топленого воска. Посреди передней, прямо на полу, широко расставив ноги и подобрав

цветастые юбки, сидит Нака, перебирает крупную черную вишню, низко склонив голову, толстые смоляные косы до полу так и не тронуты сединой. Тихо, только под потолком жужжат мухи.

Нака вскидывает лицо, узкое, цвета темной меди, со впальми щеками, улыбается своей щербатой улыбкой: обломки зубов по-прежнему на месте, по-прежнему белы. В углу губ зажата спелая вишня, поэтому улыбка кривая и брови одна вверх, другая вниз. Смеется беззвучно, ягода лопается, брызжет сладким соком.

Евдокея идет к окну, к столу, покрытому белой скатертью, сдвигает скатерть, ставит корзину на стол и взмахом руки зовет Наку. Та проворно подымается, отряхивает листья и сор с передника и, бесшумно ступая босыми ногами, подходит.

— Вот, Нака, смотри. — Евдокея открывает плетеную крышку корзины, убирает покрывало. Там, на дне, запеленатый в белое смуглый полный младенец, спящий крепким сном.

Внезапно в таинственной тишине Нака произносит одно слово:

— Дите.

Как удар в набатный колокол!

— Царица Небесная! Да ты же...

Евдокея — а для нее это уже второе потрясающее событие за полдня — тянет руку креститься, замирает, потом, придерживаясь за край стола, обессиленно опускается на лавку.

— Изми мя, Господи, от человека лукава, от мужа неправедна избави мя... Да что же это, Нака?! Да как же?! Заговорила!

— Давно. Боялась, — вроде как объяснила все и сразу. И повторяет: — А дите?

Голос — низкий, богатый, с какими-то нездешними перекатами в нем, чуть хриплый. Похож на мужской по силе.

— Ой, что делается! Ой, святые угодники! Тут одно — а тут другое... Нака! Да как же?! — Евдокея взмахивает руками, берется за лицо, качает головой, глядя снизу вверх на заговорившую немую.

А та опять — своим сильным грудным голосом, отрывисто:

— А дите? Откуда? Большое! Смотри, глаза открылись...

С любопытством склоняется к корзине, засовывает туда свои темные, оголенные по плечи руки, вынимает найденьша. Приподнимает чуть вверх, всматривается в детское лицо. Начинает перечислять:

— Не казак. Не черкес. Не карачай. Не ногай. Не чечен. Не армянин.

— Калмык, — подсказывает Евдокея. И, спохватившись, задает сколько десятков лет не имевший ответа вопрос: — Да ты-то кто, Нака? Ты-то какого племени?

— Армянка.

— А звать тебя как?

— Нака.

— Да нет же, нет! Всамделишно! Как отец-мать назвали?

— Не знаю. Не помню. Нака я. Мне нравится мое имя. Это ты дала.

Она снова ярко улыбается своими большими синевато-красными губами. Только сейчас они уже морщинистые и почти слились по цвету с медной кожей.

— Да как же не помнишь?!

— Давно было. Я — Нака. Хлебникова Нака, — смеется тоже низким, большим голосом.

— А как ты там — помнишь, в горах, — тогда оказалась-то?

— Потерялась. Отстала, потерялась. Не помню уже. В пещере жила.

— И как же ты одна в горах?

— Там ущелье. Пещеру нашла, спряталась. Волков боялась. А так — не боялась.

— И долго ты там так прожила?

— Не помню. Давно было. Была осень, потом зима, потом весна.

— Да что ж ты не разговаривала столько годов-то?!

— Сначала не могла. Потом смогла. Потом боялась. Тебя не боялась. Ты меня взяла, Накой назвала, — снова сверкает улыбкой, перекладывает ребенка с руки на руку.

— Да кого ж ты боялась, Нака?

— Не знаю.

— А с чего заговорила-то?

— Дите, — вот так просто, однословно и объяснила всю невероятную причину!

— Ох, Царица Небесная! Что ж это мне ноне такое-то? Тут — дите в кустах, а тут — немая уста отверзла! Не знаю, что думать, что делать! — Евдокея снова и снова всплескивает руками.

— Дите кормить. — Нака широко качает захныкавшего ребенка, тот вновь начинает улыбаться.

— Да-да, Нака, да! Вот что, козьего бы молока, не коровьего! От коровьего у дитя ишшо расстройство будет, не дай бог! Да и калмык же, они к верблюжьему чи кобыльему приучены. А у нас коз нет...

— Козы у соседей. По улице. У Настасьи. Много, котятся.

— Да-да, Нака! У Настасьи...

— Пойду.

— Ты вот что, Нака... Ты только не говори, для чего... для кого! Не надо, чтобы... Господи, да что я! Ты как скажешь хоть слово, так вся станица сбежится любоваться на такое диво — немая заговорила!

— Не скажу. Молчу! Опять немая, — прикрывает рукой рот, но видно, как тянутся в улыбке темные губы на темном лице, сверкают белые зазубрины.

На том и порешили.

17.

«Немая» Нака пошла к соседям за козьим молоком. Евдокея тем временем, откинув в сторону все мысли о странных событиях дня, рухнувших на нее как горный водопад, занялась первейшим: согрела воды,

настояла золотые соцветия зверобоя и отварила дубовой коры, потом вынула из сундука отрезки чистой материи, и все это — не переставая то оглядывать, то нянчить беспокойного найденьша. По возвращении Наки с горшком молока утрешней дойки вдвоем взялись купать ребенка. Раздели — обнажилось крепкое тело, явственно стали видны воспаленные гнойнички.

— Оспа, — спокойно сказала Нака.

— Оспа! — тревожно подтвердила Евдокея.

Будто читая ее сомнения и самые страшные опасения, Нака успокоила:

— Ветряная.

Хотя своих детей она не носила, зато за детьми Евдокеи походила вдоволь. Особенно за Фроськой-разбойницей, которая звала немую Няка, будучи уже и взрослой.

После купания, после полоскания в крепком, коричневом дубовом отваре, после примочек со сладко пахнувшей настойкой зверобоя на болячки, после еды-питья — положили ребенка опять в корзину, поставили в дальней горнице — на сокровенной женской половине. Евдокея, ничего не скрывая от Наки, рассказала, где и как обнаружила брошенного.

— Вот, Нака... Дал Бог мне на старости лет... Вместо родных сыночков... Спаси, Христос, и сохрани!

— Да. И мне.

— И тебе! И тебе, горькая моя!

Помолчали. Евдокея спохватилась:

— Вот что, пойду-ка я поищу кой-чего, а ты...

— А я с ним.

— Да!

Вспомнила Евдокея: в дальнем углу избушки-мазанки под потолочной балкой висела когда-то старая детская люлька — колыбель всех ее детей. Там она и нашла ее, пыльную, в паутине, с прорехами в плетении, но все еще крепкую — только вычистить и подновить. К вечеру поправленная люлька уже висела на своем старом месте, нарядно прибранная и занавешенная.

18.

Так и потекли дни.

У Евдокеи Хлебниковой ужасно разболелись ноги — сказались душевные потрясения, и она две недели не выходила из дому, при этом с радостью проводя дни и ночи напролет в материнских хлопотах. А через две недели, в течение которых Евдокея и Нака под самыми разными предложениями старались даже не показываться соседям, оспа у найденьша прошла — и впрямь оказалась безобидной детской болезнью.

Больше всего в это время Евдокея опасалась встретиться с общительной и словоохотливой бабкой Марьей Шабанихой. Но не было бы

счастья, да несчастье помогло. Все в тот же долгий день, когда Евдокея нашла калмычонка, когда заговорила немая Нака, от потустороннего забытья очнулась Васса Калишникова, самая старая казачка станицы. Узнала родных, узнала Марью Шабанову, внятно и громко разговаривала со всеми, затем сказала: «Пора мне!» — и к вечеру преставилась. И бабка Марья была полностью поглощена долгими обрядами, связанными с похоронами и поминками своей древней подруги.

Спустя время стало известно всей станице и про найденьша, и про чудо обретения языка немой Накой.

С ребенком все понятно: взяла казачка приемыша — стало быть, казак появился! Его, как положено, окрестили, да так сложилось, что нарекли Лукой — к большой радости Евдокеи. Однако тут же мир внес свое: узкоглазого, полнощекоего мальчишку-«азията» стали звать не иначе как Лука Калмык.

К Наке казаки поначалу отнеслись с опаской: виданное ли дело, пятьдесят лет молчком, а тут — на-ка, заговорила Нака! Да еще таким странным, таким удивительным голосом! А как чисто рубит по-русски, хоть и коротко! Ходили разговорчики в лучших станичных традициях: мол, бес вселился, вещает из ее чрева...

Ну, поговорили, пополоскали на ветру — да и затихли: нахлынули другие дела и заботы. Начиналась большая кавказская война.

19.

Почти два века спустя в хлебниковском дворе, под трепетной листвой столетней груши старинного, безумно вкусного зимнего сорта, я с Женькой пью пиво. Женька мне то ли брат, то ли племянник — в таком дальнем колене, которое без стариков и не высчитать. Наши предки породнились еще в начале двадцатого века, а сейчас уже двадцать первый, никого из дедов давно нет на свете.

— Ну, брат, — говорю я Женьке, — ваша калмыцкая кровь неиссякаема!

— Да нет, как пишут, она еще кое-как просматривается в десятом колене, а потом растворяется, — отвечает Женька. — Я и есть десятое колено.

— Ох, не похоже! Ты посмотри на своих детей — что-то и не подумала она раствориться. Калмыки и есть калмыки!

Женька не без гордости смотрит на своих сыновей. У них такие же узкие черные глаза и такие же непроницаемые лица — лица свирепых воинов холодной монгольской пустыни.

Ганна ШЕВЧЕНКО

«ЗА ХОХЛОМУ, БЕРЕЗЫ И АБСУРД»

* * *

Во времена далекие, в субботу,
когда еще не рухнула земля,
я шла в библиотеку на работу,
любуюсь, как желтеют тополя.

И маковка космического зонда
внезапно над домами расцвела,
край неба отошел от горизонта
и сделался прозрачнее стекла.

За тем экраном белые березы
стояли, как начальники небес,
и звезды — металлические розы —
со стуком опадали на собес,

в туманных дебрях прятался мессия —
красивый жизнерадостный удмурт.
Я обожаю матушку-Россию
за хохлomu, березы и абсурд.

А в час, когда вернулась я с работы,
позолотились окнами дома,
над глобусами сдвинулись широты
и в небе потускнела хохлома.

* * *

Кружевной оборкой Гуччи
тень миров ползет из рук,
вечер теплый и тягучий
разливается вокруг.

Перекресток перешел ты,
чтоб узнать в который раз —
в моде джинсовые шорты
и толстовки оверсайз.

Чтоб узреть многоэтажки
на разболтанной оси,
полюбить ночные шашки
пролетающих такси.

Ты пешком бульвар протопал,
чтобы увидеть глубину —
угол парка, старый тополь,
ветку тонкую одну.

* * *

К домам подошли холода.
В деревьях замедлились соки,
и лишь дождевая вода
шатается по водостокам.

Мой город, мы вместе с тобой
затеплиться долго не сможем,
и мертвенный снег голубой
срастется с гусиною кожей

в той точке, где зреет весна,
где ветер летает на ступе
и солнце чуть выше, как знак,
что лето однажды наступит.

* * *

В оранжевом фартуке формы
работника мини-быстро
является возле платформы
магистр ночного метро.

Прохожие смотрят от скуки,
как, мощью исполненный, он
вздывает всевластные руки
и луч направляет в вагон.

Идет в остановленный поезд,
бросается в темный тоннель
и тонет геройски по пояс
в траве марсианских земель.

Он выдержит блеск амальгамы,
землян от вторжений спасет
и звезды для старенькой мамы
в карманах штанов принесет.

* * *

У летней реки виноградное русло,
в воде отражаются призраки рая —
посмотришь в нее, и появится чувство,
что мир опоясан от края до края.

Привязаны к берегу крупные грозди,
и сок истекает в полуночной дреме,
и самого лучшего лунные гвозди
уже распинаят на дне водоема.

По гладкому верху скользит водомерка,
на дно оседает жара городская,
течение — это всего лишь проверка:
река протекает, и жизнь протекает.

Я в летнюю воду войду с головою.
Под черною сенью разросшейся ивы
усну, породнившись с прибрежной травой,
и жизнь проживу, несмотря на отливы.

* * *

Все изменилось: пожелтели
у магазина тополя,
цветами сумрачной пастели
теперь окрашены поля.

Понурый дождь хотел, похоже,
сдержать обиду, но не смог,
и навалился на прохожих
синдром резиновых сапог.

Вот Мэри Поппинс на летучку
спешит в небесный комитет,
я тоже зонт держу за ручку,
на юг пытаюсь улететь —

там никогда не стонут тучи,
к деревьям ластится трава,
и солнце, запонка от Гуччи,
скрепляет дни, как рукава.

* * *

Неспешно, цвета алебастра,
боками огибая пни,
течет река, на ней бесстрастно
лежат вечерние огни.

Никто ее не созерцает,
темно, на пляже ни души —
огни горят, вода мерцает,
тревожит ветер камыши.

И если водятся уклеи,
то там, где воды глубоки,
рыбак, уснувший на скамейке,
идет во сне по дну реки.

Проснуться — странное желанье,
ненужный сердцу анекдот,
ведь и борьба за выживание
однажды к смерти приведет.

А там, на дне, легко и пусто,
вода сгибается в дугу,
и не спеша обходит русло
высокий дом на берегу.

Игорь КОЖУХОВ

БЕСЕДЫ ПО ДУШАМ

Р а с с к а з ы

Объявление

I.

Родион Витальевич битый час сидел над тетрадкой. Он поправлял очки вспотевшими от усердия руками, потом, не сумев «поймать фокус», снимал их и, отстранив от лица на вытянутую руку, обнаруживал, что стекла заляпаны. Вздохнув, брал чистую цветную тряпочку, старательно протирал и ловко сажал «помощников» на место.

Действо это продолжалось долго. Дело в том, что Родион Витальевич — семидесяти с небольшим старик, «куриный фермер», как его называли соседи-дачники, — писал объявление:

«Продам недорого совсем молодого, красивого петуха-второгодника! Которому просто нет места в курятнике, потому как там уже есть петух. И тот, старый, бьет этого, а скандалы не нужны, куры волнуются. Кому надо, приходи!»

Измученный напряженным поиском правильной мотивации объявления, дед поставил точку, несколько раз перечитал его и, не найдя недочетов, дописал адрес. Хрустнув суставами, поднялся, подошел к комнате бабки, послушал ее дыхание, на секунды затаив свое, и удовлетворенный нырнул к себе. Взглянул на часы, торопливо разделся и, погасив свет, застался на диване, стараясь теперь уже настроить себя на сон.

Строгий и родной Николай Угодник с пониманием смотрел на деда из правого угла.

II.

Утром, устав слушать закапризничавшую вдруг по поводу петуха бабку, которая решила за ночь, что молодого проще в суп, хозяин, стоя в дверях, упрекнул ее:

— Может, хватит спорить? Сколь мы их по жизни-то поели — сотни. А тут такой — бусый, горластый, гривастый! Пускай уж поет, радует кого...

Знавшая характер деда бабка согласно махнула рукой.

На просыпающейся улице, словно караулил, сосед окликнул Веня-дачник, худой и ироничный, постоянно покупающий у деда яйца. Внимательно прочитав написанное, он стал серьезным, ловко проглотив свою обычную улыбку.

— Кто так объявления пишет? — Он развел в стороны руки. — Или тебе результат не важен? Я бы вот лично, даже если бы нужен был, такого не взял!

— Это почему же так? — Дед вытянул из сжатой Вениной руки листок.

— Да потому... Что же получается, ты молодого хочешь скинуть по причине его бессилия, так?

— Не так. — Дед в который раз торопливо перечитывал текст. — Он здоровый и сильный... И, наоборот, куриц у старого отбирает, во...

Он поймал слезящимися глазами слова «и тот, старый, бьет этого» и разочарованно опустил руки.

— Я не то хотел сказать! Они просто бьются в кровь в курятнике — ни курам покоя нету, ни мне. И орать, соревнуясь, кто раньше, начинают ишшо с полуночи, задолго до зорьки...

Сосед с пониманием вздохнул, но продолжал настаивать:

— А из текста видно — инвалида продаешь или, наоборот, старого хвалишь. И непонятно, где кто. Почему имен-то у них нет?! Сейчас любой животинке, хомяку бесполезному имя дают, а тут петухи. «Старый-молодой», «один-второй» — где какой? — он, опять отобрав у деда уже помятую бумажку, тыкал в нее указательным, с отбитым ногтем, пальцем.

— Я думал, не обязательно имена. Они вроде все Петьки.

— Вот видишь! — Вениамин, дразня, прогнусавил под соседа: — Все Петьки-и-и... Ан нет! Второму тоже имя надо.

— И как же его назвать? Васька, что ли? Или, можа, Орлом?.. Но опять не к месту — орел вроде хищник, а тут куры. Несовместь какая...

Доброжелательный сосед решил помочь в неожиданно возникшем затруднении.

— Я вечером подойду к тебе, покумекаем. Думаю, решим проблему. Что мы, два мужика, с петухами, что ли, не разберемся?

Дед, боясь, что сосед передумает, сразу согласился, и они разошлись по дворам. Один — предвкушая вечером веселье, другой — радуясь, что не успел прилепить непродуманное объявление. «Подняли бы в деревне на смех. Желających зубы поскалить вон сколь бродит! Только дай повод».

Петухи, разделенные длиной сарая, без прорыва орали каждый из своего угла. День, давно проснувшись, торопил заняться привычными, но такими важными делами!..

III.

Вечером два соседа, уже три раза разогрев чай и не прикасаясь к нему, увлеченно сочиняли такую, как оказалось, важную бумажку. Только совсем по сумеркам, под засвеченной и сразу облепленной мошками

лампочкой, убежденный каждый в своей правоте, поспорив (громким шепотом), закончили.

Снова разогрев чай и намешав его с медом, выпили по стакану.

Провожая Вениамина, Родион Витальевич напоминал ему:

— Если дело не выгорит, Бусого заберешь. А там уж как пойдет у тебя. Или в суп, или курей заводи ему.

Попавший в такую неожиданную передрыгу сосед успокаивал деда, а может, и себя:

— Да как такого хахаря не взять?! Узнают — с руками оторвут... с лапами то есть. И с крыльями.

Утром на широком, прибитом к столбу фанерном щите, обозначенном как «Доска объявлений», появился листок с ровным, по-детски старательным почерком:

«За небольшие деньги, *символические*, продам петуха. Звать Бусый. Очень красивый, с поставленным голосом. Хозяин! Гарантированно будет любить своих (ваших) кур. Без яиц не останетесь и утром не проспите!»

И внизу, чтобы не сомневались в серьезности предложения, печатными буквами — адрес.

Рассказ старого охотника о любви

...В одну из темных августовских ночей мы с Серегой Макаром, моим компаньоном в непростом рыбацком бизнесе, ночевали у знакомого деда на острове. Дед с бабкой — пенсионеры, работавшие раньше геологами, — уже несколько лет подряд, отсидев зиму в городском бетоне, все лето с удовольствием хозяйничали тут.

Дед Петя был нам очень рад. Хозяйка баба Маша уже спала в добротной, еще советских времен палатке. От еды мы отказались и расположились вполукруг уютного костра. Поговорив о рыбацких и охотничьих делах, я напомнил старику:

— Ты мне однажды байку хотел рассказать — не забыл? — про любовь, какая жизнь спасает. Или, может, пообещал, а сейчас сомневаешься, есть ли такая?

Дед Петя по-хозяйски поправил костер, подоткнув комли ближе к жару. Поставил над зачинающимся огнем самодельный железный треножник с приваренным сверху толстым кольцом, поставил на него чайник:

— Гораздо удобнее, чем костровище из деревянных колов. И чайник можно, и котелок опять же, да и кастрюля устоит спокойно.

Мы, замороженные языками разгорающегося костра, молчали, заранее еще немного отодвинувшись от предстоящего жара. Дед снял с чайника крышку, наломал в обветренных ладонях сухой лохматый корень шиповника и, утопив его в чайнике, добавил туда свежего брусничника с мытыми корешками.

— Корень ни в кой раз отрывать не надо. В нем вся сила, не сомневайтесь. Токо чё попало, с чем не встречались никогда, аккуратнее ис-

пользуйте... Съедобное — оно по запаху себя выдает. Это как кирпич хлебушка черного от кирпича глиняного отличишь с закрытыми глазами! — Он взял тяжелую трость, лично выстроганную из палки, и наконец сел на свою чурку, прикрытую куском фуфайки.

Все долго молчали. Костер плавно разгорелся, но контролируемый рукой деда огонь горел ровно, плотно охватывая дно чайника.

— Я про любовь шибко не умею говорить. С бабкой своей как вцепились друг в друга в шестидесятых, так вот и живем, почитай, пять с лишним десятков лет. И что? Любил, не любил — не знаю, но три сына и дочь вырастили. И ни я ей, ни она мне голову не задуряли разговорами. На что может пойти человек за это самое, тоже не скажу. С нами такой ситуации не было, как-то все более-менее спокойно прошло. А вот про звериную любовь мне раз батя рассказывал. Еще в малолетстве моем мы с ним после войны на покосе ночевали. Время тяжелое, народ на износ работает, все в надрыве. И зверь словно сдурел, в смысле волки. Кружат кругом, воют, как бабы на поминках, жутко и тоскливо. За конями глаз да глаз: того гляди побегут, тогда все... Так мы прям вокруг костры разводили, ночи напролет не спали. А июль-август, в природе достаток, что в хорошем лабазе, — вокруг добро: и зверям, и птицам сытно. И волки это время выбрали, чтобы места себе новые для жизни наметить.

Макар, развесив на кольях свою мокрую одежду вокруг костра и немного задремав на чурке, подал недовольный голос:

— Ты, старый, будто поп на службе: аминь, аминь... Чё затянул про волков? Мы-то все сами знаем. Про любовь вроде обещал — передумал, поди? Может, бабу Машу стесняешься? Так мы не расскажем ей твои тайны!..

Дед, не ответив, встал, снял с огня чайник и сразу разлил ароматную жидкость по приготовленным стаканам. Я взял свой, второй подал Макару и, усевшись обратно, с удовольствием зашвыркал этим самодельным чаем.

Макар, пряча улыбку в усах, иронично-серьезно, не глядя на деда, заговорил со мной:

— Я это варево хлебать не буду! Кто знает, чё он туда намешал? Может, это нельзя употреблять, пока семьдесят не стукнет? Потерплю, а ты мне свои ощущения расскажешь!

Дед словно не слышал Макара, устроился удобно и, глотнув, чтобы не ожечься, жидкость с воздухом, сказал:

— Вот я и говорю вам о любви настоящей, какую сам наблюдал, но звериной, волчьей. Понял?

Макар согласно кивнул, все же отхлебывая из стакана.

Дед Петя продолжил:

— Волков, стало быть, много пришло в тот год. Через зиму, в апреле, пошел мой батя с соседом покосы выжигать, пока в лесу еще снег лежит, а поля и прогоны между колков выветрило. Так обязательно нужно, чтобы леса не пожечь. Но наши покосы ближе к деревне, а соседские намного

дальше, логом шириной метров сто — сто пятьдесят километров на семь тянулись. И уже пройдя половину, в обед сев немного отдохнуть и перекусить в зарослях старого шиповника, услышали мужики шум, как собачье поскуливание, взвизгивание и даже подтягивание. Словно щенки где играют. А сосед у нас был тот еще... Хапугой, конечно, не назовешь, но ничего мимо не пропустит, подберет, во дворе у себя прилепит, место найдет... Так вот он бате сразу: мол, если волчата — мои. Домой, говорит, уволочу, маленько подращу — и на шкуры. Давно, говорит, хочу унты себе волчьи или даже доху.

Подошли они — и точно! Нора барсучья старая в самой гущине, и оттуда писк этот. Но никак не взять щенков без лопаты, да и страшно стало. Отец говорил, что следил кто-то за ними: может, сам волк, может — вместе с волчицей. Ну и ушли мужики не солоно хлебавши. Только сосед был не так прост, через день уговорил своего брата, и они, взяв лопаты да старый одноствольный обрез, вернулись. Но, вскрыв нору, горе-охотники нашли только одного, уже зрячего, примерно месячного волчонка...

— Ты же говорил, там пищали несколько. — Макара подложил со своей стороны дров и подвинул чурку ближе к огню.

— Конечно, так... Только перетаскала мать волчат куда-то в другое место. А вот одного не успела — видать, много было щенков или далеко уносила... Но, как бы там ни было, забрали они волчонка, и поселил его сосед у себя во дворе в загоне из проволочной сетки. И все!..

— Что все? — теперь уже не стерпел я. — Влюбились всей семьей в волчонка или он признал за мужиками родителей?

— Кончился в деревне покой, вот что. В первую же ночь в нашей, крайней к лесу, улице все собаки с цепей посрывались. А какие не смогли, в будки свои забились, хозяйева еле их вытаскивали. Но никто ничего не понял, сосед же молчал. И вообще, мало ли что, около тайги же живем, всяко бывало, и медведи в деревню заходили. Но суть в том, что стала волчица — а это была именно она, сосед потом сознался, — пытаться волчонка спасти, выкрасть. Но сосед тоже закусился, и... кто верх возьмет, человек или зверь! Он и яму во дворе копал глубокую — волчица обходит!.. Он и капканы по углам загона настораживает — бесполезно!.. Сам ночь сидит с ружьем в сенях, окно выставив для стрельбы, — та совсем не появляется! Так пол-лета и провоевали, а ближе к осени неожиданно перестала приходить волчица, и вроде как щенок успокоился, быстро превращаясь в мосластую, не лающую на людей собаку. Сам сосед упорно его растил, раз в неделю загонял в старую баню, к которой был пристроен загон, и чистил в клетке. Отцу однажды рассказал, что не убьет волка, а, дождавшись возраста, будет водить к нему сук в охоте и выведет породу собак, сильных и молчаливых. Вроде где-то даже слышал о таких...

Дед опять замолчал, вспоминая события, произошедшие целую жизнь назад. Вспоминал, пытаясь не лепить на эту историю другие случаи, которых наверняка было тысячи за прошедшее время. Подновил у себя чай, не торопясь отхлебывал, но, словно забыв о нас, молчал...

Я еле пересиливал желание спать. Макар, неудобно прислонившись к колу с надетым на него для просушки сапогом, уже тихонько храпел, маскируя усами свою обычную улыбку недоверия.

— Ну а чем все закончилось-то, дед? Я таких историй кучу знаю, и даже где-то эту твою читал. Что такого-то здесь, необычного? Тем более о любви, не пойму...

— А не знаю, где ты что читал. Договорю вкратце, слушай. Дома наши, уже сообщал, крайние в лес были. И вот осенью, уже к зиме ближе, слышим мы шум у соседей, крик, словно пожар там, и выстрел, за ним еще один. Батя первый, мы за ним из огады. А там вот что произошло. Волки, два взрослых и семь переярков, вышли из леса полосой и наметом подлетели к огаде соседа. Самец, а он был намного крупнее остальных, и семь молодых закружили у огады. Самка, перескочив забор, в секунды пробежала огаду и ударилась грудью в загон. Волчонок, узнав, кинулся к ней, заскулил, пытаясь ткнуться в мать сквозь решетку. Волчица, отскочив, сделала по огаде полукруг, с разбега прыгнув на сетку, прогнула ее вверху и, надломив один кол, перевалилась в загон. Щенок кинулся к матери, ласкаясь и падая на спину, призывал к ответной ласке. Но волчица рыкнула на него и, подавая пример, попыталась заскочить на сломанную, но все равно поднявшуюся немного сеточную стену. В это время из дома выбежал сосед со своим обрезом и выстрелил в сторону загона. Видя, что промазал, с матами побежал опять домой — патроны второпях забыл. Волчица, словно поняв, что не сможет выскочить из клетки, призывно взлаяла — и теперь уже самец, перемахнув забор, подлетел к загону и, с разбега заскочив на подломленную его сторону, прижал сетку к земле. Мать снова грозно рыкнула на сына, и волчонок, подчиняясь ее воле, перескочил через загон, а она следом за ним! Перепрыгнуть через уличный забор зверям уже не составляло труда. Второй раз стрелял сосед из своей пукалки совсем от злости, понимая, что волки, обокрав и переиграв его, спокойно ушли в тайгу...

Дед кашлянул, встал и подытожил:

— Вот тебе и любовь... Какая она должна быть всегда. Настоящая!

На востоке красным языком задразнивала темное небо заря. Макар обреченно надевал высохшую одежду и тихо ругался:

— Знал бы, про что мулька, лучше бы спал! Нет, слушал пердуна старого... про любовь.

Наш новый день начинался не дождавшись ухода предыдущего.

Беседа

В июле, приехав на родину, в деревню, каких много по берегу Обского водохранилища, и устав от дневных забот и жары, вечером решил прогуляться по берегу. Берег, до которого в детстве я бежал и бежал, сейчас подошел уже к окрестностям.

Июльская ночь слегка ленилась прохладой, да и от близкой воды веяло вожделенной свежестью. В общем — хорошо!

Пошел почему-то сразу на огонек, который неярко искрил на берегу. У старого костровища, наверняка от бывшего костра, которые обычно жжет молодежь, сидел дед Георгий Кондратов по прозвищу Победоносец, один из старейших жителей деревни. Я его хорошо знал, и к тому же он был мне какой-то родней.

Я сразу вспомнил историю, за которую он получил такой серьезный псевдоним.

В конце семидесятых прошлого века Жора Кондрат был бригадиром в телятнике. В подчинении у него работали двенадцать женщин в возрасте от двадцати до сорока лет. И вот однажды он приехал на ферму — его бригада в полном составе у ворот стоит, а по ту сторону ворот ревом режут голодные телята. Жора в крик с налета — бабы его в ответ еще крепче слова вспомнили! Оказалось, заметили они змею, в загоне ползающую, как показалось со страха — огромную и зубастую. Вот работа и встала. И будет стоять, пока эта «дракона» не погибнет! Помянув всуе Бога и всех апостолов, бригадир с вилами наперевес проскочил мимо баб в телятник. Только змей тоже не дурак и подставляться на лютую гибель был не согласен... В общем, никого и ничего, кроме незакрывающихся ртов голодных телят, Жора не нашел. Но мнительные женщины ему не поверили. Тогда он, устав их уговаривать, недолго думая, отрубил метровый кусок шланга, засунул его в предварительно измазанный жидким навозом мешок и, уверенный, что никто из боязни смотреть не будет, пошел на выход. Женщины, как и предполагалось, перед ним расступились. А когда он, вытянув руку с покоящимся в мешке шлангом, гордо проходил сквозь цепь «спасенных», одна из них, не выдержав, воскликнула:

— Гляньте, бабы, на него! Вот же послан нам спаситель! Да чего уж там — Георгий Победоносец, не меньше...

Узнав деда и вспомнив эту веселую историю, я очень обрадовался встрече.

Поздоровались, пожали руки.

— Сесть можно?

— Садись, каво придуряйся... Огня не жалко.

Я сел.

— Ну как дела, дед?

— А как сажа бела.

— Чё так — пенсия мала? Или жить скучно?

Дед посмотрел внимательно, достал кисет:

— Покупные меня не берут, эти вот набиваю, хотя и руки ходют. Мене, пацан, восемьдесят с гаком. Да гак этот три года. И бабки моей уже четвертый год нет. Не пересилила меня, раньше свернула.

Старик, чтобы не показать волнения от воспоминаний, наклонил голову совсем низко, к рукам. Но, хотя руки его, действительно, заметно «ходили», самокрутку он собрал ловко и быстро. Примакнув языком, склеил ее и, крутнув между пальцами, сжал в тонкий хвостик остаток газеты. Уже нетерпеливо ровно оторвал задник, еще раз осмотрел изделие и, наконец удовлетворенный результатом, полностью облизнул его.

— Это чтобы газета быстро не горела, а то не столь куришь, сколь огонь тушишь...

Он прикурил тонкий носик и два раза пыхнул, не затягиваясь. Наконец раскурил, довольный, сбил струей белого дыма пепел и отодвинулся от костра.

— Угощайся, — он указал на жестяную баночку от леденцов и лежащую на крышке нарванную ровными квадратами газету.

— Нет, я пас. — Не так давно я бросил курить и сейчас, отказываясь, ощутил, как рот наполнился слюной.

— Это молодец, завидую и полностью с этим согласен! — Он ловко спрятал в карман заветную коробочку.

— С чем? — борясь с желанием курить, спросил я подавленно.

— С тем, что бросил. Мне с этим делом родня, да и просто кто замечает, уже всю плешь проели!.. «Когда бросишь, когда бросишь?» — возмущенно тараща глаза и тонко растягивая слова, задразнил он. — А я уже столько лет курю, сколько иные мои знакомые мужики и не прожили. Причем многие совсем не курили, а некоторые даже вино пить напроочь отказывались — вроде как яд это, только долгоиграющий...

Он, явно попав в знакомую тему, продолжал разговор, не интересуясь моим мнением, как многие старики, считая людей взрослых, но на много моложе себя, еще «салагами».

— А вобще... дохлые вы все, словно ненастоящие. И болячек напридумывали всяких, чтобы, спокую не зная, лечиться от всего сразу — на эту, как ее... перспективу!

Он, отвернувшись, достал из темноты два подсушенных, явно загодя приготовленных плавуна, разворошив костер, вложил их в самый жар.

— Я тоже, конечно, когда шибко приперло, к врачам ходил, врать не буду. Но вот бабуку свою не сохранил... На Рождество Христово закашляла, думали, подпростыла. Вроде и в баньку сводил, погрел, молоком теплым поил, грудь салом бараньим натирал до поту... Вот, казалось, успокоилась, тихонько уснула... Утром холодная, что лед. Врач пришел, вернее, врачаха наша местная — Вальки Крота дочь, Роза, и говорит: «У нее, мол, сердце захандрило, инфаркт. А вы своими действиями болезнь усугубили». Вот так и кончилось все печально... Слышишь, нет, меня, парень? Это получается, я свою бабуку, с которой шисят лет прожил, в могилу определил?! Вот после того уже четвертый год я врачам вобще не верю, а нашей — подавно! Все бегат по деревне, всех подряд прививат тонкой иголкой на профилактику — наперед, значит... А нам, старым, это вроде и не надо, сами тянитесь...

Я, не зная, что сказать, сломал подобранную по дороге палку и подбросил в костер. Дед Георгий разложил сразу занявшиеся деревяшки по краям:

— Большого огня не нужно, это же для уюту чичас, для души!..

Старик, будто забыв обо мне, глубоко затягивался, замирал на секунду и выпускал дым в сторону от костра. Какое-то время сидел непод-

вижно, опираясь бородой на ладонь, с торчащей между пальцами самокруткой. Вздрагивая, снова вдыхал с шумом дым, и все повторялось.

Потом он немного пошмыгал носом и стал крутить еще самокрутку.

— А, дай и мне, действительно, для уюта!

Он протянул кисет с крупным самосадам и предупредил, улыбаясь:

— Гляди — дерзок.

Закурили. Самосад был и вправду крут.

— Я ведь, пацан, местный. И появился ешо до этойой вот воды.

И жили мы хорошо, и крепкие деревни у нас были. Но кому-то там захотелось сделать водохранилище, и сделали. Может, и хорошо. А все-таки плохо больше. Ведь сколько же лесов пожгли и покорчевали! Сколько деревень поутопили и сколько добрых земель... А погостов и кладбищ? Я молодой тоже могилы переносил. Но только тех, кто недавно лежал. А старые так заравнивали, и все. Грех... После видел и ходил по кладбищу, которое открывалось весной до большой воды и иногда осенью. Гробы уже пообмыло, и они торчали до половины, страх божий! И рыбы сколько поугробили... Она ведь метать икру ходила туда-сюда, а здесь — хлоп и плотина. А ей домой надо, домой, где она родилась! Как и человеку. Хотя вам этого не понять, нет у вас родины.

Я хотел обидеться, но понял, что говорил он то, что думал, и то, что накипело у него за долгую жизнь.

Дед помолчал и, упорно смотря в костер, продолжил:

— Ну ладно. Всяко бывает. Большое делать — малое не уберечь. К коммунизму шли, не дошли. Но ведь чичас-то что творится? Берег, за мою токо бытность, на семьсот метров, а то и больше смыло. Ты, наверно, не помнишь, но берега в воду плавно уходили. Радостно было и чисто. Семьями тут собирались, гуляли, праздники справляли. А теперь подойти к реке страшно, а до воды мне уже никогда не добраться. Спустишь под берег — не вылезу, там высота метра два, а то и три. Но никому до этого дела нет. Грязью все позакидано, свалки вокруг деревни появились. И даже у кого скот дохнет, не хоронят, а на свалку бросают. И все это дождями и весенним половодьем смывается в водохранилище. Ладно, совхозы разорились, хозяев нет, но ведь море-то это обчее с государством! Дак ты, государство, подсоби, организуй помощь нам, настрой. Ведь делали эту беду мы вместе с тобой, дак не уходи в сторону...

Костер догорал, покрывшись, словно пухом, седой золой, остывая и теряя уют.

— Пойду. А ты посиди, посиди. Бежите все, торопитесь! Подумай, может, чё и придумаешь.

Старый Георгий поднялся, скрипнув зубами, отряхнул невидимый мусор со штанин и, оттягивая уход, зашарил руками по куртке.

— До свидания, парень... Вернее, уже прощай, если что.

Он, еще раз шумно вздохнув, наконец шагнул и, твердо ступая, пошел в гору, словно в звездное небо — в мерцающую огнями засыпающую деревню.

Виктор САЙДАКОВ

ГОРЬКИЕ МАЛЬВЫ

Дом

Уходя, в первый раз оглянулся на дом —
В нем горели все окна прощальным огнем,
Виноватые ставни, казалось, дрожали,
И калитка скрипела — не удержали...
А из щелочки каждой манили игрушки:
Деревянные кони, рогатки и пушки.
Я себе говорил: все нормально, не трусъ,
Еще раз обернувшись на новую грусть, —
Разобиженный клен на меня не смотрел
И черемухе тоже глядеть не велел.
Ну а дом наводил стародавние грезы
И показывал мне сквозь зажатые слезы
Поцелуи и клятвы, рыбалки, закаты,
Под семейный баян проводины в солдаты...
Примеряя к бездомью неровный свой шаг,
В третий раз оглянулся, ступив на большак.
И слепили, и жгли меня окна-глаза,
Но стеснялся мой дом свою боль показать.
И лицо за геранями прятала мама,
Понимая, что жалость не лечит упрямых,
А отец, опустив отрешенные руки,
Вспоминал о далекой военной разлуке...

Уходя — уходи? Эту глупость примерив,
Я однажды шагнул из родительской двери...
Шел на ветер степной, и был горд, что не гнулся,
И ни разу на дом свой не оглянулся...
И пытал меня голос во сне... И всю жизнь
Умолял и просил: ну, родной, оглянись...

* * *

Уже грачи кричат над гривами,
 И нити длинных паутин
 Летят, качаясь, над обрывами,
 И ветер, легкий, как сатин,
 Кольшется в степи волнами,
 А на возу высоком с сеном
 В цветном платочке моя мама
 Сидит почти на небе синем.
 Отец — чуть-чуть пониже, рядом,
 Прирос ладонями к вожжам...
 Они поют негромко, ладом,
 И песня едет по полям...
 Я этот рай из детства помню
 И эти теплые глаза...
 Теперь же каждый год на помин
 Среди крестов их голоса
 Вдруг вскинутся, потом погаснут...
 Смотрю до слез на облака,
 И кажется, в просвете ясном
 Откуда-то издалека,
 Среди дороги голубой,
 Плывет повозка с поздним сеном
 И тянет песню за собой —
 И полродни за нею следом...

В августе

Мальвы уже доцветают — родные, безгрешные,
 Зрелый июль переходит в задумчивый месяц,
 В нем и крапива, как будто чужая, нездешняя,
 Вянет печально. Все остальное, как раньше, на месте.
 Жнивень славянский — он теплый, умиротворенный,
 К долгим раздумиям нас побуждает с тобой,
 Здесь семена рассыпают татарские клены,
 Напоминая, что скоро и нам на постой —
 Тягостный, длинный... Его мы зимой именуем,
 С холодом белых, заиндевших пустот,
 В них, неуклюже ворочаясь, дышим, зимуем...
 Ждем, когда ветер поманит теплом у ворот,
 Станет из пушек веселых лупить артиллерия
 Солнцем, листвою и гомоном птичьих безумств,

Кони зеленые выведут в степь население,
Злаки поспевшие под ноги лягут без чувств...
Круг завершится, и снова приблизится осень,
Как ни растягивай, а уменьшаются дни,
Ночью стучат перезревшие яблоки оземь,
Нас возвращая в забытые детские сны...
В августе звездность над крышей люблю рассыпную,
Робость в лесах, когда падают глухо дожди,
Исповедь хлеба и как георгины тоскуют —
Помнят, наверно, что я собирался здесь жить...

* * *

Конец июльским облакам,
Высоким пепельным громадам,
И хоть не хочется, но надо
К осенним двигаться делам...
Собрать подвинувшие мальвы
В заросшем наглухо дворе,
Которые когда-то мама
Садила утром на заре...
Давно уж затерялась мама
В гряде далеких облаков,
Но повторяются упрямо
Ее цветы среди сорняков.
Прижились в голубой полыни,
А вот горчат еще сильнее,
И эта горечь о гордыне
И дочерей, и сыновей...
Всё сваливая на помехи,
Откладывая на потом,
Мы не рвались с тобою ехать
В стареющий отцовский дом...
А там всего-то надо было
Пожить подольше, не спеша,
Проведать дедовы могилы
Да просто рядом подышать...
Я знаю, мне простила мама
Сыновий грех невольный мой,
Но не прощают меня мальвы,
Качая горько головой...

Павел ОРЛОВ

СИБИРСКИЕ БРОНЕПОЕЗДА. БОЕВЫЕ МАРШРУТЫ

В предыдущей статье* мы остановились на том, что весной-летом 1942 г. построенные в Западной Сибири бронепоезда успешно прошли сдаточные испытания и отправились на фронт — непростая на самом деле работа сибирскими депо и заводами была успешно завершена, но...

Директива № 22сс от 29 октября 1941 г., с которой все началось, сроком готовности сформированных дивизионов назначала декабрь 1941 г., но по факту в это время на местах еще только приступали к строительству. В итоге задержка сдачи бронепоездов составила до полугода, на что, естественно, не могли не обратить внимания «компетентные органы». Часть переписки Управления бронепоездов и бронемашин ГАБТУ (Главного бронетанкового управления. — Ред.) РККА и НКВД по этому поводу сохранилась в деле «Переписка со сторонними организациями», которое, судя по формуляру, отечественным историкам до недавнего времени было совершенно не интересно. И правда ведь, какие мелочи: почти шестьдесят бронепоездов, ожидаемых на фронте зимой 1941—1942 гг., попали в действующую армию лишь к немецкому летнему наступлению 1942 г. — как, почему, кто виноват? Ну совершенно не интересно! Сделали, и ладно.

...А вот в НКВД так не считали: оставляя за скобками откровенно нереальные сроки директивы № 22сс, наркомат собрал множество фактов конкретных недоработок, неувязок и претензий как по организации работ, из-за которых происходили массовые задержки, так и по отдельным техническим решениям, существенно повлиявшим на тактико-технические характеристики получившихся бронеединиц. Претензии были изложены в письме наркома Л. П. Берия от 12 апреля 1942 г., а для ответа на них начальник ГАБТУ РККА генерал-лейтенант танковых войск Я. Н. Федоренко создал комиссию под председательством инженер-полковника С. А. Афонина, которая и составила акт от 25 апреля 1942 г., являющийся прекрасной иллюстрацией объективных и субъективных проблем начального периода Великой Отечественной войны в области организации производства вооружения.

Так, из этого документа мы узнаем, в частности, следующее:

---

* См. «Сибирские огни», 2020, № 5.

<...>

3. В августе-сентябре 1941 года на заводах Юга было развернуто инициативное строительство бронепоездов по чертежам, разработанным Полтавским заводом. Чертежи разработаны (бронеплощадка и бронепаровоз) с ориентировкой бронирования по месту. Бронеплощадки монтировались на 4-хосных платформах.

4. По организации отдела Бронепоездов при ГАБТУ КА и при подготовке строительства бронепоездов по директиве 22сс от 29.10.41 г. бывшим Начальником отдела тов. Чабровым, было предложено строить бронепоезда по чертежам Полтавского завода.

По приказанию Зам. Наркома Обороны генерал-лейтенанта танковых войск тов. Федоренко бронеплощадки должны были монтироваться на 2-хосных платформах.

На 2-хосные бронеплощадки чертежей и технических условий не было, так как ранее подобные единицы не строились. Кроме того, все чертежи и технические условия и вся техническая документация на изготовление бронепоездов и 4-хосных бронеплощадок были эвакуированы в г. Куйбышев.

5. Проектирование 2-хосных бронеплощадок для изготовления бронепоездов по директиве 22сс было произведено НКПСом (Наркоматом путей сообщения. — Ред.).

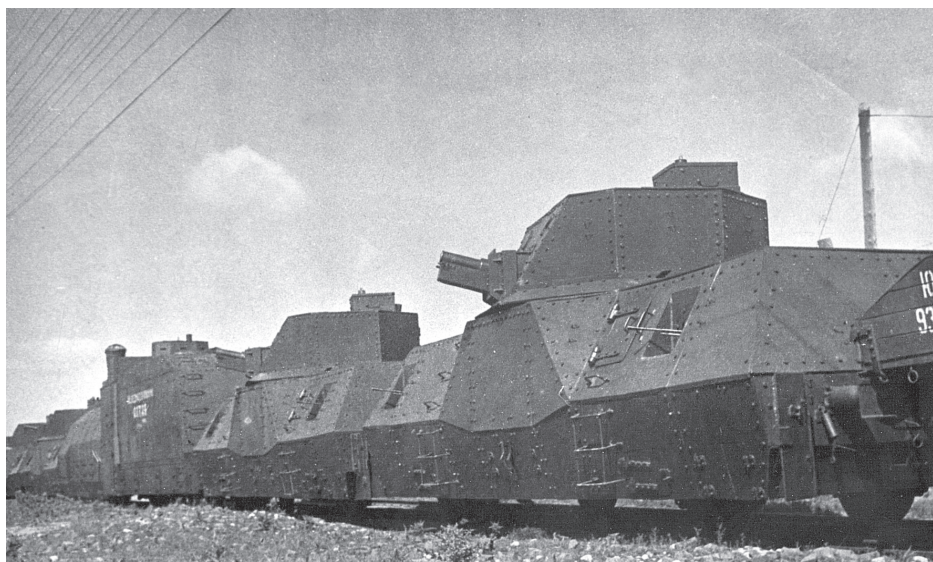
Разработка чертежей в НКПС была поручена конструкторам, совершенно не имевшим опыта по бронепоездам и совершенно не знакомым ни с каким видом вооружения. Проектирование в основном велось по указаниям Начальника отдела бронепоездов при ГАБТУ КА тов. Чаброва и его заместителя тов. Стоянова.

Чертежи разработаны на 2-хосную бронеплощадку только по узлам. До февраля месяца на внутреннее оборудование чертежей не было.

На бронепаровоз чертежи Полтавского завода переработаны не были.

6. Узловые чертежи бронеплощадки и чертежи бронепаровоза на места строительства были высланы после 15.11.41 г.

При рассмотрении общего вида бронеплощадки в ГАБТУ КА было указано на необходимость сделать борта бронеплощадки с наклоном. После этого на места было дано указание о приостановке работ и общий вид бронеплощадки измененной конфигурации (с наклоном бортов) 20—22 ноября 1941 года был разослан фототелеграммой. На основе этой фототелеграммы в некоторых

Бронепоезд «Железнодорожник Алтай», весна 1942 г.
Центральный архив Министерства обороны. Ф. 38. Оп. 11358

точках строительства была произведена дальнейшая разработка чертежей, а в некоторых пунктах строительство было начато так же на основе этой фототелеграммы по месту, что вызвало при последующем получении чертежей от НКПС неувязки.

7. Руководить и технически контролировать разработку чертежей в НКПСе работникам отделения строительства отдела Бронепоездов ГАБТУ КА не пришлось, за исключением единичных случайных моментов, когда им удавалось бывать по орг. вопросам в НКПС. В таких случаях конструкторам давались отдельные советы.

Указанное положение было вызвано тем, что все работники отделения строительства отдела бронепоездов (2 человека) были заняты на работах по доделкам бронепоездов, приходящих с заводов Юга в депо ст. Люблино и з-д им. Кагановича. При докладах начальнику отдела тов. Чаброву т. Смирновым обращалось внимание на ряд конструктивных недостатков и упущений и заявлялось, что конструкторам необходимо давать систематическую консультацию.

Консультировать не было разрешено и заявлено, что работников НКПС не следует нервировать, так как «сами ничего не знаете».

Разработка внутреннего оборудования бронеплощадок схематически производилась в январе и феврале месяцах 1942 г. Отдельные принципиальные моменты, которые должны быть отражены в чертежах, решались НКПСом в ходе строительства по запросу с мест телеграммами.

Весь имевшийся опыт в довоенном строительстве бронепоездов при проектировании для строительства по директиве 22сс совершенно не был учтен.

До настоящего времени бронирование паровозов производится по чертежам Полтавского завода, а бронеплощадок по чертежам НКПС.

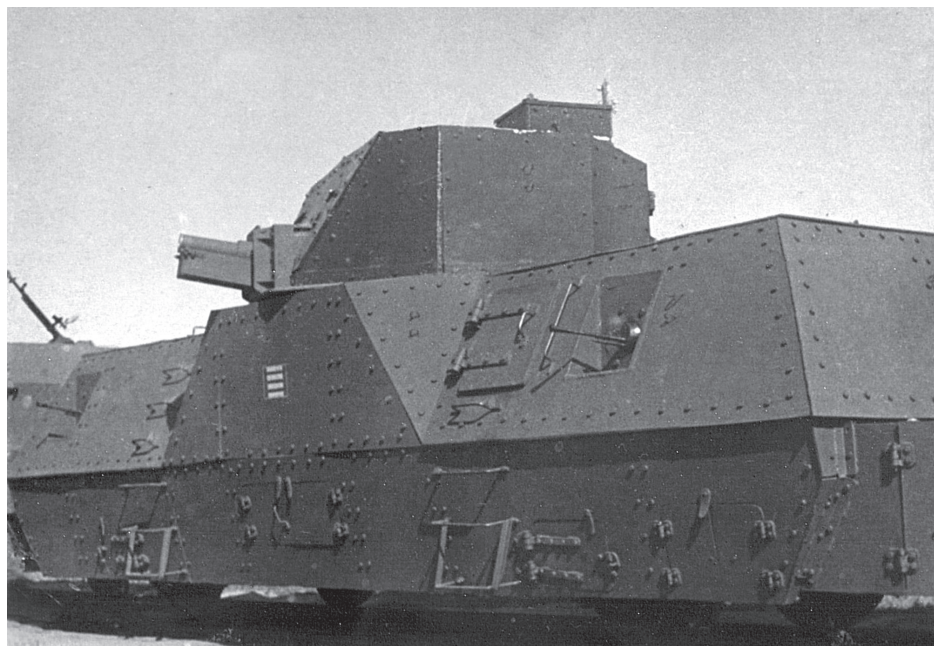
8. Управление Бронепоездов ГАБТУ КА обращалось в НКПС (в отдел строительства бронепоездов) о необходимости разработки новых чертежей на бронепоезда, но НКПС за разработку не взялся, так как работники конструкторского бюро были полностью переведены на диспетчерскую работу по строительству бронепоездов в г. Москве и в ж.д. депо Союза.

Следовательно, группа конструкторов, получившая некоторый опыт в разработке бронепоездов и принимавшая участие в строительстве бронепоездов в производственных точках г. Москвы была распущена, хотя потребность в конструкторских работах ощущалась в большой степени (оборудование баз бронепоездов, доработка чертежей бронепоездов, переработка чертежей бронепаровоза и т. д.).

Неоднократные переговоры с Начальником отдела Строительства бронепоездов НКПС о сохранении группы — не привели к положительным результатам.

И это — только по вопросу о чертежах, по которым должны были строить бронепоезда на местах! Хотя уже здесь находится большая часть объяснений, почему не успели в срок...

Можно подумать, что было бы лучше оставить предложенный Чабровым четырехосный вариант, но — нет. Четырехосная двухбашенная бронеплощадка тяжелее, требует гораздо больше сил и средств для возвращения на рельсы в случае аварии, особенно в бою. В случае поражения такой площадки бронепоезд теряет до половины своей огневой мощи, а оснащенный двухосными — только четверть. И кроме того, четырехосных площадок в хозяйстве советских железных дорог в то время было меньше, чем двухосных, — они были более ценным ресурсом, а о том, что коллапс железнодорожных перевозок в условиях предыдущей мировой войны был одним из самых заметных факторов, приведших к революции, большевики помнили хорошо.

**Бронеплощадка № 4 бронепоезда «Лунинец»
(на заднем плане виден пулемет ДШК площадки ПВО).**
Центральный архив Министерства обороны. Ф. 38. Оп. 11358

Много в ответе ГАБТУ РККА на претензии НКВД написано и о бронировании, в частности об использовании неброневых, незакаленных сталей, а в ряде случаев — даже котельного железа. Здесь главное:

Наличие различного металла для бронирования вызвано отсутствием планового снабжения, так как основной ориентировкой по материальному обеспечению строительства бронепоездов являлось использование внутренних ресурсов.

То есть что под рукой имеется — из того и строим...
И в дополнение к вопросу о связи бронирования и сроков:

Паровозные и вагонные депо и паровозо-вагоноремонтные заводы НКПС, где строились бронепоезда, не имеют оборудования для термообработки и правки броневой стали. Отдельные пункты строительства, расположенные близко к танковым заводам (Томская ж. д., Омская ж. д.) производили термообработку на этих заводах. В этих случаях бронепоезда начатые строительством в ноябре-декабре 1941 года закончены строительством только в марте-апреле 1942 года.

И это как раз наш случай, это часть построенных в Сибири бронепоездов.

Одним из недостатков, на которые обратил внимание НКВД, был перегруз бронеплощадок: рессоры двухосных площадок ломались, не выдерживая нагрузки. По этой причине к апрелю 1942 г. замене рессор подверглось тринадцать бронепоездов, в том числе пять — сибирской постройки. Причиной было использование более толстого, чем предполагалось при проектировании, металла. Казалось бы — естественное решение: компенсировать меньшую стойкость к пробитию неброневой стали увеличением ее толщины, а в результате —

ходовая часть, рассчитанная на восемнадцать тонн на ось, при получившемся весе двухосной бронеплощадки между сорока и сорока пятью тоннами выходила из строя. А ведь кое-где еще и бетон между двумя листами бортовой брони заливали, «чтоб прочнее»!

Опыт боевых действий с самого начала войны показывал, что главный противник бронепоездов — вражеская авиация, отбиться от которой своими силами застигнутому на открытой местности бронепоезду удавалось далеко не всегда. Естественно, на недовооруженность составов средствами ПВО наркомат Берии также обратил внимание, но здесь от Управления бронепоездов и их строителей просто ничего не зависело: Главное артиллерийское управление не выделило всех затребованных пушек и крупнокалиберных пулеметов, так как их катастрофически не хватало. И так далее и тому подобное...

К сожалению, в указанном деле отложилась лишь часть переписки по вопросу: нет документов, присланных НКВД, никак не отражена позиция НКПС и изготовителей бронепоездов. Собранный вместе из различных архивов материал мог бы стать основой серьезной работы, но, боюсь, — работы, интересной лишь историкам. Для простого читателя она, скорее всего, будет, мягко говоря, тоскливой.

...Так или иначе, но менее чем за год войны было построено более восьмидесяти бронепоездов, что приблизительно в два раза больше, чем имелось в РККА в довоенное время. В стране просто не было нужного количества подготовленных бронепоездников (таково было официальное название военной специальности) — так кто командовал дивизионами, поездами, бронеплощадками? Разберем этот вопрос на примере 49-го ОДБП (49-й отдельный дивизион бронепоездов, позднее получивший наименование Шепетовского), благо поименный список комсостава на момент формирования у нас имеется.

Итак, командиром дивизиона был назначен подполковник Гершберг Яков Исаакович, до этого — старший преподаватель артиллерии Рубцовского пехотного училища. Еврей, из рабочих, 1899 г. рождения, с 1918 г. в РККА, выпускник Сумского артиллерийского училища, участник Гражданской и Великой Отечественной войн.

Вообще, назначать артиллеристов командирами бронепоездов и дивизионов было обычной практикой в тех условиях. Учитывая, что бронепоезда использовались, как правило, в качестве перемещающихся артиллерийских батарей и, хотя числились по бронетанковому ведомству, непосредственно подчинялись начальникам артиллерии частей и соединений, которые поддерживали, это было нормально.

Комиссар дивизиона — старший политрук Поляков Петр Антонович — был комиссаром танкового батальона в 1-м запасном танковом полку. В РККА с 1936 г., выпускник Харьковского военно-политического училища, без опыта боевых действий.

Заместитель командира дивизиона — капитан Зинченко Григорий Михайлович, бывший командир батареи 545-го АП РГК (артиллерийского полка Резерва Главного Командования). В РККА с 1935 г., выпускник Одесского артиллерийского училища, участник финской и Великой Отечественной войн.

Помощник командира по технической части — воентехник 2-го ранга Зеленский Владимир Васильевич. На должность (да и вообще в РККА) зачислен с должности начальника планово-производственного отдела депо станции Новосибирск. Образование высшее, в боевых действиях не участвовал.

Адъютант старший (это правильное название должности) — старший лейтенант Стариков Николай Михайлович, выпускник Ленинградского артиллерийского училища (с пятью классами средней школы!), на должность переведен из слушателей курсов начальников штабов при артиллерийской академии имени Дзержинского. В РККА с 1930 г., без боевого опыта.

Начальник связи — младший лейтенант Цыганов Василий Лукич, до этого — курсант Ленинградского училища связи с 1940 г., в боевых действиях не участвовал.

Начальник боепитания — воентехник 1-го ранга Пряхин Яков Иванович, ранее — начальник артиллерийского снабжения 286-го отдельного лыжного полка, образование высшее, в РККА с 1941 г., в боевых действиях не участвовал.

Старший паровозный техник Кричевский Александр Иванович и железнодорожный мастер Чибисов Дмитрий Иванович в ранге младших воентехников перешли в дивизион с должностей замначальника депо и железнодорожного мастера станции Новосибирск.

Командир бронепоезда «Железнодорожник Алтая» — старший лейтенант Реунов Иван Иванович, в Великой Отечественной войне ранее участвовал в качестве командира батареи 159-го АП 9-й гвардейской стрелковой дивизии, выпускник Лозовских артиллерийских курсов, в РККА с 1937 г.

Командир бронепоезда «Лунинец» — старший лейтенант Данилович Иван Иосифович, ранее — заместитель командира дивизиона 38-го запасного артиллерийского полка, выпускник Пушкинских АККУКС (Артиллерийских Краснознаменных курсов усовершенствования командного состава). В РККА с 1941 г., в боевых действиях не участвовал.

Командиры бронеплощадок в основном — выпускники артиллерийских училищ и курсов, ранее занимавшие должности от командира огневого взвода до начальника разведки артиллерийского дивизиона. Кто-то с опытом боев, кто-то — без, например, лейтенант Логвинюк Александр Ефимович переведен в командиры бронеплощадки из слушателей Пушкинских АККУКС, с пятью классами средней школы, в РККА с 1941 г. Странные дела в 1930-е творились: в артиллерийское училище или на артиллерийские курсы усовершенствования командного состава можно было попасть, имея базой пять классов обычной школы, то есть практически не зная геометрии, тригонометрии, физики и прочих лежащих в основе баллистики наук!

* * *

Итак, шесть сформированных в Западной Сибири дивизионов бронепоездов летом 1942 г. отправляются на фронт. Воевали они в разных местах — от Кавказа до Карелии, с разной напряженностью и потерями, но все так или иначе дожили до Победы. Самым заметным из них стал 49-й ОДБП, сформированный на станции Тайга и единственный из шести, получивший почетное наименование — с 17 февраля 1944 г. он официально назывался «49-й Отдельный Шепетовский дивизион бронепоездов», и именно его боевой путь мы и проследим.

Вообще, говоря сейчас о Великой Отечественной войне, люди чаще всего представляют череду сражений, забывая о том, что большая часть времени для конкретных участников войны — это промежутки между боями, заполненные тяжелой работой, маршами, бытовыми проблемами и учебой. Да, история 49-го

дивизиона местами напрашивается на экранизацию в военно-приключенческом жанре с захватывающими эпизодами — вот только за три года (с 1942-го по 1945-й) этих приключений на боевом пути между Москвой и Опельном было гораздо меньше, чем можно предположить.

Но к делу: 29 июня 1942 г. дивизионом был получен приказ замнаркома обороны СССР (вероятно — Я. Н. Федоренко) о выдвижении в действующую армию в распоряжение командующего Юго-Западным фронтом. И сразу, без какого-либо вступления, начинается первый эпизод — одиссея бронепоезда «Лунинец».

В день получения приказа дивизион двумя эшелонами начал движение, имея разрыв между бронепоездами в два часа. На станции Кочетовка второй эшелон задержался из-за вражеской бомбардировки и затем на станции Грязи получил приказ о переподчинении командующему Брянским фронтом — в итоге бронепоезд «Лунинец», не имея связи со штабом, прибыл 1 июля 1942 г. на Юго-Западный фронт, в Воронеж, а «Железнодорожник Алтая» со штабом и базой дивизиона 5 июля — на Брянский фронт, на станцию Елец. Таким образом, половина дивизиона оказалась на острие наступления немецкой 4-й танковой армии на Воронеж, а половина — севернее, в районе, из которого советские войска будут пытаться наносить фланговые удары по наступающему противнику.

Боевая одиссея бронепоезда «Лунинец» начинается в ночь на 3 июля, когда командир БП получил приказ совместно с приданным десантом (батальоном пехоты) охранять перегон и железнодорожные станции Лиски и Давыдовка от атак воздушного и наземного противников. Дело осложнялось тем, что БП никому не придавался и на снабжение не брался, а основные припасы остались с базой дивизиона.

Если верить документам, 5 июля на станции Давыдовка бронепоезд шестнадцать раз бомбили вражеские самолеты, налетая группами по 6—18 машин. Паровоз получил повреждение от авиабомбы, горячий пар из лопнувшего свистка пошел в кабину машиниста, но «Лунинец» продолжал маневрировать, успешно уклоняясь от ударов. Один бомбардировщик удалось сбить, но кончились патроны к зенитному крупнокалиберному пулемету. В этот день «Лунинец» впервые вышел на огневую позицию для обстрела наступающего противника, но... тот находился вне зоны досягаемости бронепоездных короткоствольных пушек образца 1927/32 гг.!

Невозможно было восполнить запас воды (разбиты водокачки близлежащих станций), у экипажа закончились продукты (на станции Давыдовка удалось достать лишь немного гороха), а 6 июля, следуя от станции Лиски на восток, после очередного налета немецких бомбардировщиков «Лунинец» столкнулся с одной из типовых проблем бронепоездов — железнодорожное полотно было разрушено. И хуже того — был сильно поврежден железнодорожный мост через реку Икорец, находившийся к тому же под огнем немецкой артиллерии. Описание дальнейших событий имеется в документах:

Командой бронепоезда в течение 20 минут было восстановлено разрушенное железнодорожное полотно; железнодорожный мост, поврежденный авиацией противника, отремонтировать средствами и силами бронепоезда было невозможно.

Противник открыл ураган артиллерийского огня по бронепоезду. Командир бронепоезда старший лейтенант Данилович Иван Иосифович принимает решение — высадить личный состав из боевой части и на тихом ходу проехать

мост. Спокойные, смелые и отважные машинисты Хурсик Петр Андреевич и Шипачев М. Ф. ведут дорогостоящую для советского народа боевую часть через серьезно поврежденный мост, рискуя своей жизнью во имя Социалистической Родины.

Бронепоезд тихо подходит к мосту. Напряженная минута [для] всей команды, первая бронеплощадка идет на мост, а за ней вторая. На минуту все затаили дыхание — на мост идет «шайтан», так любезно команда бронепоезда называет свой паровоз, который не один раз в последующих боях решал судьбу как боевой части, так и команды бронепоезда.

Когда на мосту находился бронепаровоз, мост медленно начал садиться, но Хурсик поджал на «большак» и вывел бронепоезд.

За отвагу и мужество при спасении бронепоезда Правительство наградило тов. Хурсика медалью «За отвагу», тов. Шипачева медалью «За боевые заслуги».

Впереди, за мостом, горел разбитый вражеской авиацией эшелон. Горели боеприпасы и обмундирование. Бронепоезд подошел к эшелону, отсоединил горящие вагоны и спас одиннадцать вагонов обмундирования.

Противник наседал, бронепоезд с боями отходил в направлении станции Поворино, прикрывая отход своих войск.

...Только 17 июля 1942 г. бронепоезд «Лунинец» воссоединился с дивизионом на станции Хитрово в полосе Брянского фронта. К этому времени отразивший несколько авианалетов бронепоезд «Железнодорожник Алтая» также записал на свой счет один сбитый вражеский самолет. С этого момента дивизион более чем на полгода остается на участке Елец — Тербуны — разъезд Ударник, выполняя задачи по охране железной дороги и противовоздушной обороне станций и изредка обстреливая немецкие позиции — та самая работа, из которой и состояла в основном война...

К концу года боевой счет 49-го дивизиона был следующим: проведено одиннадцать огневых налетов по переднему краю противника, уничтожено до 350 человек живой силы противника, три артиллерийские батареи, два отдельных миномета, четыре пулеметные точки, сбито четыре самолета. Появились первые серьезные потери: 11 августа 1942 г. «Железнодорожник Алтая» во время дежурства на перегоне Долгооруково — Свечинская в ходе налета восемнадцати бомбардировщиков Ю-88 получил попадание авиабомбы в бронепаровоз, записав при этом на свой счет два сбитых самолета. Погибли машинисты, часть разведчиков и командир бронепоезда старший лейтенант Реунов (всего девять человек), еще десять были ранены.

Трудный 1942 год закончился советским наступлением под Сталинградом, а затем серия операций, прокатившаяся по линии фронта с юга на север, последовательно обрушила немецкую оборону. В конце января 1943 г. после успешного завершения Острогжско-Россошанской наступательной операции пришел черед освобождения Воронежа, большая часть которого с июля 1942 г. находилась под контролем противника.

В это время происходит и присвоение всем наличным бронепоездам РККА трехзначных номеров: «Лунинец» теперь имеет номер 704, а «Железнодорожник Алтая» — 663.

49-й ОДБП получает приказ поддерживать своим огнем 47-й стрелковый полк 15-й стрелковой дивизии 13-й армии Брянского фронта, наносящей удар с севера общим направлением на Касторное. Туда же в ходе наступления должны выйти 38-я и 40-я армии Воронежского фронта с других направлений, замыкая кольцо вокруг сил 2-й немецкой и 2-й венгерской армий.

И здесь разыгрывается второй захватывающий эпизод истории дивизиона — дело в том, что описание боя 27 января 1943 г., проведенного 49-м дивизионом, вошло во второй ежегодный отчет Управления бронепоездов и бронемашин, обобщающий опыт ведения боевых действий бронепоездами за период с июня 1942-го по июнь 1943 г., в качестве примера умелых и решительных действий. Надо отметить, что далеко не все дивизионы удостоились упоминания в этих аналитических записках, а уж в качестве образцовых...

...Решительность действий, непоколебимую веру в победу показал личный состав 49 ОДБП, действовавший на участке Тербуны — разъезд Ударник.

Перед дивизионом была поставлена задача: в момент прорыва оборонительной полосы противника на участке соседнего соединения, во взаимодействии со стрелковым полком активными действиями привлечь внимание противника на себя и быть в готовности к преследованию его в направлении Бобровка — Улабино.

За несколько дней до наступления комсостав дивизиона, совместно с комсоставом СП произвели тщательную разведку и рекогносцировку местности.

Узнав на месте все вопросы взаимодействия и связи со стрелковыми и артиллерийскими частями, командование дивизиона организовало разведку состояния железнодорожного полотна в глубине обороны противника, используя для этой цели саперов полка.

С началом наступления и выхода соседних частей на рубеж Андроновка — Батраки, командир дивизиона получил приказ: «ДБП из р-на Тербуны выдвинуться в тыл фашистских войск к разъезду Ударник, где решительными действиями совместно с частями СП уничтожить обороняющегося противника».

Это решение было сопряжено с известным риском, но оно сулило большие тактические выгоды.

Ворвавшись в тыл противника, 1-й БП своим огнем обеспечил 2-му батальону прорыв обороны противника на своем участке фронта и [возможность] захватить населенные пункты Войково, Ивино, а 2-ой БП открыл губительный огонь по Набоково, Светлая, куда стекались отступающие из Бобровки разрозненные группы противника и окончательно деморализовал не только солдат, но и офицеров.

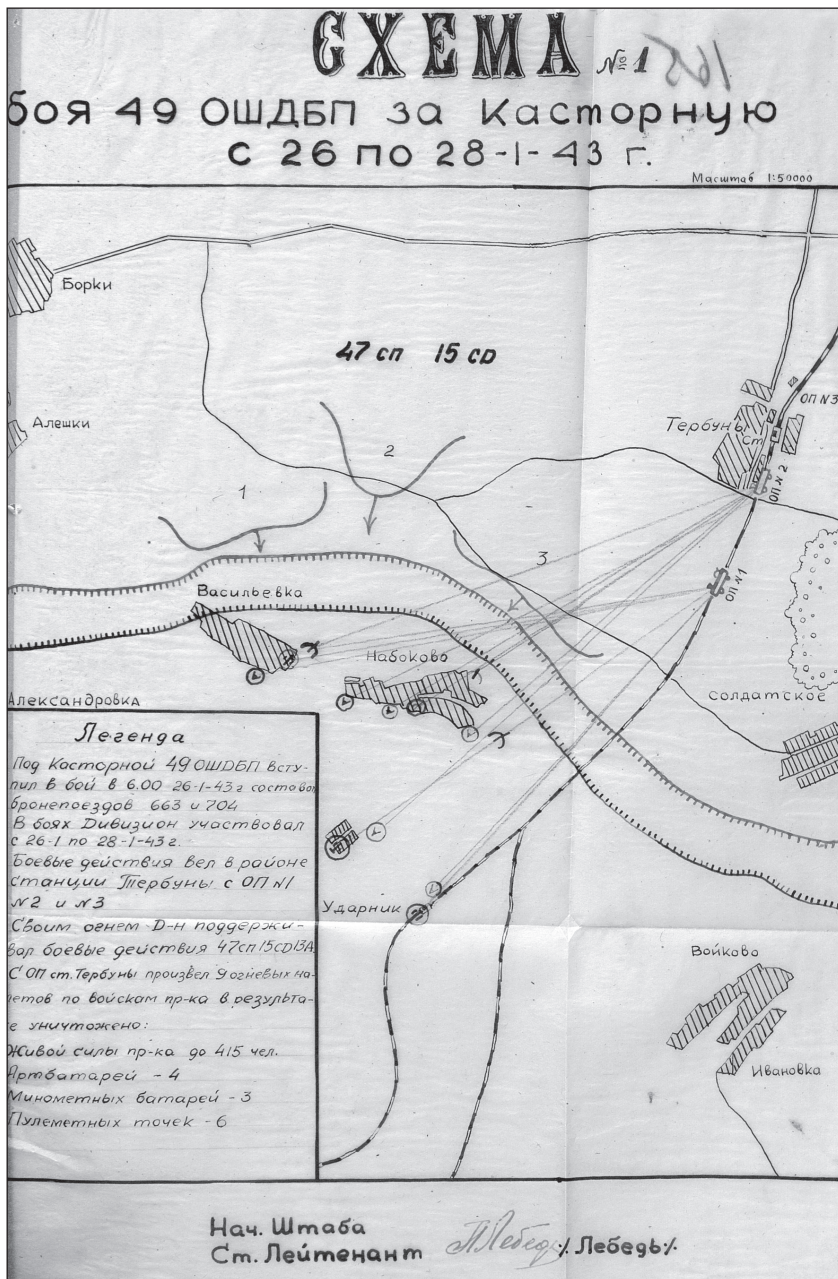
ДБП справился с поставленной перед ним задачей, своим огнем нанес большой урон в живой силе и технике противника.

Во взаимодействии со стрелковыми частями за 2 дня боев было уничтожено несколько сот немцев, захвачено много пленных, захвачены склады с продовольствием, вооружением и боеприпасами, освобождено от фашистов 15 населенных пунктов.

Буквально-таки эпическая история про хитрость, достойную Одиссея! Чуть-чуть литературной обработки — и готова легенда! Так и видится все это: ночь, заснеженная степь, крадущийся под горку бронепоезд с ротой десантников тихо проскальзывает по рельсам через передний край спящего противника — и огневая феерия восьми орудий и сорока пулеметов, рвущая в клочки с кинжальной дистанции ничего не подозревающих немцев!

Даже жаль, что подобные документы, возбуждающие фантазию, обычно появляются вдали от мест боев и не вполне соответствуют реальности. Если, как и положено историку, начать перепроверять сведения, картина получается далеко не такой интересной.

Вот так описывает бои на перегоне Тербуны — разъезд Ударник штаб 49-го ОДБП в историческом формуляре дивизиона:

Схема боя 49-го ОШДБП на участке Тербуны — Касторное из исторического формуляра дивизиона.

Центральный архив Министерства обороны. Ф. 38. Оп. 11358

26 января 1943 года по тревоге 49 ОДБП в составе бронепоездов №№ 704 и 663 вышел на огневые позиции в район жел. дор. станции Тербуны. В 7.00 из восьми орудий бронепоездов были выпущены первые снаряды по врагу, а потом последовал жестокий огневой налет — возмездие немецким захватчикам. За первый огневой налет по противнику было выпущено до 1000 снарядов. За этим налетом последовали следующие налеты. Противник начал оказывать свое сопротивление бронепоездам, действуя огневыми налетами по ОП бронепоездов. Район ОП бронепоездов противник пристрелял еще задолго до наступления, находясь в долговременной обороне. Поэтому обстановка

действий дивизиона несколько осложнялась тем, что противник ложил снаряды почти без промаха, попадая вблизи жел. дор. полотна и в полотно.

Бронепоезда продолжали бой, изменяя свои ОП. 27.1.1943 г. в 7.00 вражеские самолеты в количестве шести штук бомбили боевые порядки дивизиона бронепоездов. Огнем зенитных средств дивизиона были рассеяны боевые порядки самолетов. Самолеты беспорядочно сбросили бомбы, не причинив ущерба бронепоездам.

27.1.1943 г. утром на переднем крае немецкой обороны немцы подожгли села и под прикрытием дыма начали свое поспешное бегство на город Касторное. В 9.00 был получен приказ командира 47-го стрелкового полка о выдвигении бронепоездов со ст. Тербуны к разъезду Ударник сколько позволяет путь. Выполняя приказ командира 47-го СП, бронепоезд № 663 выдвинулся за боевое охранение нашей обороны и из орудий прямой наводкой расстреливал отступающих немцев.

В 10.00 зам. командира дивизиона по политчасти объявил личному составу радостные известия, что нашими войсками заняты населенные пункты: Васильевка, Набоково, совхоз Ударник, разъезд Ударник, Воейково и др., противник поспешно отступает на Касторное, наши танковые подразделения отрезали пути отхода противника из Касторное.

Дальнейшее продвижение и преследование отступающего противника было невозможно по причине разрушенного жел. дор. полотна.

Да, похоже на отчет УБПиБМ (Управление бронепоездов и бронемашин. — *Ред.*), но есть нюансы: немцы уже отступали, в тыл противнику никто не врывается, бронепоезд стрелял с бывшей нейтральной полосы, причем только из пушек, а значит, с дистанции вряд ли меньше километра. Не эффективно, но эффективно.

...Дальше были обычные фронтовые будни — бои, работа, проблемы взаимодействия с тыловиками.

Весной 1943 г. дивизион отражал многочисленные налеты немецких бомбардировщиков на станцию Елец, через которую шло снабжение 13-й армии (с 15.03.1943 г. — Центрального фронта). Экипажи неоднократно участвовали в тушении опасных пожаров, растаскивали с помощью бронепоездов горящие вагоны (в том числе с боеприпасами и взрывчаткой). А в это время командование 13-й армии более месяца пыгается от органов ВОСО (военных сообщений) добиться переброски 49-го дивизиона под Поньры. Потребовалось два приказа командования армии и вмешательство комфронта Рокоссовского, чтобы бронепоезда убыли по назначению! Вообще, этой прекрасной теме — взаимоотношению между 49-м ОДБП и военными железнодорожниками, комендантами станций зимой — осенью 1943 г. — посвящен отдельный двухстраничный документ с подробным перечислением самых разных задержек и неувязок.

С конца апреля бронепоезда дивизиона ведут охрану железнодорожного полотна и станций между Курском и Поньрями от воздушного и наземного противника. Разведка дивизиона с 1 мая ведет наблюдение за врагом с оборудованного наблюдательного пункта в районе станции Малоархангельск (непосредственно за передовой линией советской обороны) — при этом штаб и база дивизиона были переведены из обстреливаемых немецкой артиллерией Поньрей (7 км от линии фронта) в Золотухино. За май 1943 г. дивизион подготовил двенадцать огневых позиций для бронепоездов между станциями Малоархангельск и Золотухино.

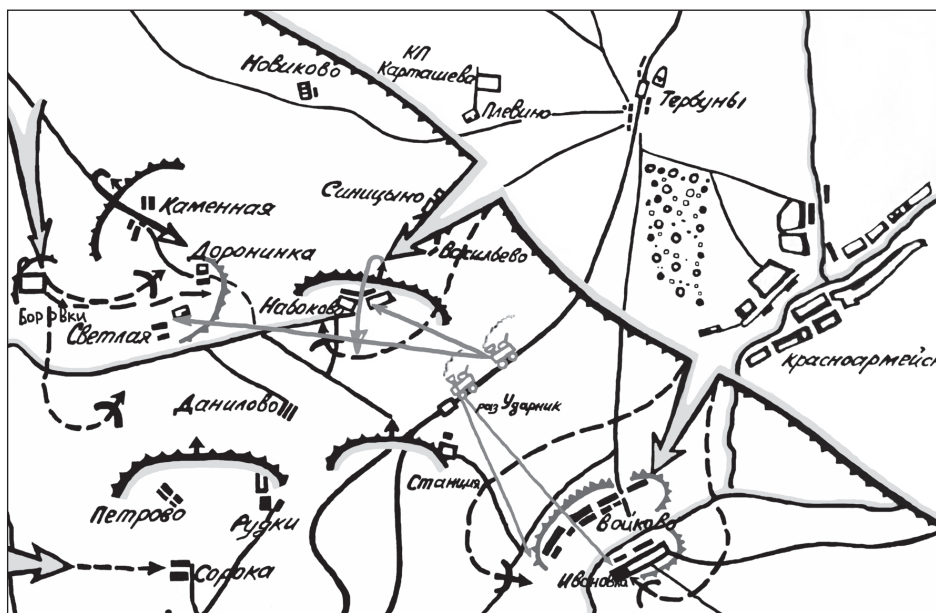

Схема боя 49-го ОШДБП на участке Тербуньи — Касторное из отчета УБПиБМ.
Центральный архив Министерства обороны. Ф. 38. Оп. 11358

Первого июля разведгруппа дивизиона под командованием старшего лейтенанта П. А. Лебеда сообщила в штаб дивизиона об обнаружении сосредоточения более тысячи танков противника, а 3 июля с 22.00 немцы вели сильный огонь по нашему переднему краю, маскируя таким образом шум моторов подтягивающихся к передовой танков.

И здесь мы снова имеем возможность сравнить описание одних и тех же событий в двух разных документах: в историческом формуляре, составленном в сентябре 1944 г., и в отчете о боевых действиях 49-го ОДБП за июль 1943 г., написанном по горячим следам. И естественно, никакой «тысячи танков», выявленных разведкой дивизиона, в отчете нет — это следствие определенной «беллетризации» исторического формуляра. Следует признать, что у человека, писавшего формуляр, был свой стиль, которым даже можно попробовать насладиться:

5 июля 1943 года в 2.00 артиллерия нарушила спокойствие ночью. Немецкая артиллерия обрушила свой огонь по нашему переднему краю. Советская артиллерия обрушила свой ураган огня по обезумевшим немцам. После часового боя артиллерии на участке правее и левее до 15 километров от станции Малоархангельск вверх поднялись тучи дыма и земляной пыли. Теперь было видно, что обнаглевшие немцы после сталинградского побоища решили восстановить свой тупой немецкий самоуверенный престиж новым наступлением на Орловско-Курском направлении. С восходом солнца появились в воздухе тучи немецких самолетов, державших курс на правый фланг нашей обороны. Началась яростная бомбардировка переднего края правее жел. дор. станции Малоархангельск. Через 30—40 минут немецкие самолеты шли непрерывными группами по 40—50 самолетов бомбить левый фланг нашей обороны.

Тихое июльское утро наполнилось гулом выстрелов орудий и бомбовых разрывов.

Началась грозная битва.

Да, «Лунинец» и «Железнодорожник Алтая» попали почти в самое пекло боев на северном фесе Курской дуги, более того — 49-й дивизион оборонял станцию Поныри. Те самые Поныри, что обеими сторонами считались одной из двух ключевых позиций сражения и которые не смогли взять новейшие немецкие самоходки «Фердинанд». Так что — эпизод третий: «Бронепоезда против «фердинандов»».

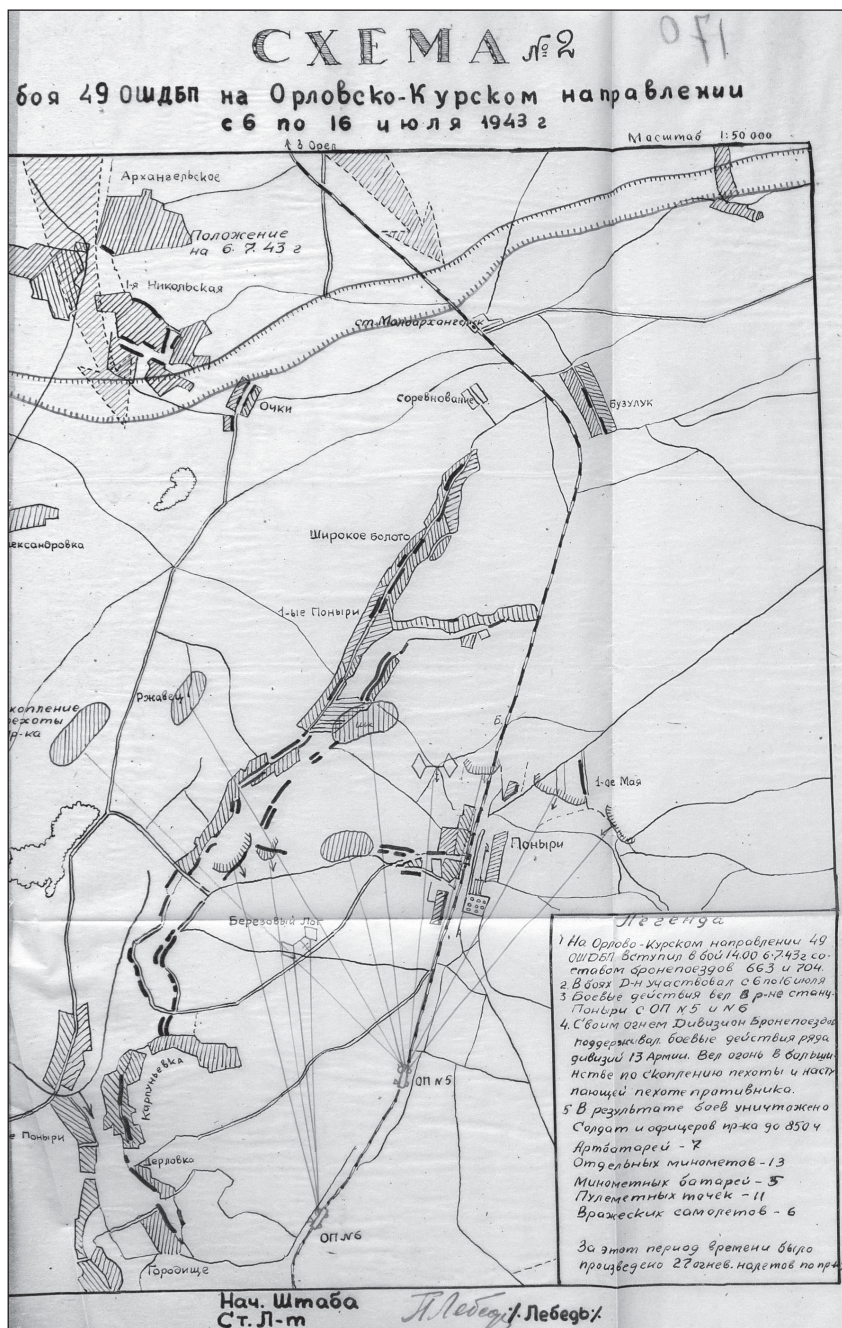
Но прежде чем углубляться в описание боев, сделаем шаг назад и определимся, с чем 49-й ОДБП в эту битву вступил и какие задачи перед ним были поставлены.

На два бронепоезда имелось: восемь пушек калибра 76-мм образца 1927/32 г. (короткоствольная танковая КТ-28), одна 37-мм и шесть 20-мм зенитных пушек, пять крупнокалиберных пулеметов ДШК, два станковых пулемета, 51 пулемет ДТ, один зенитный пулемет винтовочного калибра, 117 винтовок, шесть пистолетов-пулеметов. Боеприпасы: выстрелов к 76-мм пушке — три боекомплекта (БК), 37-мм МЗА — два БК, 20-мм МЗА — семь БК, патронов к ДШК — три БК, винтовочных патронов — шесть БК. Продовольствия — на шесть суточных выдач. Личный состав: среднего и старшего начсостава — 24 человека, младшего начсостава — 141, рядового состава — 62, всего — 227 человек.

На 1 июля 49-й ОДБП с передовой базой находился на станции Золотухино, а основная база — на станции Охочевка. Дивизион являлся огневым резервом командующего 13-й армией и в случае прорыва противником нашей обороны в районе станции Малоархангельск должен был поддерживать огнем орудий и пулеметов пехотные части, занимавшие оборону в полосе железной дороги. Участок ответственности был определен от станции Поныри (включая и ее саму) и далее на юг. Дивизион находился в оперативном подчинении командира 81-й стрелковой дивизии, которая «седлала» железную дорогу, находясь в обороне севернее станции Малоархангельск, также дивизион поддерживал постоянную связь с 307-й стрелковой дивизией, находившейся во второй полосе обороны армии в окрестностях станции Поныри.

Пятого июля бронепоезда в бой не вступали, находясь в полной готовности. Основной удар 47-го и 41-го немецких танковых корпусов по 13-й армии пришелся западнее железной дороги, однако к 6 июля противник подошел к станции Поныри с севера и северо-запада, поэтому в этот день дивизион выходит на боевой участок станция Возы — станция Поныри и в 14.30 получает от начальника артиллерии 81-й стрелковой дивизии задачу на ведение огня. В 16.00 с огневой позиции (цитата) «у ж.д. будки, что южн. ст. Поныри 1 км», двумя бронепоездами был совершен огневой налет по трем местам сосредоточения противника: в районе железнодорожной будки в 1 км севернее станции Поныри, в районе «Школа Северная» в поселке 1-е Поныри и у отметки 214,0.

На саму станцию поезда зайти уже не могли — пути были заминированы и частично взорваны. За 6 июля дивизион отчитался о срыве двух атак пехоты противника (в этот день немецкие тяжелые самоходки «Фердинанд» участвовали в атаке на Поныри с севера), уничтожении до 200 солдат противника и огневых средств в обстреливаемых районах, а также о трех сбитых зенитными средствами БП № 704 самолетах Me-109 (по другим данным — часть из них была Фв-190). Огонь артиллерии бронепоездов дал возможность отходящему под давлением врага личному составу 81-й стрелковой дивизии окопаться на высоте 248,9.

Схема боя 49-го ОШДБП за Ponyри.

Центральный архив Министерства обороны. Ф. 38. Оп. 11358

Вечером «Лунинец» сталкивается с выпущенным вопреки всяким правилам на боевой участок со станции Возы товарным поездом. Итог — три разбитые платформы: одна контрольная и две со средствами ПВО; два человека получили ранения. За ночь «Лунинец» заменил платформы, пополнил припасы на станции Золотухино и 7 июля к 12.00 вернулся на боевой участок.

С 7 июля дивизион находится в подчинении 307-й стрелковой дивизии (81-я отошла во второй эшелон) и за день совершает по противнику, атакующему станцию примерно с тех же позиций, что и днем ранее, восемь (в более

позднем отчете — десять) огневых налетов на 100—140 выстрелов каждый. Огнем дивизиона рассеяно и частично уничтожено до полка пехоты, заявлено об уничтожении трех орудий, пяти пулеметов; зенитчики «Лунинца» сбили еще один Фв-190. С этого дня отмечаются попытки немецкой дальнобойной артиллерии накрыть бронепоезда на огневых позициях или подходе к ним.

День 8 июля стал критическим в обороне Понырей — немцы охватывают населенный пункт с севера, северо-запада и запада, пытаются отрезать станцию с юга, заходя через Березовый Лог и по линии Битюг — 2-е Поныри. Атаки следуют одна за другой — по восемь, а то и десять за этот и следующий день, с разных сторон и разными силами.

К исходу дня немцам удается занять поселок Первое Мая, расположенный примерно в километре на северо-восток от Понырей, захватить Березовый Лог (в километре на запад от южной окраины Понырей), а с севера противник продвинулся до вокзала включительно («фердинанды» участвовали в атаке на Поныри и в этот день).

Утром этого дня огонь по противнику по заявкам нашей пехоты вел БП № 663 («Железнодорожник Алтая»), и в 9.10, выдвигаясь на огневую позицию для третьего артиллерийского удара по северной окраине станции, он попал под удар вражеских пикирующих бомбардировщиков. Попытки маневром избежать попаданий и огнем из зенитных пушек и пулеметов сорвать атаки оказались успешными частично: прямое попадание авиабомбы было лишь одно, причем в контрольные платформы на оконечности бронепоезда, заполненные рельсами, шпалами и прочим железнодорожным имуществом. Тем не менее осколками близких разрывов было убито семь и тяжело ранено пять человек. Повреждены две платформы ПВО, одна бронеплощадка (ее командир, старший лейтенант Верденский, убит), тендер бронепаровоза; вышли из строя: 37-мм зенитная пушка, два пулемета ДТ, станковый пулемет «Максим» и три винтовки.

Через полчаса после атаки экипаж «Железнодорожника Алтая» уже восстановил полотно и ход, а ближе к 11 часам утра убыл на ремонт в Курск. Сменивший БП № 663 на огневой позиции БП № 704 («Лунинец») продолжал вести огонь по окраинам Понырей по заявкам пехоты и по данным своего НП (наблюдательного пункта. — Ред.) — по танкам и живой силе противника на поле близ населенного пункта Битюг.

В деле вывода поврежденного бронепоезда № 663 из боя исторический формуляр особо отмечает техника-лейтенанта Д. И. Чибисова, руководившего работами по восстановлению железнодорожных путей — правда, к моменту написания отчета немецкие бомбардировщики успели несколько размножиться: описана не одна атака двадцати пикировщиков, а две: из восемнадцати и тринадцати самолетов. Есть разночтения и по потерям: указано только пять убитых и трое тяжелораненых.

Девятого июля дивизион огнем «Лунинца» поддерживал контрудар пехоты и танков, выбивших противника из Понырей, — за день боя было уничтожено до 300 немецких солдат, подавлен огонь восьми минометов, уничтожено три пулеметных точки.

А вот так красочно описан этот день в историческом формуляре:

9 июля 1943 года знаменательный день в жизни каждого, кто воевал на бронепоезде № 704. Июльское жаркое утро. В 4.00 бронепоезд находился на выжидательной позиции и ожидал боевого приказа. В 5.00 командир дивизиона приказал — выйти на ОП № 5 в десятиминутный огневой налет и открыть

ураган артиллерийского огня по западной окраине станции Поныри, где немцы перешли в атаку. Через три минуты бронепоезд обрушил свой огонь по противнику. Атака немцев захлебнулась в их собственной крови, а наша пехота по тропам немцев продвинулась вперед на один километр. В этот момент был дорог каждый шаг земли потому что все услышали приказ Командующего фронтом генерала армии Рокоссовского «Понырей не сдавать врагу». За огневой налет 7 минут бронепоезд выпустил более 600 снарядов и отразил атаку противника, обеспечил продвижение своей пехоте.

Как только бронепоезд кончил огневой налет и возвратился на исходную позицию, Командующий БТ и МВ (бронетанковыми и механизированными войсками. — Ред.) 13 Армии генерал-майор Королев позвал командира бронепоезда капитана Шелохова к телефону, поблагодарил личный состав за храбрость и мужество в бою, пожелал еще лучших успехов в борьбе с немецкими захватчиками.

Грозные сибиряки без усталости и страха мстили врагу за вчера погибших товарищей, они мстили за разрушенные города и села, за смерть, кровь, слезы и горе нашего народа. В этот день бронепоезд совершил много огневых налетов по врагу, сбил один самолет противника Ме-109, выпустил до тысячи снарядов по врагу.

Здесь уже и сбитый вражеский самолет добавился, о котором ни полслова в отчете, а в отдельном рапорте о боях за Поныри штаб дивизиона сообщил, что за этот день было выпущено 1000—1200 снарядов башенных орудий.

Именно на 9—10 июля приходится попытки немцев взломать оборону Понырей массированным ударом тяжелых самоходок и танков со стороны поселка Первое Мая — только в первом эшелоне на участке в три километра шло около 150 машин, более половины из которых были тяжелыми. И пройти им надо было всего чуть больше километра...

Понятно, что пушками 49-го дивизиона с «тиграми» и «фердинандами» бороться было бессмысленно, но значки «отсечного огня» на схеме боя — это как раз отражение этих атак. Задачей артиллерии бронепоездов в этот момент сражения было заставить немецкую пехоту залечь и оставить «зверинец» наедине с советской пехотой, минными полями и многочисленной тяжелой и противотанковой артиллерией.

Десятого июля на место отошедшей для отдыха и доукомплектования 307-й стрелковой дивизии пришла 4-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, начальник артиллерии которой и ставил теперь задачи дивизиону; и, кстати, вечером этого же дня из ремонта вернулся БП № 663.

На схемах ведения огня видно, что перелом в боях за Поныри уже был достигнут: вместо полукруга целей, плотно охватывающего станцию, дивизион имел дело лишь с группой районов, вытянувшихся с юга на север вдоль западной окраины станции от Березового Лога до околицы поселка 1-е Поныри. И это несмотря на прорыв «фердинандов» на окраину Понырей — в очередной раз без пехоты, и теперь — в последний раз. Позже противник начал переходить к обороне, и заявок на ведение огня дивизиону несколько дней не поступало.

Последний выход на огневую позицию в ходе Курской битвы у 49-го ОДБП состоялся 16 июля 1943 г., когда по заявке начарта перешедшей в наступление 4-й гвардейской воздушно-десантной дивизии бронепоезда обстреляли район сосредоточения пехоты противника близ высоты 239,0 и населенного пункта Ржавец. Следовать за наступающей пехотой дивизион не мог — в попытках уничтожить бронепоезда немцы бомбами и артогнем разрушили железнодорожное

полотно в районах огневых позиций от Поньрей на юг на два — два с половиной километра.

За все время боев дивизион провел двадцать семь огневых налетов по живой силе и технике противника, и особо отмечено, что не было ни одного случая неисполнения заявок пехоты. Уничтожено 750 немецких солдат (в формуляре — 850), три орудия разных калибров (в формуляре — семь артиллерийских батарей), шесть пулеметных точек (в формуляре — четыре), тринадцать минометов (в формуляре — еще и пять минометных батарей). Подавлен огонь семи пулеметов и минометов, рассеяно до полка солдат противника, сбито шесть самолетов. При этом израсходовано: 76-мм выстрелов — 2 938 шт. (в формуляре — 2 244 шт.), 37-мм выстрелов к зенитной пушке — 196 шт. (в формуляре — 351 шт.), 20-мм выстрелов к зенитной пушке — 5 140 шт. (в формуляре — 5 355 шт.), патронов к ДШК — 4 050 шт. (в формуляре — 8 129 шт.), винтовочных патронов — 12 535 шт. (в формуляре — 4 587 шт.). Действия дивизиона получили высокую оценку командования 81-й и 307-й стрелковых дивизий, а также командующего БТ и МВ (бронетанковыми и механизированными войсками) 13-й армии.

Потери: восемь человек убито, пять — тяжело ранено, девять — остались в строю с легкими ранениями; разбито шесть контрольных платформ, один пулемет ДТ и три винтовки.

При сравнении цифр отчета и формуляра, с одной стороны, видно желание постфактум еще немного приукрасить свои заслуги (достоверность заявленных потерь противника — тема отдельного разговора), а с другой — исторический формуляр писался уже после гибели штабного вагона вместе со всей (так было заявлено) документацией за 1942—1943 гг., так что разницей в цифрах не удивителен.

В отчете отдельно отмечено, что имеющиеся пушки уже неэффективны: мала дальность стрельбы, систематически происходят задержки и отказы из-за износа противооткатных приспособлений. Также снижало эффективность несовершенство прицельных приспособлений — достаточно упомянуть, что специальных прицелов для стрельбы с закрытых огневых позиций на бронепоездах просто не было. Таким образом, вопрос о перевооружении 49-го ОДБП был поставлен летом 1943 г. (за полгода до массового выхода из строя имеющихся пушек), а для решения вопроса понадобился год.

На 1 августа 1943 г. обеспеченность боеприпасами была следующей: 76-мм выстрелов к пушке — 3 084 шт. (1,9 БК), 37-мм выстрелов к зенитной пушке — 1 336 шт. (3,3 БК), 20-мм выстрелов к зенитной пушке — 38 502 шт. (6,4 БК), патронов к ДШК — 46 416 шт. (3,3 БК), винтовочных патронов — 404 950 шт. (6,5 БК).

К наградам представлено тридцать четыре отличившихся бойца и командира, кроме того, успешные действия дивизиона привлекли внимание не только командования, но и различных гостей — 10 июля около трех часов в дивизионе провел поэт Евгений Долматовский и корреспонденты армейской газеты, 12 и 14 июля приезжали корреспонденты «Красной звезды», а с 15 по 17 июля вели съемку два кинооператора из Политуправления Центрального фронта.

Отдельным «добрым словом» уже в осенних докладах в УБПиБМ командование 49-го дивизиона помянуло железнодорожные власти — выпущенный навстречу «Луинцу» и ставший причиной аварии товарняк был только частью бардака и разгильдяйства, реально творившихся на прифронтовых станциях.

Ну и вот, кстати, ответ на вопрос, почему между приказом о первом выходе на огневую позицию и открытием огня прошло аж полтора часа — притом, что бронепоезда находились в полной готовности, а расстояния исчислялись отнюдь не десятками километров:

Во время боевых действий дивизиону всегда препятствовали в ведении боевых операций военные коменданты станций, которые часто продерживали бронепоезда у семафоров и вместо своевременной явки бронепоездов на огневые позиции бронепоезда иной раз имели опоздания. И только 9 июля личный представитель Командующего 13 Армией генерал-лейтенанта Пухова прибыл в район действия дивизиона, после чего все недостатки по обслуживанию бронепоездов были устранены... ранее, 6 и 7 июля продерживали бронепоезда под семафорами по часу и более, а в нынешних условиях боевых действий требуется для дивизиона несколько перегонов, чтобы можно было налеты производить внезапно и сохранить бронепоезда от налетов авиации. Но не всегда дивизион имеет возможность получить подобные условия от ж.д. работников, так как коменданты ж.д. станций не считаются с действиями бронепоездов.

И это старая, известная проблема, зафиксированная и у нас, и у немцев: максимальные трудности возникали при отступлении, когда особо шустрые коменданты станций начинали взрывать мосты и пути в тылу бронепоездов, ведущих бой...

Следующие полгода 49-й дивизион следовал в рядах наступающей 60-й армии, но в непосредственных боях участия не принимал. Обычная работа в это время — отражение налетов авиации противника на железнодорожные станции и борьба с их последствиями, если атаку не удавалось сорвать. Именно при неудачной попытке отражения авианалета 12 октября 1943 г. в Конотопском парке железнодорожного узла Нежин была потеряна база дивизиона со всем штабным имуществом и погиб начальник штаба дивизиона капитан Данилович.

В феврале 1944 г. 49-й ОДБП под командованием майора Копылова в составе Группы дивизионов бронепоездов 60-й армии 1-го Украинского фронта принял активное участие во взятии крупного железнодорожного узла — станции Шепетовка. Несмотря на отмечавшиеся позже недостатки эксперимента с объединением дивизионов, выразившиеся, в частности, в затруднении маневрирования нескольких собранных на одном участке бронепоездов, сами ОДБП в этих боях показали себя с наилучшей стороны.

В начале операции 49-й ОДБП находился в непосредственном подчинении начальника артиллерии 351-й стрелковой дивизии 18-го стрелкового корпуса — личный состав дивизиона вел разведку, готовил огневые позиции, восстанавливал железнодорожное полотно и мост, а позже — вел огонь по противнику, разрушая его укрытия, выбивая пулеметы и минометы, обеспечивая атаки нашей пехоты. Только 10—11 февраля 1944 г. в ходе подготовки атаки и во время боя за высоту 311,1 дивизион выпустил 608 снарядов, уничтожив четыре пулеметных точки и ротную минометную батарею. Овладение этой высотой имело особую важность, так как с нее просматривалась местность на 10—15 километров вокруг.

Вообще за время боев совместно с 351-й стрелковой дивизией с 10 по 23 февраля 1944 г. (по данным штаба дивизии, переданным для отчета в штаб дивизиона) уничтожено: солдат и офицеров противника — до 700, пулеметных точек — 22, артиллерии разной — 12 единиц, минометных батарей — 5, повоз-

ок с боеприпасами — 8. Артогнем бронепоездов отражено атак противника — 15 (в том числе — две крупные). Дивизион за это время израсходовал 76-мм осколочно-фугасных гранат — 1 862 артвыстрела, шрапнели — 56 выстрелов. Вышли из строя три орудия на БП № 663 и одно на БП № 704 — сказывалась общая изношенность старых пушек, у которых «срывало» противооткатные механизмы. В результате атаки с воздуха (по данным формуляра — при обстреле вражеской артиллерией) 16 февраля дивизион потерял одну платформу ПВО, два человека погибли.

Имеется отзыв о действиях «Лунинца» от командира 1159-го стрелкового полка майора Анкудинова:

<...> Особо отличились [бронепоездники] в ночь с 19 на 20.2.1944 г., когда противник перешел в контратаку. Огнем бронепоезда атака была отбита, на поле боя было до 90 трупов немецких солдат и офицеров и два ручных пулемета... Особенно отличились в отражении контратаки: командир бронепоезда капитан Шелухов, [который] через три минуты [после начала атаки] открыл шквальный огонь по наступающей пехоте и огневым точкам противника, гвардии лейтенант Гамзязев — умело корректировал огонь бронепоезда и несмотря на наступающего противника который дошел до [рубежа от] НП в 50 метрах [и] частично забрасывал [его] гранатами, не ушел с НП и управлял огнем, командир отделения управления ст. сержант Рубцов Л. М. [который] умело организовал связь с пехотой и обеспечивал выполнение приказа командира полка...

Восемнадцатого февраля 1944 г. лично составу дивизиона объявили Приказ Верховного Главнокомандующего № 033 от 17 февраля 1944 г. о присвоении 49-му ОДБП за успешные боевые действия по освобождению города и железнодорожного узла Шепетовка почетного наименования «Шепетовский».

В начале марта БП № 704 несколько дней участвовал в отражении немецких контратак в районе Шепетовки, а потом поддерживал перешедшую в наступление 148-ю стрелковую дивизию, записав на свой счет не только пулеметные точки, но и одно 105-мм орудие, после чего был выведен в ремонт вслед за ушедшим ранее БП № 663.

Двадцать первого июня, когда 49-й ОДБП готовился в составе 3-й гвардейской армии к наступлению на Львовском направлении, «Железнодорожник Алтая» выводится с фронта для замены окончательно изношенных орудий, а «Лунинец» 13 июля 1944 г. совместно с бронепоездами 45-го ОДБП участвует во взломе немецкой обороны в районе местечек Горохув, Божув, Теклувка, Терешковице. Пехота за день продвинулась вперед на пятнадцать километров, оставив бронепоезда позади: железная дорога была разрушена.

В дальнейшем дивизион занимался вопросами охраны тыла и обеспечения безопасности перевозок по железной дороге на территории Западной Украины и Польши.

...30-7-44 г. был получен боевой приказ Командующего БТ и МВ 3-й гв. Армии № 041 о сосредоточении 49 ОШДБП на ж-д участке Рава-Русская — Рудка с Задачей: а) прикрывать с воздуха ж-д объекты, станции снабжения и восстанавливающие ж-д мосты (вероятно, части. — П. О.); б) восстанавливать разрушенное противником ж-д полотно совместно с ж-д бригадами; в) вести охрану ж-д полотна и близлежащей местности от проникновения банд к ней.

При передвижении от ст. Луцк до ст. Рава-Русская 7-8-44 г. по вызову Коменданта г. Каменка 49 ОШДБП вышел на ст. Холмов на борьбу с бандеровскими бандами, нападшими на лесозавод, что в 1 км южнее станции. Дивизион Бронепоездов с десантной ротой Каменского гарнизона боевых действий не вел, так как к этому времени бандеровцы (так в тексте, далее написание соответствует тексту документа. — П. О.) вывели из строя легкий паровоз узкоколейной ж-д лесозавода, убили машиниста паровоза, одного рабочего и 3-х человек увели с собой. Десантная рота и команда бронепоезда прочесали лес — бандеровцев не обнаружено.

11-08-44 г. при следовании дивизиона бронепоездов со ст. Сапежанка до ст. Рава-Русская, на ст. Крыстынополь был получен приказ Зам. Нач. ВОСО 1 Укр. фронта полковника Брылева и Нач. Тыла 1 Укр. фронта о немедленном выдвижении бронепоезда на ст. Стрыганка с Задачей: борьба с бандеровскими бандами, подорвавшими эшелон с боеприпасами, сан. летучку и разграбившими эшелоны.

49 ОШДБП в составе бронепоезда № 704 вышел на ООП, что юго-восточнее ст. Стрыганка 1200 м. и открыл огонь из пулеметов и зенитных орудий по лесу, где засели бандеровцы. В 12.40 разведка донесла, что бандеровцы сосредоточились в деревне Тишица, по которой был открыт огонь 76 мм орудий. В результате боя бандеровцы были рассеяны, частично уничтожены и выбиты со ст. Стрыганка, дер. Стрыганка и Тишица. Под прикрытием бронепоезда ликвидирована авария, личным составом оказано содействие в восстановлении ж-д полотна и перегрузке боеприпасов и имущества на подошедший восстановительный поезд. При прочесывании дер. Стрыганка было обнаружено много имущества, унесенного бандитами из подорванного эшелона, которое возвращено владельцам. Кроме того Дивизионом Бронепоездов взято в плен 7 бандеровцев, которые переданы органам контрразведки НКО «Смерш»...

Подводя итоги нахождения в составе действующей армии, осенью 1944 г. штаб 49-го Шепетовского ОДБП свел все данные в несколько таблиц.

Результаты боевой работы: произведено артогневных налетов — 104; уничтожено живой силы противника — 2 465 человек; артиллерийских батарей — 14; самолетов — 14; минометных батарей — 17; отдельных минометов — 16; пулеметных точек — 56; отдельных орудий — 13; блиндажей — 38; отбито атак противника — 27.

Свои потери: погибло 5 офицеров и 17 человек рядового и сержантского состава; ранено — 4 и 16 соответственно.

Выведено из строя: бронепаровоз — 1; бронемашин БА-20 — 2 (когда и где — неизвестно); вагонов и платформ — 15. Также уничтожено противником: один пулемет «Максим», пять пулеметов ДТ, винтовок разных — 22 шт., револьверов системы «Наган» — 11 шт. и один крупнокалиберный пулемет ДШК. Расход боеприпасов: 76-мм артвыстрелов — 7 637 шт.; 40-мм выстрелов трофейной зенитной пушки — 248 шт.; 37-мм выстрелов зенитной пушки — 2 332 шт.; 25-мм выстрелов зенитной пушки — 1 279 шт.; 20-мм выстрелов трофейной зенитной пушки — 14 542 шт.; 12,7-мм патронов пулемета ДШК — 32 059 шт.; 7,62 и 7,92-мм винтовочных патронов — 87 966 шт.; пистолетных патронов — 7 086 шт.; револьверных патронов — 2 663 шт.; ручных гранат Ф-1 — 308 шт.; ручных гранат РПГ — 29 шт. Правительственными наградами награждено 109 бойцов и командиров дивизиона.

В дальнейшем, занимаясь в основном охраной железнодорожного полотна и станций, 49-й отдельный Шепетовский дивизион бронепоездов дошел до Германии — последние бои он провел уже в январе 1945 г. в окрестностях Опшельна, а в 1946 г. был расформирован.

Фарида ГРЕШНОВА

ЖЕНЩИНЫ-ПОЖАРНЫЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В НОВОСИБИРСКЕ И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В этом году на выставке в ГКУ НСО «Центр по обеспечению мероприятий в области гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и пожарной безопасности Новосибирской области» открылась новая экспозиция, посвященная работе новосибирских женщин-пожарных во время Великой Отечественной войны — теме интересной и до конца не изученной.

...Летом 1941 г. из Новосибирска и области тысячи здоровых и сильных мужчин призывного возраста ушли на фронт — к началу июля из 206 штатных пожарных новосибирского гарнизона 84 были призваны на фронт, в том числе из пожарной части № 2 — 21 человек, из пожарной части № 3 — 12 человек, из пожарной части № 6 — 14 человек. Кроме того, мобилизации подлежала также техника и упряжные животные — в Бердске, например, из пожарной команды забрали лучших лошадей.

Женщины-пожарные

Пожарная охрана. Новосибирск, 1943 г.

А. Н. Лебедев в книге «Летопись Бердской пожарной охраны в фотографиях, документах и воспоминаниях» пишет, что с августа 1942 г. Отдел пожарной охраны УНКВД разрешил принимать на должности рядового и начальствующего состава женщин. Уже в июле 1942-го вместо ушедших на фронт мужчин на должности бойцов в пожарную команду поступают женщины, первыми из них были Башарина Феодосия Ивановна, Чеснокова Елена Федоровна, Сизова Т., Чуркина В., Квашнина Т.

В условиях военного времени промышленность, работающая в жестком ритме, и перенаселенный жилой сектор, непрерывно пополнявшийся эвакуированными, требовали неусыпного внимания пожарной охраны. Начался трудный период — из-за недостатка людей пожарную охрану перевели на двухсменный режим несения службы и казарменное положение. Отдыхать было некогда — и на дежурстве, и после дежурств пожарные выполняли также хозяйственные работы и, случалось, месяцами не выходили из расположения команд, а кроме того, оказывали помощь колхозам в заготовке кормов и уборке урожая.

Каска пожарного

Пожарная охрана. Куйбышев, Новосибирская область, 1944 г.

Принимая во внимание возросшую нагрузку на личный состав пожарных частей, руководство новосибирского пожарного гарнизона приняло решение о создании двухмесячных курсов по подготовке пожарных, куда было принято немало женщин. На курсах проводилось ускоренное обучение основным правилам противопожарной безопасности, отрабатывались методы и приемы борьбы с огнем в условиях возможного нападения с воздуха. И уже осенью-зимой 1941 г. в Новосибирске первые выпускники курсов — К. Казакова, Г. Малинина, К. Конычева, В. Козлова, Е. Потеряева, А. Панфилова, Е. Каялина, Е. Губернаторова, И. Высоцкая, В. Мечетина, Э. Бухарева, Ф. Вольнская, Е. Регунова, Э. Головащенко — были назначены на должности пожарных и инструкторов пожарной профилактики.

Конечно, вместе с эвакуированными предприятиями прибыли и приписанные к ним военизированные пожарные части, благодаря чему на оперативной карте города появились новые пожарные подразделения, но организация пожарного надзора в такой обстановке не должна была нарушать и без того напряженную работу промышленности. Эта задача была выполнена — в Новосибирске, несмотря на огромные трудности, связанные с профилактикой возгораний во временных производственных сооружениях, и другие сложности военного времени, не было допущено значительного роста пожаров.

Отличным подразделением зарекомендовала себя вновь созданная пожарная часть № 6, где заместителем начальника по политической части была Вера Козлова, а младшими командирами и пожарными — Зоя Головащенко, Катя Губернаторова, Фаина Вольнская.

В самом начале войны на должность политработника пожарной части № 2 была направлена Ефросинья Алексеевна Регунова (к сожалению, ее фотография не сохранилась в исторических формулярах, нет ее и в архивах области, но поиски продолжаются). Е. А. Регунова проявила героизм в феврале 1942 г. при ликвидации пожара в инфекционной больнице № 4, переполненной тяжелоранеными бойцами: женщина обвязала себя спасательной веревкой, закрепилась

к подоконнику и ушла в задымленный коридор. Пока бойцы М. Ануфриев и И. Выборный вводили пожарные стволы и тушили огонь, Е. А. Регунова, задыхаясь в дыму, открыла запасной выход, подпертый изнутри здания, и вместе с медперсоналом эвакуировала больных. На своих плечах Регунова вынесла одиннадцать больных и раненых, а всего на том пожаре было спасено более 200 человек!

Вот что рассказывает Надежда Колотова, служившая в годы войны в пожарной охране г. Куйбышева Новосибирской области: «22 июня 1941 года Великая Отечественная война прервала наш мирный труд, весь личный состав находился на казарменном положении. Мужчины уходили на фронт, женщины приходили на их место. На вооружении находилась одна пожарная машина (полторка) ПМТ-2 с насосом “Красный факел”, четыре боевых лошади: Байкал, Смелый, Грозный, Вороной. Личный состав охраны ежедневно занимался по уставу, по расписанию. Работали одни женщины да старики: Шечнев, дружинник; девушки В. Кутыш, Н. Баева, Т. Потапова, Т. Неупокоева; телефонистки Сергушина, Осипова, Воробьева. Инспекторами работали Петина Маша и я, Колотова Надя.

В 1943 году открылась школа пожарных командиров, мы работали бойцами и учились, кроме того, мы обследовали жилые дома, ежемесячно подводили итоги по отделениям. С августа 1945 года на работу стали возвращаться с фронта мужчины, служить стало намного легче...»

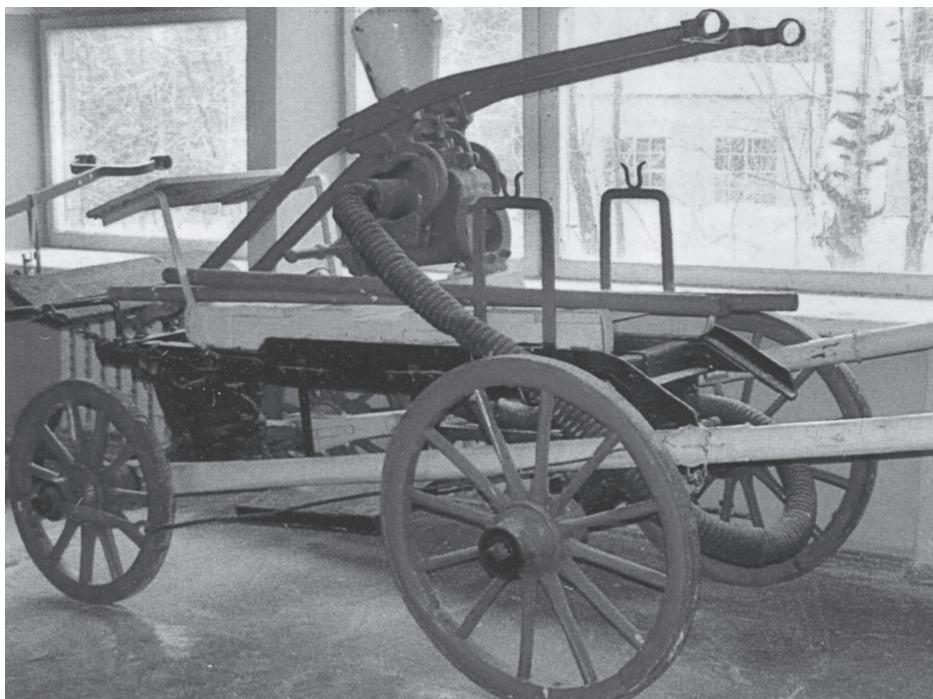
Александра Никифоровна Панфилова

Еще один пример — Панфилова Александра Никифоровна, которая в 1941 г. пришла на службу в пожарную охрану вместо ушедшего на фронт мужа, Федосова Михаила Антоновича, начальника пожарной части № 5 г. Новосибирска (погиб в 1942 г.). Александра Никифоровна работала сначала рядовым пожарным в караульной службе и наряду с мужчинами занималась прокладыванием рукавных линий при тушении пожаров, эвакуировала людей. Зима в Новосибирске тогда была лютая, брезентовая «боевка» (БОП, боевая одежда пожарного) замерзала на морозе, руки и ноги сгибались с трудом...

Вспоминая тушение пожара в 1943 г. на картонной фабрике, Александра Никифоровна говорила: «Руки были в холоде, а ноги буквально в огне!»

После победы Александра Панфилова прослужила радиотелефонистом в пожарной части № 5 до 1972 г., а затем ушла на заслуженный отдых.

Я была лично знакома с Панфиловой: члены Совета ветеранов пожарной части № 5 Заельцовского района часто навещали ее. Александра Никифоровна прожила долгую жизнь, воспитала троих детей, всем дала высшее образование и умерла в возрасте 90 лет.

Пожарный насос «Красный факел»

* * *

Судьбы женщин, работавших пожарными в годы Великой Отечественной войны в нашем городе и области, давно не дают мне покоя — ведь слишком тяжкий физический труд подразумевает профессия огнеборца! Женщины официально могут быть пожарными только в двух странах — в Америке и Израиле, в которых, правда, совершенно другая, отличная от нашей стратегия и тактика борьбы с огнем: у них отсутствует в тушении такой чисто военный термин, как «разведка», априори подразумевающий для российского пожарного дополнительный риск.

В России женщины никогда не служили пожарными, надеюсь, и впредь не будут, потому что во время Великой Отечественной войны это стало исключительным случаем и вынужденной мерой.

Увековечение памяти этих славных женщин — наша общая задача, являющаяся важным элементом связи поколений, помогающая установлению исторической памяти о боевых и трудовых заслугах наших земляков.

Иллюстрации приводятся по изданиям: 100 лет пожарной охране г. Новосибирска / Авт.-сост. Корзюк А., Андреев В. — Новосибирск, 1997; Лебедев А. Н. Летопись Бердской пожарной охраны в фотографиях, документах и воспоминаниях. — Бердск, 2019; а также по материалам Выставки пожарно-спасательной службы Новосибирской области ГКУ НСО «Центр по обеспечению мероприятий в области гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и пожарной безопасности Новосибирской области».

Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет

Валерия ДРУЖИНИНА

КОЛЛЕКЦИЯ ИЗ ДЕТСТВА

*Елочные украшения в фондах
Новосибирского государственного краеведческого музея*

Какие образы приходят вам в голову, когда вы слышите словосочетание «музейные коллекции»? Наверное, многие в первую очередь представляют себе изысканные предметы интерьера, археологические находки, старинную мебель... Но бывают в музеях собрания на первый взгляд не такие серьезные и, так сказать, не академические.

Что, если бы мы именовали музейные коллекции соответственно эмоциям, которые они вызывают? Что, если бы говорили о коллекциях счастья, боли, красоты, гнева, коллекциях запахов или, скажем, коллекциях юности, любви, разочарований или детских воспоминаний?

А ведь все, что мы чувствуем, так или иначе тоже относится к истории — будь то вчерашний день или прошлый век, — к истории всего человечества или отдельно взятой семьи. И не за этими ли собраниями эмоций, знаний и воспоминаний многие люди приходят в музей, особенно в смутные времена? Осознать, понять, сопоставить, проанализировать и решить для себя что-то важное, обратиться к своему внутреннему миру и его связи с историей страны или города, своих предков — возможно, мы об этом не задумываемся, посещая музейные экспозиции, но подспудно ощущаем все это...

* * *

В Новосибирском государственном краеведческом музее хранится одна не слишком заметная и не самая большая, но одна из самых эмоциональных по своему воздействию и яркости воспоминаний коллекция — елочных украшений. Целенаправленное комплектование ее в музее началось в 2012 г., а сейчас коллекция насчитывает более 800 предметов и продолжает пополняться.

Не каждый человек (даже легко выбрасывающий доставшиеся от бабушек-дедушек одежду, мебель и бытовые предметы) готов расстаться с елочными игрушками, ведь часто это идеальноеместилище счастливых ли, горьких ли, но — воспоминаний о детстве, семье, доме, о нас самих, какими мы были, пока

не утратили веру в Дедушку Мороза и не распрощались с многочисленными иллюзиями... И тем не менее значительная часть нашей коллекции — елочные игрушки, полученные от жителей Новосибирска. Часто сдатчики были людьми пожилыми, помнящими эти свои сокровища с детства, но опасавшимися за их будущую сохранность. Внесли большой вклад в комплектование коллекции и многие сотрудники музея. Довольно значительное количество елочных украшений было приобретено нами в антикварных салонах нашего города, а несколько экземпляров были привезены из Томска и Красноярска.

Отдельно хотелось бы отметить крупное частное собрание елочных украшений, поступившее от жителя Новосибирска 1963 г. рождения. По рассказу сдатчика, в детстве у него не было ярких фабричных елочных игрушек и, став взрослым, он решил исполнить свое детское желание — собрал за много лет внушительную коллекцию, большая часть которой теперь будет радовать наших посетителей на выставках.

Также с большой теплотой хотелось бы вспомнить и двух жительниц Новосибирска, пополнивших наши фонды просто удивительными предметами!

Одна из них преподнесла невероятный сюрприз, в конце 2017 г. подарив музею настоящее сокровище — около тридцати елочных украшений (выпущенных в конце 1930-х — 1950-е гг.), половина из которых — особо ценные ватные игрушки. Сдатчица рассказала, что помнит игрушки с детства (с конца 40-х гг.) — по ее словам, примерно в 1948 г. для детей из семей их дома устроили общую новогоднюю елку, нарядив ватными игрушками (как раз теми, которые она подарила нам). Позже, в 60-е гг., они с мужем сами покупали игрушки в магазине «Синтетика» и в ЦУМе, а также в магазине на ул. Богдана Хмельницкого, где всегда был большой выбор и стеклянных, и ватных игрушек (по словам сдатчицы, «там было московское снабжение»).

От другой женщины (родившейся в 1938 году) мы получили не менее ценные елочные украшения: ватные, картонажные, стеклянные (также периода 1930—1950-х гг.), и что особенно замечательно — все они лежали в подлинной большой картонной коробке с надписью: «Главунивермаг. Елочные украшения. НКТ Новосибирск». По воспоминаниям сдатчицы, именно в этой коробке был подарен ей прекрасный набор игрушек, которые бережно хранились в семье.

Если говорить о временных рамках нашей коллекции, то ее основа — период с конца 1930-х до 1960-х гг. Это связано с самой историей елочной игрушки в СССР и тем, что празднование Нового года в нашей стране было возобновлено лишь накануне 1936 г. В условиях же потрясений первой половины XX в. в нашей стране (тем более в таком молодом городе, как Новосибирск) шансов на сохранение дореволюционных елочных украшений было крайне мало.... В конце 1930-х гг., когда производство елочных игрушек в СССР только налаживалось, стеклянные елочные игрушки были доступны в основном населению крупных городов, потому что не было возможности обеспечить огромную страну. В годы Великой Отечественной войны елочные украшения часто были самодельными и недолговечными, а те, что продолжали поступать в продажу, изготавливались из отходов производства на различных предприятиях (например, из проволоки на заводе «Москабель») и являются в настоящее время довольно редкими. Подлинный же расцвет производства елочных украшений в СССР приходится на 1950-е гг., а со второй половины 1960-х гг., как известно, советские елочные украшения постепенно теряют качество и уникальность, становясь массовой продукцией.

Кроме советских елочных украшений в нашей коллекции присутствуют и несколько десятков ценных изделий производства ГДР — в том числе два превосходных набора шаров и фигурных украшений.

* * *

Резкий всплеск интереса к советской елочной игрушке произошел в последнее десятилетие. Причин этому множество, и они связаны как с общими социально-политическими процессами в нашем обществе и сменой поколений, так и с естественным течением времени, повышающим ценность его материальных свидетельств.

Нельзя не упомянуть, что крупные столичные коллекции советских елочных украшений начали складываться еще в 1990-х гг., а в данный момент интернет изобилует сотнями статей об истории советской елочной игрушки, причем все они местами дословно повторяют друг друга, что, с одной стороны, неизбежно, ведь масштабные серьезные исследования по истории елочных украшений в России единичны, а с другой — некоторые важные факты настолько общеизвестны, что без повторений не обойтись.

Несравнимо сложнее обстоит дело со знаниями о каждом конкретном предмете, ведь елочные игрушки (как и одни из самых сложных предметов в любом музее — изделия из стекла) не имеют клейм. Очень сложна, запутанна и частично забыта история не только многочисленных мелких артелей и мастерских, но даже и крупных фабрик, выпускавших елочные украшения.

Существует лишь два серьезных каталога елочных украшений. Первый — «Елочные украшения. 1936—1970 годы. Гид-каталог» (2010 г.), составленный коллекционерами Е. Балашовой, А. Прибытковой и С. Белоглазовым, — включает в себя елочные украшения из разных материалов и является первым «лучом света в темном царстве». А в конце 2019 г. неполным составом того же авторского коллектива был издан единственный в настоящее время масштабный каталог советских стеклянных елочных украшений, содержащий бесценные сведения о заводах Москвы и Ленинграда, производивших елочные игрушки, и, что особенно ценно, данные о нескольких десятках авторов елочных игрушек, а также совершенно уникальные протоколы заседаний Художественно-технического совета (ХТС) Всесоюзного научно-исследовательского института игрушки СССР (ВНИИИ). Эти же авторы готовят еще два тома каталогов, которые будут посвящены ватным, картонажным и прочим елочным украшениям.

Что же касается изучения истории елочной игрушки и Нового года в России, то настольными книгами тех, кто этим занимается, являются монография Елены Душечкиной «Русская елка: История, мифология, литература» и другие ее статьи, а также монография Аллы Сальниковой «История елочной игрушки» и ряд других полезных изданий и статей, освещающих отдельные стороны вопроса. Кроме того, елочные украшения — это тема, где очень важным источником являются устные свидетельства, непосредственно живые воспоминания, рассказы (в том числе и самих сдатчиков игрушек) о новогодних елках их детства.

Какие же вообще выпускались в СССР елочные игрушки? Принято классифицировать елочные украшения по материалам и технике изготовления, по основным темам, группам, а также хронологически.

Итак, по материалам и технике изготовления елочные украшения нашей коллекции можно разделить на четыре основные группы: картонажные, ват-

ные, монтированные (выполненные из смонтированных на проволоке трубочек стекла и отдельных бусин) и, наконец, ставшие основными и классическими — фигурные стеклянные елочные украшения и шары. Однако каждая из этих групп может быть разделена на более мелкие подгруппы, а отдельным блоком нужно выделить фигуры под елку Деда Мороза и Снегурочки и гирлянды из различных материалов. Также рассказ о видах наших украшений будет учитывать хронологический и тематический принципы.

«Сердце Лауши»

Как было сказано выше, большая часть нашей коллекции — советские елочные игрушки 1930—1960-х гг., но есть одно уникальное немецкое украшение, с которого мы и начнем рассказ, ведь его история связана с историей появления всеми любимого елочного шара.

Шар — самое главное, самое первое и самое символическое украшение рождественской и новогодней елки. Менялись эпохи, традиция празднования Рождества и Нового года, видоизменяясь, переходила из страны в страну, переменчивой и прихотливой была и мода на елочные украшения. В нашей стране в елочных игрушках нашли отражение все политические и социально-экономические процессы, на внешний облик праздничной елки влияли войны, оставили свой след революция и даже запрет Нового года, а шар продолжал в прямом и переносном смысле — как зеркало — отражать и свет Рождества, и портреты вождей революции, и лица многих поколений, отмечавших в разное время такой разный по смыслу, но самый любимый всеми праздник.

Историю шара мы благодаря разным источникам, воспоминаниям и исследованиям можем проследить достаточно подробно. Первые елочные шары были... съедобными! Потому что это были яблоки, и это украшение на несколько

веков старше привычных нам стеклянных елочных шаров. Рождественское дерево, традиция которого относится прежде всего к немецкой культуре, представляло собой образ райского древа, а яблоки играли роль символических райских плодов, в то же время напоминая людям о глубоком смысле запретного плода и греха.

По преданию, в 1847 г. в Тюрингии (один из старейших центров стеклоделия в Германии) случился неурожай яблок, и в городке Лауша находчивым стеклодувом Хансом Грейнером для украшения елок были созданы «яблоки» стеклянные, шары. Внутри украшения покрывались слоем ртути или свинца, были толстостенными и тяжелыми, и лишь

«Сердце Лауши»

в 1870 г. Луи Грейнер-Шолотфегер изготовил первое тонкостенное украшение, покрытое слоем нитрата серебра. А в Лауше вскоре кроме шаров начали делать игрушки и других форм, в том числе — в форме сердца. Однако за всеми этими

стеклянными украшениями «первого поколения» закрепилось название «kugel» (шар).

В нашей коллекции хранится украшение такого типа, и мы поэтично назвали его «Сердце Лауши». Оно приобретено краеведческим музеем в 2012 г. в одном из антикварных салонов Новосибирска вместе с несколькими десятками советских игрушек 1930—1950-х гг. — массивное толстостенное изделие темного марганцевого стекла с так называемым эффектом кракле (тонкой сеточкой трещин на внутренней поверхности). Однако не все так просто оказалось с датировкой: в процессе изучения выяснилось, что копировать эти знаменитые «кугели» начали уже в первой половине XX в. в США, а затем и в Европе. Спекуляция стилизациями «kugels» стала настоящей проблемой для коллекционеров, а отличаются самые старые виды от более новых по мельчайшим деталям рисунка колпачка или среза «стебелька». В настоящее время в Германии и некоторых других странах Европы действуют несколько весьма уважаемых фирм, занимающихся исключительно производством «kugels» в самых различных стилях. Наше же украшение, скорее всего, относится примерно к середине XX в.

В России стеклянные елочные игрушки появились во второй половине XIX в., но доступны они были лишь богатым семьям. Правда, у нас были и свои традиции стеклянных украшений — не шаров на елку, но действительно украшений — стеклянных бус. В окрестностях города Клина существовал особый кустарный промысел, называвшийся «пустяшным», — умельцы выдували стеклянные «пустые» (то есть полые) бусины разных размеров, их в несколько рядов носили крестьянки поверх традиционного костюма, и, наверное, вы уже догадались, что именно это и есть предшественники любимых в 1950-е гг. елочных гирлянд-«бус». В нашей коллекции есть несколько экземпляров таких гирлянд разных типов — выпускались они многими крупными и мелкими предприятиями Москвы и Московской области (Московским электроламповым заводом, Клинским стекольным заводом, заводом «Лаборприбор» и другими).

Но снова вернемся к елке дореволюционной: одними из первых значимых и символических ее украшений были золоченые орехи. Именно с ними связаны самые трогательные традиции изготовления всей семьей самодельных украшений за несколько дней до праздника. Прекрасное описание такой подготовки оставила дочь Льва Николаевича Толстого — Татьяна Львовна Сухотина-Толстая: «По вечерам мы все собирались вокруг круглого стола под лампой и принимались за работу... Мама приносила большой мешок с грецкими орехами, распущенный в какой-нибудь посудине вишневым клеем... и каждому из нас давалось по кисточке и по тетрадошке с тоненькими, трепетавшими от всякого движения воздуха золотыми и серебряными листочками...» Золотые и серебряные грецкие орехи остались и на советской елке — в отличие от многих других рождественских украшений. Более того — многими заводами и фабриками выпускались стеклянные грецкие орешки с тонко прорисованной рельефной поверхностью, окрашенные в золотистый, серебристый и медный оттенки. Особенно искусными выглядели стеклянные орешки в наборах немецких елочных украшений, производившихся в ГДР. Орехи перечисляются во многих советских рекомендациях по украшению новогодней елки, упоминаются в детских новогодних стишках и песенках. В нашей коллекции хранятся несколько подобных украшений — как советского, так и немецкого производства.

Кстати, нельзя не отметить, что в последние годы орехи с предсказаниями внутри снова стали очень популярны и продаются на рождественских ярмарках.

Картонажные украшения

Однако вернемся к истории елочных украшений в России. Стекланные елочные игрушки, как мы помним, были дороги и позволить их себе могли немногие. Более доступными в начале XX в. были украшения из картона и бумаги — в дамских журналах накануне Рождества даже появлялись специальные инструкции и схемы изготовления таких украшений, а на рождественских базарах закупались материалы и готовые наборы с хромолитографиями и картонажами (картонажные елочные украшения появились в XIX в. в Германии, очень славились «дрезденские» картонажи, пользовавшиеся популярностью и в России, — это нередко были объемные и сложные конструкции, воспроизводившие различные сюжеты). Снова обратимся к воспоминаниям Т. Л. Сухотиной-Толстой: «Кончивши орехи, мы принимались за картонажи. Заранее была куплена бумага, пестрая, золотая и серебряная. Были и каемки золотые, и звездочки для украшения склеенных нами коробочек. Каждый из нас старался придумывать что-нибудь новое, интересное и красивое. Клеились корзиночки, кружочки, кастрюлечки, бочонки, коробочки с крышками и без них, украшенные картиночками, звездочками и разными фигурами».

С конца 1930-х гг. картонажи (разделяемые на клееные и штампованные) начинают широко выпускаться и в СССР — самыми распространенными были фольгированные картонные украшения, изготавливавшиеся несколькими артелями и фабриками.

В нашей коллекции хранится около 100 картонажных изделий различной тематики, в том числе несколько особенно качественно выполненных объемных украшений с тонким тщательным тиснением ленинградской артели «Пром-

полиграф» и московской фабрики «Универпром» конца 1930-х гг. Но особенно восхищают нефольгированные картонажи — такие как, например, «Кролик с дудочкой» или «Белый медведь» с подробно вытесненным изображением шерсти зверушек, объемные — «Лампа», «Ящерица», «Муха» или «Клоун». Большинство фольгированных картонажей окрашивались в разные цвета, но очень хороши, на наш взгляд, и серебристые и золотистые одно-

«Ящерица» (картонаж)

тонные украшения, например, дирижабль с надписью: «СССР. Осоавиахим» (1938 г.).

К картонажным украшениям относятся также различные клееные сюрпризницы, или бонбоньерки, как они назывались изначально (от французского *bonbonnière* — «конфетница»). Эти небольшие разноцветные картонные коробочки и кулечки с картинками наполняли сладостями и вешали на елку. В нашей коллекции хранятся три сюрпризницы 1950-х гг., две из них — производства артели «Изокульт».

Ватные украшения

В СССР с 1924 г. в рамках антирелигиозной пропаганды началась жесткая борьба с праздником Рождества и попавшей в опалу елкой, которые с 1929 г. были окончательно запрещены. Но в 1935 г. накануне Нового года в газете «Правда» появилось известное обращение кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Павла Постышева: «Следует этому неправильному осуждению елки, которая является прекрасным развлечением для детей, положить конец». И уже новый, 1936 год в срочном порядке встретили с наряженными старыми игрушками любимыми деревьями — правда, рождественскую звезду сменила красная...

В первые годы после возвращения праздника елочных украшений отчаянно не хватало, что способствовало активному производству, пожалуй, самых сказочных и за счет материала визуально очень «рождественских», но уже новых советских елочных украшений — ватных.

Ватные игрушки впервые появились на рождественских елках еще в конце XIX в., однако их звездным часом стал конец 1930-х гг. в СССР, где развернулось широкое производство недорогих и простых в изготовлении фигурок, изображавших пионеров, красноармейцев, спортсменов, представителей различных рабочих профессий и всевозможных счастливых и обязательно чем-то занятых (играющих в снежки, катающихся на санках, танцующих) детей. Отдельно стоит отметить фигурки детей в национальных костюмах союзных республик, которые позднее стали важной темой и для стеклянных украшений.

Популярны были нейтральные сюжеты — звери и птицы, фрукты и овощи, были и сказочные персонажи, и, конечно же, фигурки Деда Мороза и Снегурочки (в том числе фигуры под елку).

Существовали разные способы изготовления ватных украшений: намотка на проволочный каркас, прессование, горячая штамповка, намотка на станке-веретене, а выпускали эту продукцию небольшие предприятия Москвы и Ленинграда: артели «Изокульт», «Все для ребенка», «Елочная игрушка», артель им. Шаумяна, «Кульпром», фабрики «Гигровата», ИЗО ЦПКиО им. Горького.

В нашей коллекции более 100 ватных украшений, и, признаться, невозможно выбрать лучшие и самые интересные, поскольку все они уникальны — дети, играющие в снежки, лыжник, балерины, дети на санках и в костюмах Деда Мороза, разные сказочные персонажи, несколько детей в

«Иван-Царевич с Жар-птицей»

национальных костюмах, поваренок, клоуны, ватные звери и птицы, фрукты, овощи...

Среди наших ватных игрушек есть замечательные экземпляры известных ленинградских артелей «Изокульт» и «Промигрушка», например: «Балерина», «Черкес», «Иван-царевич с Жар-птицей», «Мальчик в шляпе», «Медведь».

Одна из самых трогательных и знаковых ватных елочных игрушек — «Собака-санитар» (1940-е гг.), напоминающая о собаках, вынесших с поля боя тысячи раненых в годы Великой Отечественной войны. Еще одна ценность коллекции — уникальный набор ватных игрушек Пушкинской фабрики елочных украшений (1960-е гг.), состоящий из пятнадцати одинаковых по форме фигурок девушек, одетых в красочные национальные костюмы союзных республик СССР. Фигурки выполнены оригинальным способом намотки на станке-веретене.

И конечно, есть несколько ватных фигур под елку (Деда Мороза и Снегурочки), среди которых хотелось бы отметить изделие киевской фабрики «Победа» 1960-х гг. — эта фигура не самая ранняя в нашей коллекции, но она замечательна по своему исполнению.

Монтированные украшения

«Комбинированные с бусами и стеклом» (как писали в советских прейскурантах) украшения появились в конце XIX — начале XX в. в Богемии — в городе Яблонец-над-Нисоу изготавливались удивительной красоты конструкции из множества стеклянных бус и трубочек на тонкой металлической «паутинке» (такие украшения позже у нас называли «люстрами»). Советские монтированные украшения, как и все остальные виды игрушек, имели свою специфику — особенно приметными были изделия на темы крестьянского быта: колодцы,

мельницы, прялки, избушки, также в большом количестве изготавливались пятиконечные звезды, подвески, различные летательные аппараты и космические ракеты. В целом монтированных украшений в СССР выпускалось меньше, чем других типов елочных игрушек, и производились они всего несколькими предприятиями, прежде всего — на заводе «Лаборприбор» (город Клин).

В Новосибирском государственном краеведческом музее хранится около 40 таких украшений, и некоторые из них, возможно, выпущены в ГДР и Чехословакии. Среди наших экспонатов есть ракеты, пятиконечные звезды, стратостат, различные подвески, бытовые предметы, цветы и ягоды и такие оригинальные конструкции, как колодец, мельница и даже изящные лодочка и стульчик.

«Звезда» (верхушка для елки)

Стоит отметить и монтированную верхушку на елку в виде пятиконечной звезды из посеребренного стекляруса с серединой из цветного дрота — это, без сомнения, знаковый предмет для советской елки. Переходя к рассказу о фигурных стеклянных украшениях, отметим, что в СССР вообще выпускалось множество елочных игрушек с идеологической символикой, а самыми массовыми были подвески с красной звездой, серпом и молотом, монтированные и формовые, разных размеров и видов окрашивания — они производились большинством предприятий, выпускавших стеклянные елочные игрушки.

Фигурные стеклянные украшения и шары

Мало кто в детстве, если оно пришлось на 1930—1960-е гг., задумывался, насколько серьезно и жестко контролировалось создание детских игрушек (и в том числе — елочных украшений) в СССР...

Всем известные сказочные наборы и отдельные игрушки (просто звери и птицы!) не могли быть выпущены фабриками и заводами без одобрения ХТС НИИИ (Художественно-технического совета Научно-исследовательского института игрушки). Многие авторы елочных украшений являлись ведущими художниками НИИИ, где действовала отдельная лаборатория елочных украшений и разрабатывались образцы игрушек из разных материалов.

В дополнительных материалах к изданному в 2019 г. каталогу советских стеклянных елочных украшений впервые полностью освещен процесс создания и утверждения известнейших тиражных елочных украшений и наборов. В огромном приложении к каталогу собраны уникальные архивные материалы, и прежде всего — протоколы заседаний ХТС, на рассмотрение которого представлялись елочные украшения, и каждая деталь, оттенок цвета или лишний бугорок в рельефе обсуждались с точки зрения идеологической «правильности» и влияния на ребенка.

Также эти материалы проливают свет на массу технических вопросов создания советских елочных украшений, на историю заводов и фабрик Москвы и Ленинграда, на цены и тиражи игрушек, на особенности спроса и изменения предпочтений в 1960—1970-е гг.

Главными производителями советской стеклянной елочной игрушки в период ее расцвета были «Завод стеклянной и оптической игрушки» в Москве (сменивший около десяти названий, из-за чего у многих коллекционеров возникала путаница в атрибуции изделий) и артель «Культигрушка» в Ленинграде, но при этом елочные украшения изготавливали еще несколько десятков фабрик и артелей по всей стране, чьи изделия, к сожалению, атрибутировать очень сложно, потому что многие просто тиражировали игрушки, разработанные НИИИ.

И далее, говоря о темах советских стеклянных елочных украшений, примем за основу лучшую, на наш взгляд, тематическую классификацию, предложенную в вышеупомянутом каталоге:

1. сказочные персонажи;
2. Деды Морозы и Снегурочки;
3. символы эпохи;
4. дети;
5. игрушки различной тематики;
6. окружающий мир;
7. шары.

В каждой группе можно выделить еще несколько блоков, причем каждый из них по-своему показывает подход к елочной игрушке в СССР, отражая некоторые процессы истории страны в целом. Мы в первую очередь остановимся именно на предметах из коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея: фигурные стеклянные украшения и шары составляют основную ее часть (более 500 единиц), многие из них — фигурки на прищепках.

Сказочные персонажи

Елочные украшения на темы сказок часто составляли наборы, за полным составом которых теперь охотятся многие коллекционеры. Фигурные украшения по мотивам произведений А. Пушкина, П. Бажова, К. Чуковского, басен И. Крылова, русских народных сказок не противоречили советскому воспитательному контексту. Кстати, наборы по сказкам А. Пушкина и набор «Приключения Чиполлино» (по книге Д. Родари) были одними из самых ярких, проработанных в художественном и техническом отношении и сейчас очень ценятся среди коллекционеров. Благодаря не раз уже упомянутому каталогу теперь мы знаем имена художников НИИИ, разработывавших многие из известных наборов.

В нашей коллекции представлены украшения из наборов «Сказка о рыбаке и рыбке», «Руслан и Людмила» и «Сказка о золотом петушке» (худ. Павлова Ю. Н.), «Сказка о царе Салтане», «Серая шейка» и «Доктор Айболит» (худ. Кузьмина Ю. Н.), «Серебряное копытце» (худ. Иванова В. А.), «Морозко» (худ. Кочетов Н. М.), «Приключения Чиполлино» (худ. Воинова К. А.), а также отдельные сказочные персонажи, разработанные художниками НИИИ, но не входившие в наборы.

Отдельно хотелось бы остановиться на знаменитом наборе «Приключения Чиполлино» — вот что написано о нем в каталоге: «В 1956—1957 гг. Роспромсоветом был проведен открытый конкурс на новые образцы игрушек и игр-занятий. На рассмотрение жюри было представлено 862 образца игрушек и игровых наборов авторами из многих городов и областей РСФСР... и союзных республик. Жюри с участием специалистов-технологов, художников и педагогов рассмотрело поступившие образцы и отобрало 163, за которые было присуждено 72 премии. По разделу “Елочные игрушки и украшения” был премирован набор стеклодувных стеклянных елочных украшений, изображающих персонажи сказки Джанни Родари “Приключения Чиполлино”. Было отмечено, что “сказочность, фантастичность сюжета позволили художникам в условных и лаконичных формах создать яркие и красочные формы”. Набор был создан коллективом авторов и художников из Ленинграда К. А. Воиновой, Н. А. Барышевой, Т. И. и Е. В. Королевыми».

В материалах к биографии К. А. Воиновой представлены также различные важные фотодокументы, и в том числе — фотокопии списков наборов елочных украшений «Приключения Чиполлино» разного времени.

«Набор елочных игрушек “Приключения Чиполлино” был премирован суммой 2000 рублей, кроме того Институт игрушки приобрел права на них еще за 2000 рублей. По разделу “Елочные игрушки и украшения” самый высокий показатель».

Первый вариант состоял из восьми игрушек: Пес Мастино, Доктор Мухомор, Чиполлино, Вишенка, Лимончик, Профессор Груша, Синьор Помидор и

Барон Апельсин. Одновременно с указанными восемью игрушками были разработаны: Крот, Тюлень, Сапожник Виноград, Горошек, Синьор Помидор под арестом, Земляничка и Редисочка. Были ли представлены эти игрушки на конкурс в составе набора — неизвестно. В дальнейшем набор был дополнен еще восемью игрушками: Мистер Моркоу, Лук Порей, Фасолинка, Доктор Каштан. Держи-Хватай, Мышь Долгохвост, Чиполино Узник и Симпатичный Медведь (названия приведены в соответствии с перечнем, прилагавшимся к набору). Набор укладывался в специально разработанную для него коробку».

Вообще, каждый из наборов елочных украшений имеет свою историю создания, и невозможно сразу рассказать обо всех, но хотелось бы, однако, упомянуть еще об одном оригинальном и ярком украшении, иллюстрирующем возникающие порой проблемы атрибуции, — это фигурка «Лесовик». К сожалению, автор данной игрушки нам неизвестен, а выпускалась она, видимо, несколькими предприятиями. Украшение запоминается своим необычным визуальным решением, и часто эту игрушку называют «Месяц», что неудивительно, учитывая форму украшения, которая именно его и напоминает, — с одной стороны украшения рельефно выполнено серебристое лицо улыбающегося старика с длинной бородой.

Деды Морозы и Снегурочки

В нашей коллекции представлено одиннадцать украшений в виде фигурок Деда Мороза и четыре — Снегурочки за период с конца 1940-х до 1980-х гг. (в том числе — одно изделие из ГДР).

Относительно советского елочного Деда Мороза нужно заметить, что изображался он по нескольким устоявшимся канонам — с мешком подарков за плечом и игрушками в руках, с маленькой елочкой в руке или с посохом, причем сочетания этих элементов могли меняться, но один из них присутствовал обязательно. Интересно, что елочные украшения в виде Деда Мороза изготавливались с учетом многонационального состава СССР, то есть образ персонажа варьировался в диапазоне от синеглазого старца в красном кафтане до смуглого, с азиатскими чертами лица старика в практически этнографическом халате. Выпускались игрушки в виде Деда Мороза из всех возможных материалов, разных размеров и цветов всеми фабриками и заводами по производству елочной игрушки. Без Деда Мороза не обходилась ни одна советская елка, как и без его вечной спутницы — Снегурочки, чей образ сформировался в России к концу XIX в. и стал оригинальной русской находкой в новогодней традиции.

Из наших украшений стоит отметить очень яркую фигурку Снегурочки, разработанную в 1953 г. художницей Института игрушки Ю. Н. Павловой и выпускавшуюся в разных вариантах росписи артелью «Культигрушка» и Московским заводом стеклянных украшений и оптических изделий.

Символы эпохи

Многие украшения из данного раздела крайне редки, так как выпускались небольшими тиражами и недолгое время, но в целом прежде всего это — многочисленные шары и подвески в форме (либо с изображением) советской пятиконечной звезды, украшения с изображениями серпа и молота, пионеры и летчики, кремлевские башни и деятели революции, летательные аппараты (стратостаты,

«Зимовщик» из набора
«Арктика»

дирижабли и парашюты), военная техника, украшения на тему индустриализации, освоения Арктики, дружбы народов и борьбы за мир — и огромное количество украшений на тему космоса! Одним словом, елочные игрушки в броской и доступной для детей форме отражали важнейшие события в стране и идеологические установки советской системы.

В нашей коллекции содержится несколько десятков таких украшений, а особенно яркие из них — это несколько дирижаблей и парашютов конца 1930-х — 1950-х гг., подвески с пятиконечной звездой, два снопа с серпами, замечательный по своей хрупкости и искусной работе «Спутник-1» (с мастерски вытянутыми при выдувании форм тончайшими деталями), ракеты, космонавты, «Зимовщик», «Белый медведь» и «Пингвин» из набора «Арктика» (1958 г.), несколько фигурок в национальных костюмах (в том числе — замечательные «Ненец» и «Узбечка» (1958 г.) авторства Л. А. Чистякова).

Дети

Самая главная тема елочных украшений 1950—1960-х гг. — счастливое советское детство, дружба народов, мир! В это время выпускалось множество как ватных, так и стеклянных елочных игрушек в виде фигурок детей (как правило, в зимней одежде) — улыбающихся, веселящихся, с флажками, куклами и игрушками в руках, танцующих, катающихся на санках... Выпускалось множество простых детских фигурок, «без занятий», одетых в зимние пальто и характерные островерхие шапочки, окрашенных яркими матовыми красками (без металлизации). Опять же подчеркнем, что эти фигурки представляли и разные народы СССР.

В нашей коллекции данные игрушки представлены в разных методах окрашивания и цветовых вариациях — «Девочка» (с куклой в руках) фабрики № 2 Бауманского РПТ (1952 г.), «Мальчик с лопаткой» художника НИИИ К. И. Горбашова (1956 г.), «Девочка с флажком» Фабрики стеклянных елочных украшений и другие.

Игрушки различной тематики

За этим на первый взгляд странным определением скрываются очень интересные украшения, многие из которых также стали знаковыми — например, всевозможные клоуны, которые приобрели популярность в 1936 г. после выхода культовой советской комедии «Цирк». Одно из самых необычных советских украшений — немножко жутковатая игрушка в виде головы клоуна, выпускавшаяся в огромном количестве вариантов окрашивания и выражения лица персонажа. Есть это украшение и в нашей коллекции, как и несколько других известных и трогательных фигурок на прищепках — например, клоун с дудоч-

кой, разработанный художником НИИИ Н. И. Юркевичем в 1951 г. и выпускавшийся несколькими ведущими фабриками.

Также к рассматриваемой группе относятся всевозможные пирамидки, матрешки, подвески-прожекторы, колокольчики и сосульки, которые тоже в достаточном количестве присутствуют в нашей коллекции. Нужно заметить, что к концу 1960-х гг. советская елочная игрушка становится все более абстрактной и появляется множество украшений, тематически не привязанных к каким-либо социально-экономическим и идеологическим процессам, — таких, как листья, капельки, сосульки, снежинки...

Одним из памятных явлений советского Нового года стали маленькие настольные елки и наборы таких же миниатюрных украшений. Появление мини-елочек и украшений-«малюток» прежде всего было обусловлено практическими соображениями — нехваткой места в квартирах, особенно в хрущевках (хотя настольные елочки появились раньше, они небольшими партиями выпускались с конца 1930-х гг.). Оригинальные отдельные наборы елочных украшений для настольных елочек начинают выпускать уже с 1949 г., например, на фабрике № 2 Бауманского райпромтреста, причем набор состоял из 49 игрушек и в него вкладывалась так называемая «спецификация» (список украшений с названиями). Но особенно популярны миниатюрные елочки и наборы к ним становятся в конце 1950-х и начале 1960-х гг., когда, по меткому выражению Аллы Сальниковой, новогоднюю елку нужно было в прямом смысле слова «вписать» в новое советское жилье.

В обычных наборах для настольной елки в среднем было 70 и более украшений, а в 1960-е начался выпуск самого большого набора, состоявшего из 88 (!) украшений. Следует отметить, что, несмотря на минимализм, качество игрушек в таких наборах было весьма высоким и большей частью они были стеклянными. В наборах для елок-малюток также присутствовали все важнейшие образы советских елочных украшений — веселые дети, урожай с обязательной кукурузой, предметы быта (особенно хороши были расписные чайнички), парашютисты, а также, конечно, всевозможные шары, подвески, животные и цветы. Входили в набор и гирлянды из стекла, часто — фигурки Деда Мороза и Снегурочки и верхушки, флажки, стеклянные свечи. Часть игрушек была металлизирована и окрашена, часть покрыта краской «по голью». Выпускались даже наборы с украшениями, покрытыми специальным составом, светящимся в темноте. Большая часть наборов производилась московским Заводом стеклянных елочных украшений и оптических изделий.

Тираж самого большого набора (88 шт.) составлял 100 000 единиц, а что касается цен, то, к примеру, набор № 4, состоявший из 68 украшений, в 1960-е гг. стоил 1 рубль 70 копеек.

Помимо московских и ленинградских фабрик эти наборы выпускали в Украинской ССР и Армянской ССР.

В нашей коллекции хранятся два замечательных набора «Малютка» в оригинальных коробках 1957 г. и 1960-х гг., один из них — Ереванского электролампового завода.

Отметим, что в настоящее время миниатюрные настольные елочки снова пользуются популярностью, например, в офисных помещениях или у людей, заботящихся об экологии.

Кроме миниатюрных украшений к настольным елочкам, выпускались игрушки и для общественных больших елок — этих тяжеловесов называли «великанами», и среди них в основном были фрукты, шары и прочие не самые

сложные по форме игрушки. По воспоминаниям многих людей, их использовали и для домашних елок, украшая нижние ветки. В нашей коллекции — несколько таких игрушек.

Окружающий мир

Это самый обширный блок, куда входят разнообразные фигурки животных и птиц, цветы, фрукты, овощи и прочие игрушки растительной тематики, а так-

«Чайник»

же большая группа предметов быта — самовары, чайники, кофейники и масса разной посуды, сумочки, туфельки и зонтики, футбольные мячи, часы, лампы и музыкальные инструменты, всеми любимые домики и фонарики. Обо всех интересных предметах этой группы в нашей коллекции рассказать невозможно — их очень много, остановимся хотя бы на нескольких.

Среди игрушек в виде животных нужно отметить «Белого медведя» (артель «Культигрушка»), «Белочку» (1954 г., худ. НИИИ М. Р. Димзе), а среди фигурок

птиц выделяются превосходный трогательный «Снегирь» (1950 г., худ. НИИИ И. В. Шибрашин), «Голубь» (1954 г., худ. Ю. Н. Павлова).

Если говорить о фигурках птиц, то нельзя не упомянуть и великолепные украшения из ГДР, которые также есть в нашей коллекции, правда, это не лесные, а своеобразные «райские» птички — хрупкие, тонкостенные, невесомые и с длинными хвостиками из синтетического волокна. В 1950—1980-е гг. в ГДР специально для СССР изготавливались многочисленные разнообразные наборы елочных украшений — многие помнят их по волшебной, рождественской по своему настроению картинке на коробке. Нельзя не сказать, что немецкие елочные украшения отличались от советских лучшим качеством серебрения и невесомостью.

В нашей коллекции есть замечательные яркие цветы на прищепках и около десятка разных корзиночек с фруктами и ягодами, которые символизировали богатый урожай и благополучие народа; также представлены игрушки, изображающие самые различные овощи, грибы и обязательные шишки. Есть у нас составленные из отдельных бусин и собранные в гроздь стеклянные ягодки калины и, конечно, несколько экземпляров «царицы полей» кукурузы — одной из самых массовых советских елочных игрушек. Почему она стала таковой, объяснять, думаем, не нужно...

Вершиной же в техническом отношении являются елочные украшения в виде самоваров, чайничков, кофейников и ламп (с вытянутыми мельчайшими тонкими носиками и ручками), а также музыкальных инструментов. Чайнички к тому же расписывались цветами или ягодами (в нашей коллекции несколько таких украшений 1950-х гг.). Имеется также «Крынка» (1952 г.), а среди других предметов обихода — «Футбольный мяч» (1952 г., худ. Э. Ф. Фадеев).

И прежде чем мы перейдем к последнему разделу, вспомним еще одну знаковую советскую елочную игрушку — «Часы», которые всегда показывали без пяти минут двенадцать. Возможно, многие знают, что появилось это украшение в 1956 г., после выхода знаменитого фильма «Карнавальная ночь», однако и до этого выпускались елочные игрушки в виде часов, будильников на ножках и даже больших настенных часов, время на которых было самым разным. Среди наших украшений представлены все эти виды, в том числе и красивейшие часы-«великаны».

Шары

В годы запрета на празднование Нового года люди тайком ставили елки и украшали их самодельными шарами из любых подручных материалов. После же официальной реабилитации праздника, когда новых елочных украшений не хватало, появились ныне уникальные и редчайшие шары из обычных лампочек разных форм, которые расписывались разными сюжетами — животные, птицы, фрукты и овощи, домики и сценки из сказок, декорировались декалькоманией и разрисовывались по трафарету. Также шары этого периода отличаются техникой окрашивания — они зачастую не имеют металлизации.

В 1930-е гг. появлялись шары с портретами советских вождей, пионеров и летчиков, красных звезд и всевозможных символов СССР, однако многие из них настолько редки, что найти их в наше время практически невозможно. В конце 1930-х московские фабрики (Куйбышевский райпромтрест, «Спортигрушка № 2») выпускали превосходные елочные шары без серебрения, но с росписью. Несколько таких шаров есть и в нашей коллекции, например, «Васильки» (1938 г., Мосгорпром), «Лебедь» и другие.

В 1950-е гг. производят великолепные не только окрашенные матовыми красками без серебрения, но и сияющие серебристые шары со всевозможным декором, часто — с рельефными рисунками. Нужно сказать, что для елочного «шара» нет ограничения по форме, он мог быть не только круглым, и особенно великолепными были шары-прожекторы с рельефными углублениями с одной

Шар «Васильки»

или двух сторон, многократно отражавшие свет гирлянд и выглядевшие как драгоценные камни. Шары продолжали изменяться в контексте исторического процесса, новых идей и популярных сюжетов, и в нашей коллекции есть два шара 1950-х гг., посвященные движению за мир, — шар с символическим белым голубем и шар с надписью: «Миру — мир».

Конечно, нельзя обойти стороной и елочные шары из ГДР, набор которых мечтали получить многие дети — особенно в 70-е гг., когда качество отечественной стеклянной елочной игрушки начало снижаться. В нашей коллекции есть набор таких шаров 1960—1970-х гг.

В 1990—2000-е гг. были периоды, когда в моду вошли елки, украшенные одними лишь одноцветными шарами, и, наконец, в настоящее время на немногих оставшихся в России фабриках елочной игрушки изготавливаются великолепные изделия с ручной сложной росписью, сверкающие самыми разными красками, блистающие присыпками, с морозными узорами и пейзажами русской зимы.

В России и других странах создаются дорогие дизайнерские елочные шары, ставятся рекорды по самым дорогим, самым большим елочным шарам, но суть этого украшения остается неизменной, и самое главное его значение в одном — оно все так же отражает свет волшебства, волшебства рождественского дерева и любимого праздника детства.

Кажется, мы познакомились со всеми видами елочных украшений, но чего же еще не хватает? Ах да, гирлянды!

В нашей коллекции есть как уже упоминавшиеся выше гирлянды-«бусы», так и бумажные, стеклянные электрические гирлянды 1950—1970-х гг. Отдельно нужно сказать об одной из них: «Электрогирлянда фигурных елочных ламп» Московского электролампового завода в настоящее время является одной из самых ценных и самой яркой советской гирляндой. Выпускалась, видимо, довольно ограниченный период времени (с конца 50-х до начала 60-х), а ее фигурки, выполненные качественно, со сложным рельефом, окрашены особо устойчивыми плотными красками, которые должны были выдерживать сильное нагревание. Полный комплект гирлянды состоял из пятнадцати фигурок, и, за исключением обязательного символа времени (кукурузы) и дирижабля с надписью «СССР», остальные были максимально сказочны и близки детям.

* * *

В последние десять лет в России процветает рынок коллекционных елочных украшений, где цены на некоторые редкие экземпляры порой взлетают до небес. В последние годы елочные игрушки активно подделываются — спекуляция, жаркие споры, аукционы и все, что касается «серьезного» антиквариата, сейчас в полной мере относится и к теме елочных украшений. И в данной ситуации очень важно то, что посетители Новосибирского государственного краеведческого музея могут увидеть на выставках или на экскурсии по фондам хранящиеся в прекрасных условиях подлинные сокровища елочной игрушки.

Литература

1. Сальникова А. История елочной игрушки. М., 2012.
2. Душечкина Е. В. Русская елка. История, мифология, литература. СПб., 2014.
3. Душечкина Е. В. Три века русской елки // Наука и жизнь, 2007, № 12; 2008, № 1.
4. Ким Е. Н. Елка. Сто лет тому назад. М., 2016.
5. Углик А. Новый год в России. История праздника. М., 2016.
6. Елочные украшения. 1936—1970 годы. Гид-каталог. Составители: Е. Балашова, А. Прибыткова, С. Белоглазов. СПб., 2010.
7. Елочные украшения. 1900—1970. Гид для коллекционера. СПб., 2004.
8. Балашова Е. А., Прибыткова А. А., Балашов В. В., Прибытков Д. В. Советские стеклянные елочные украшения. Каталог. М., 2019.
9. Рождественская елка. Стихи и рассказы русских писателей. История и традиции праздника. М., 2019.
10. Прейскурант елочных украшений. М., 1956.

Глеб ШУЛЬПЯКОВ

ЗА ГОД ДО ВОЙНЫ

Отрывок из новой книги
о Константине Батюшкове

Годы накануне войны 1812 года были плачевными для российской экономики. Рынок не справлялся с торговыми санкциями, наложенными Наполеоном на главного российского импортера — Англию. Товарооборот через балтийские порты сократился втрое; расходы почти в два раза превысили поступления в государственную казну; бумажный рубль потерял около пятидесяти процентов стоимости и продолжал падать (жалобы на нестабильность русских денег слышны даже в письмах Батюшкова); английский оружейный свинец ввозили в страну контрабандой.

Чтобы элементарно *одеть* разрастающуюся армию, следовало завести собственные фермы и построить мануфактуры. Чтобы подготовить рекрутов к военной жизни, а не бросать вчерашних хлебопашцев в пекло, требовалось устройство «депо», где новобранцы проходили бы первичную подготовку. Только на одно пребывание в «депо» планировалось отводить до девяти месяцев. О скором запуске железодельных заводов в Ижевске говорить не приходилось — чтобы догнать Европу по производству оружия, требовались серьезные сроки. Для сравнения: на одного российского пехотинца приходилось шесть боевых па-

тронов в год, англичане получали в пять раз больше. Наконец, оставалась нерешенной еще одна, и ключевая, задача — план войны.

Первоначально Александр был воодушевлен идеей наступать, однако в ходе консультаций с Адамом Чарторыйским¹ стало ясно, что аннексированная Польша, на территории которой предполагалось вести войну, вряд ли поддержит русских, и император переменялся в мыслях. К 1811 году он утвердил план Барклая, имевший отступательный характер. План этот предсказуемо не пользовался популярностью ни в ура-патриотически настроенном обществе, ни среди русского офицества, воспитанного в наступательном и победном духе. К тому же опасались пугачевщины.

Но идея заманить врага поглубже, изматывая его мелкими стычками и разрушая коммуникации, нравилась Александру. И не только аналогией с Петром Первым (который заманил шведов под Полтаву) — но и тем, что такая война давала возможность выставить Наполеона агрессором и воззвать к священному гневу соотечественников. Но как и где про-

¹ Адам Чарторыйский — польский князь, в 1804—1806 гг. был министром иностранных дел Российской империи.

изойдет вторжение? Современная война поддавалась хоть какому-нибудь планированию лишь на первом этапе, дальше ее ход становился пугающе непредсказуемым. Требовался полководческий талант и интуиция, чтобы вести такие войны. Наполеон давно доказал, что обладает этими качествами. Своим генералам он предоставлял свободу в средствах достижения цели. Но генералы русского штаба? Безынициативные, привыкшие воевать по заранее утвержденному наверху плану? Так, чтобы не брать на себя ни малейшей ответственности?

Западная граница империи была самой длинной и самой неукрепленной. Большею частью она проходила по равнинной местности и не имела естественных преград, кроме Днестра и Двины (Западной), которые решено было взять за порубежные. Но даже эти преграды оказались условными — мелкую Двину, например, можно было перейти летом вброд, к тому же ее западные берега значительно поднимались над восточными, что ставило русских перед французами в уязвимую позицию.

Барклай считал, что на границе следует возвести несколько крепостей для расположения военных гарнизонов и провианта, которые служили бы опорными пунктами для русских армий, «сопровождающих» Наполеона во время вторжения. Но за два года это было возможно сделать лишь отчасти, лишь укрепив главные города границы — Киев, Бобруйск и Ригу и крепость в Дриссе. Строить планы дальше становилось бессмысленно, поскольку никто не знал, как и куда Наполеон направит главный удар — на Москву через Смоленск? или через Киев? или на Петербург через Курляндию? В оборонительной войне, когда инициатива изначально отдается вражеской армии, действовать оставалось по обстоятельствам.

Примерно к этому времени относится один из самых замечательных, на наш взгляд, портретов Батюшкова. Написанный неизвестным художником, он дает нам прекрасное представление о том, каким поэт видел себя в двадцать три года. С холста смотрит молодой человек, остриженный по моде того времени. По тому, с каким простым изяществом он одет, можно предположить, что молодой человек щепетилен в моде. На нем темный шерстяной сюртук, под которым находятся: тонкий белый жилет (его борта выглядывают из-под сюртука и поднимаются под бакенбарды), белый шейный платок, завязанный на шее небольшим изящным узлом, сорочка (ее полупрозрачные уголки лежат на скулах чуть выше жилета) — и сток. В петлице сюртука хорошо виден орден, это Анна третьей степени. Орден прикреплен через бант, что означает — получен в сражении. Молодой человек, хоть и одет в штатское, считает нужным напомнить об этом, и справедливо — ведь это портрет, то есть *история* человека.

Сток, который, скорее всего, поддет под шейный платок, был чем-то вроде каркаса прочности; этакий «ошейник» из простроченной материи. Сток требовался для лучшей фиксации платка. Повязанный поверх стока, тот не сползал и хорошо держался, подчеркивая красоту и оригинальность. Голова словно подпиралась этой конструкцией. Сток (и платок), мешая опустить голову, придавал человеку осанку и стать. Сток был в моде до тех пор, пока английский денди Джордж Браммелл не придумал фиксировать материю крахмалом.

Прическа, которую носит Батюшков зимой 1811 года, называется «а ля мутон». Волосы завивались и начесывались сзади вперед, как если бы на человека со спины налетел порыв ветра. С практической точки зрения такая прическа была

очень удобной: убранные волосы открывали шею и затылок, что позволяло носить сюртук с модным по тому времени высоким воротником. На портрете Батюшкова мы видим, что сюртучный воротник поднимается практически на высоту ушей. Такой была общеевропейская мода, и в этом смысле Батюшков одет стандартно; если посмотреть портреты того времени (автопортрет Э. Т. А. Гофмана, например) — удивительно, как они похожи. Индивидуальность при таком «стандарте» проявлялась в деталях, булавках и запонках например, но особенно в шейном платке и форме его узла. Гнедич недаром просит Батюшкова прислать ему из Москвы батист. Чем больше было платков в гардеробе, чем разнообразней эти платки (и узлы на них) были — тем лучше выдавали характер и стиль человека. Николай Иванович любил большие пышные платки (которых, по замечанию Вяземского, «стало бы на три шеи»). А узел Батюшкова на портрете изящен и невелик.

Выражение лица молодого человека одновременно и замкнуто, и оживленно. Он открыт навстречу смотрящему, хотя внутри чувствуется тайная пружина, и эта пружина — знание себя и своего предназначения, готовность за этим предназначением следовать, и не готовность открываться в нем всякому. На пороге болезни Батюшков как-то пожалуется, что похож на человека, который нес на голове сосуд с драгоценным содержимым. Теперь, когда сосуд упал и разбился, говорил он, — поди узнай, что в нем хранилось. Так вот, на этом портрете сосуд — в целости.

Портрет мог быть рисован по дороге в Москву — в Вологде, где Батюшков снова занемог и провел долгое время в постели. Он все еще немного бледен, но вид имеет целеустремленный; московская жизнь больше не пугает его, а, наоборот, манит. С другой стороны, живописцы та-

кого уровня — откуда взялись бы в Вологде? Должно быть, портрет написан все-таки в Москве. Предположим, что перед нами Батюшков между театром и пирушкой. Лошади уже заложены, и он вот-вот сорвется с места, чтобы ехать. Он весь уже там, а художник просит еще полчаса работы.

По портрету совсем не скажешь, что молодой человек бывает регулярно болен. Однако это так; недуги, которые ополчаются на Батюшкова, — ревматизм и невралгия — в то время мало изучены; любые простудные заболевания с высокой температурой называются горячкой, а воспаление тройничного нерва, например, — *tic douloureux* (болезненный тик). Именно так говорит о своем расстройстве Батюшков. Регулярно дает знать о себе и нога, простреленная под Гейльсбергом. Эти и другие «болячки» он заработал, скорее всего, в военных походах, где ночевать и питаться весьма субтильному, неподготовленному юноше приходилось по-походному, то есть — где и чем придется, а в Финляндии еще и в зиму. Водка дарила иллюзию тепла, но именно в таком состоянии проще всего простужались. «Прострелы» и головные боли будут мучить Батюшкова всю жизнь. Достаточно любого сквозняка в Хантанове — любой неутепленной кибитки или ночлега в плохо натопленной комнате, — и Батюшков укладывался в постель. «...У меня в голове сильный ревматизм, — пишет он Жуковскому, — который *набрасывает тень* на все предметы». В тени этой боли он не может ни работать, ни «даже мыслить». Он лечится серными ваннами. «Эта ванна, — иронизирует Батюшков в письме Вяземскому в июле 1810 года, — есть образчик тех вод, в которых мы будем купаться после смерти, она воняет хуже Стикса, хуже Боброва стихов, — но приносит пользу». Впоследствии

друзья по «Арзамасу» прозовут поэта «Ахилл Батюшков», подразумевая (и справедливо) не только реальное боевое прошлое поэта, но и бойцовские качества Батюшкова в литературной полемике — однако полшутя часто будут делать паузу: «Ах, хил Батюшков!»

ЖУКОВСКИЙ. Вторую половину 1810 года Василий Андреевич проведет, как и Батюшков, в деревне. Подобно Константину Николаевичу, мечтавшему о дипломатической миссии, он тоже мечтает о должности. Однако его мечтания куда более прагматичны. Он хотел бы занять должность необременительную (хорошо бы библиотечную), чтобы иметь свободу заниматься любимым делом. Друзья советуют обратиться к старшему товарищу, известному поэту-баснописцу Ивану Дмитриеву, который ныне в должности министра юстиции. Но Жуковский не уверен на свой счет в Дмитриеве и не хочет унижаться просьбами. «Он не Муравьев, — объясняет Жуковский Тургеневу, — который два раза, не зная меня совсем в лицо, присылал у меня спрашивать, не может ли он быть полезен». Впрочем, планы на должность у него только для будущего, еще года два он рассчитывает протянуть у Каченовского в «Вестнике Европы». На эту «фабрику» (слово Батюшкова) он дважды в неделю высылает из Белева в Москву рецензии и переводы; он — соредатор и основной «вкладчик» журнала, книжка которого умещается в карман сюртука. Однако журналистика поглощает массу времени и сил, а у Жуковского на себя огромные планы. Он хотел бы заняться самообразованием — выучить языки (латынь и греческий); он задумал «Владимира», но, чтобы сочинить историческую балладу, нужны книги по истории; нужно вообще знать контекст, культурный и исторический. Чем глубже погружаешься в тему,

тем острее чувствуешь недостаточность знаний, это известно. В том же письме Тургеневу Жуковский признается, что уже не надеется «достигнуть до учености обширной», но очень хотел бы «приобрести хорошее образование» по части «искусств изящных». В этом свете развивается его философия расчетливости. Добродетель по Жуковскому — экономить на всем ради исполнения в совершенстве «своей должности» (а «должность» у него одна — быть автором, литератором то есть). Главное — хорошо писать, это и есть благо — и его, и общественное, и именно в таком единении. Ради блага он готов жертвовать часами дружеских досугов, о чем заранее предупреждает москвича Вяземского («сообразуйся с моим временем и щади те часы, которые посвящены будут мною делу»). Но образование? Его письма Александру Тургеневу пестрят просьбами о книгах, потому что «покупать их не могу, ибо я бедняк, а тебе должно быть приятно помогать мне в нужде». Между написанием журнальных статей осенью и зимой того времени Жуковский занят составлением поэтической антологии «Стихи русских поэтов». В нескольких томах он хочет собрать всю действующую армию стихотворцев современности. Между прочими стихами есть в антологии, разумеется, и державинские, и эта публикация приводит классика в бешенство. Державин напишет Тургеневу, что его оды в Собрании «вмещены между такими, с которыми бы я наряду быть не желал»; в связи с этим он запрещает печатание своих стихов в других томах антологии, угрожая в противном случае «просить правительство, чтобы и напечатанные отобранные были и проданы в пользу казенных ученых институтов». Как ни странно, причина гневного припадка — Гнедич; именно его стихи были напечатаны по соседству с державинскими.

ГНЕДИЧ. В 1810 году Николай Иванович побывал на литературных вечерах, которые начал устраивать в Петербурге Державин. По воспоминаниям Александра Стурдзы, «Старцу желалось окружить себя лучшими представителями изящного в России, сомкнуть светлые их ряды в стройную дружину и сосредоточением их трудов оказать последнюю услугу русскому слову». Услуга эта, действительно, была оказана, но совсем не тем образом, что предполагал «Старец». Во дворце Гаврилы Романовича собирались именитые литераторы, и вельможи в мундирах, и дамы при параде, и даже духовные лица, и просто желающие (по билетам) — для чего архитектор Львов как будто нарочно отвел большой зал с колоннами под желтый мрамор, а также камерный театральный зальчик со сценой и хором — для домашних спектаклей по пьесам хозяина дома; имелся также оригинальный парк (все это и сейчас можно увидеть после восстановления на Фонтанке). Из писем к Батюшкову мы знаем, что вечера Гнедичу не понравились — ни внешне («наружность нынешних людей оподлена»), ни по содержанию («долго и я не верил своим ушам, и не знал, где я»). Однако в марте 1811 года Державин и Шишков решат повысить статус чтений до литературного объединения, или «Беседы любителей русского слова». Именно под этим названием объединение войдет в историю литературы, и возглавит его председатель Шишков. «Беседа» будет организована в строгой иерархии чинов и званий наподобие Государственного совета. Время для объявления нового сообщества было выбрано как нельзя удачно. После Тильзита запрос на духоподъемную литературу в обществе заметно повысился. «Зрители ловили с жадностью и заглушали рукоплесканиями и криками каждый звучный вдохновенный стих Озерова, в котором заключался намек на оскорбленное досто-

инство России» (Стурдза). Будучи объединением с выраженной литературной и идеологической ориентацией, «Беседа», однако, собрала у себя людей разных — от эпигонов и графоманов вроде Хвостова и Шихматова до Крылова, Оленина и почетных попечителей Дмитриева и даже Карамзина. На заседаниях читались пространственные, до трех часов, сочинения членов «Беседы», а также всерьез обсуждались разные вопросы, например, надо ли заменить в языке иноземное «проза» на русское «говор», а лошадиную «пару» на «двоицу» (надо), и тому подобные. Как классицист и античник, сторонник жанровых рамок и героических сюжетов в искусстве — был приглашен к участию в «Беседе» и Николай Гнедич. Литераторы старшего поколения смотрели на него как на продолжателя дела Ермила Кострова, суворовского одописца и переводчика Гомера. Однако статус, предложенный Державиным (быть членом-сотрудником за номером девять в списке, то есть секретарем-исполнителем, а не полноценным членом), уязвил болезненное самолюбие Николая Ивановича. Он усмотрел в иерархии «Беседы» вельможное высокомерие на свой счет. «Спасибо за совет, — отвечает он миролюбивому Батюшкову, — поставлять мне за честь облизывать тарелки там, где Дмитриев обедает». Гнедич считает, что переводчик Гомера, да еще и обласканный в высших сферах, не может уронить себя до какого-то «Штаневича» (так Гнедич называет поэта Евстафия Станевича, тоже приглашенного членом-сотрудником), — и отказывается от предложения. Батюшков в ироничном недоумении, ведь в «Беседе» есть и достойные люди, так «чего же более»? Но Гнедич непреклонен. Этим уязвлен теперь Державин, ведь он считал его единомышленником. Он пытается умаслить Николая Ивановича и предлагает ему повысить статус, однако нена-

много. Гнедич отказывается снова. Конфликт имеет неожиданное продолжение. Случайно столкнувшись с Державиным в доме у Голицына, Гнедич был взащей вытолкан Державиным на лестницу. «Не подумайте, что сказка, — пишет он Василию Капнисту, — существенное приключение, заставившее в ту минуту думать, что я зашел в кибитку скифа». Об этом и других «приключениях» Гнедича со «скифом» Державиным Батюшков знал, но отзывался благодушно: «Что же касается до поступка нашего Лирика, — отвечал он Гнедичу, — то я его считаю за пифийское иступление; ему все простительно, ибо он написал “Ирода” и “Фелицу” (две пиесы, которые дают право дурачиться)». Заметим кстати, что Державин страдал язвой желудка и в периоды обострений мог быть, действительно, несносным. Он был вынужден соблюдать диету, для чего на его дворцовой кухне стояла огромная пароварка. И вот теперь скандал докатился до Москвы, и как? Через соседство державинского «Вельможи» с Гнедичевой «Скоротечностью юности» на страницах жуковской антологии.

ВЯЗЕМСКИЙ. Одним из критиков «Песни песней», которую сочинил в деревне Батюшков, был Вяземский. Самый молодой в компании, к Священному Писанию он относится в то время с вольтеровской издевкой и острословит на счет религии по любому поводу. Ироническое трактование библейских образов находилось под запретом цензуры, отчего одну из европейских карикатур на известный сюжет Вяземский пересказывает Батюшкову с особым восторгом. Речь идет о жертвоприношении Авраама («Ангел с неба сдѣт в пыжовник и осекает ружье»). Критика молодого князя в адрес «Песни» предсказуемо остроумнее Гнедичевой. «Скажи мне ради Бога, — спрашивает он Батюшкова в другом письме, — на что

это похоже, что девка, желая заманить к себе любовника, говорит ему, что у ней есть для него готовый шафран». «Мне кажется, — добавляет Вяземский, — что и тогда такое призывание было похоже на то, если б кто теперь, приглашая к себе девку на ночь, сказал бы ей: “Приди ко мне, у меня и “Вестник Европы”, и “Немецкая грамматика””».

В ноябре-декабре 1810 года юный князь сопровождает Карамзина в Тверь — историограф приглашен к «малому двору» на именины великой княгини Екатерины Павловны. У княгини на Карамзина большие планы. Ему пожалован новый «полковничий»² чин коллежского советника, с чем Жуковский — через Вяземского — и поздравляет Николая Михайловича. В остальное время Вяземский живет литературой и светскими развлечениями. К восемнадцати годам он уже обзавелся донжуанским списком. Он влюблен и в Перми, куда его заносит по службе, и в Москве, и даже вступает в связь с замужней, почти вдвое его старшей дамой (женой Александра Плещеева). Об этом романе знает Жуковский, приятель и сосед Плещеева по деревне, и просит Вяземского уничтожить все письма Анны Ивановны. «Минутная ошибка, произведенная обстоятельствами и горячей кровью, — пишет он, — не должна разрушать семейственного счастья». Что Вяземский и делает (сжигает письма). Он и не предполагает, что год, о котором идет речь, окажется последним в его холостяцкой жизни: осенью 1811-го он неожиданно для всех — и себя! — женится.

Из письма к письму Вяземский призывает Батюшкова в Москву, однако тот колеблется — не поехать ли в Петербург, нет ли там вакансий? Но на что ехать? И где жить? Оленин молчит, а Гнедич от-

² Согласно Табели о рангах гражданский чин коллежского советника соответствует армейскому чину полковника.

вечает прямо, что не готов приютить товарища, поскольку дает на квартире уроки театральной декламации — особам, которые хотели бы остаться инкогнито. И Батюшков все больше склоняется ехать в Москву. К новому году сюда прибудет Жуковский; соберется компания; все это кажется крайне соблазнительным. Батюшков прощупывает почву, он просит Вяземского «сообщить... свои тайные мысли о Жуковском, который, между нами сказано быть, великий чудака». «Если можно бы было выбирать родителей, — ерничает Вяземский, — я желал бы иметь его отцом, если бы из мушны можно было делать женщин, я бы его желал иметь женою, с некоторыми, однако ж, договорами, например другой нос и более равнодушия к состоянию жопы своей». Действительно, Жуковский в письмах жалуется на запоры, и даже Батюшков с иронией упоминает клистирную трубку.

ЖУКОВСКИЙ. Год перед войной тоже станет для Василия Андреевича временем без будущего. События, которые обрушатся на его голову, невозможно было предвидеть хоть как-нибудь. По приезду в Москву он поселяется на Тверской улице в университетской квартире Антона Прокоповича-Антонского. Еще в прошлом веке, когда подростка Жуковского представили в университетский пансион, именно этот профессор кафедры энциклопедии и натуральной истории — и глава пансиона — принял мальчика. И тогда, и теперь для большинства небогатых провинциалов поездка в Москву была вопросом стола и крова. В 1811 году Жуковский будет жить в Москве под *эгидой* своего учителя, а Батюшков — у Муравьевых.

«Пламенный Державин, — пишет Жуковский в марте 1811 года Тургеневу, — под старость лет сделался только

вспыльчивым; в поступках его тот же самый сумбур и беспорядок, который в его одах». Жуковский исполняет просьбу классика и выбрасывает из последующих томов Собрания стихи Державина, «ибо все лучшие пиесы его помещены уже в первых частях, а те, которые выброшу из последних, совсем не такого рода, чтобы можно было об них пожалеть». «Как же быть оде Державина в одном томе с одою Гнедича, — не без иронии добавляет он, — когда сам Державин не хотел быть в одном доме с Гнедичем: том и дом почти одно и то же». На этом инцидент с Державиным исчерпан. В Москве Жуковский погружается в дружескую суету; он жалуется на невозможность сосредоточения Тургеневу. «Московская моя жизнь, — пишет он, — привела в некоторый беспорядок и мою с тобой переписку». То, к чему Батюшков так стремился из своего одиночества, — Жуковскому в тягость. Он мечтает о деревне, где он сможет вернуться «к прежнему счастливому порядку моему».

ВЯЗЕМСКИЙ. Зазывая Батюшкова в Москву, князь даже «предложил свой кошелек», чтобы помочь товарищу деньгами. «...Я отказал их, — пишет Батюшков Гнедичу, — но я ему не менее за то обязан». Финансовая состоятельность князя не дает покоя его литературным завистникам, князь Петр Шаликов даже пишет эпиграмму, в которой Вяземский «кошельком своим на рынке прогремел, / Желая тем прельстить своей подобны души!». Зная возможности Вяземского, Жуковский просит его о пяти тысячах, ибо «я купил, или покупаю, в здешней стороне маленькую деревнишку». Просит для подстраховки, ибо «теперь есть надежда найти их и в другом месте». Вяземский между тем думает собрать в книгу свои *критики*. В мнениях по поводу состояния литературы он зол и катего-

ричен. «Ей-богу, — пишет он Батюшкову, — когда читаешь то, что у нас печатается в книгах, в журналах, в газетах, то хочется все бросить и бежать куда-нибудь в африканскую степь». «Каково также нравится тебе критика Каченовского на Молиера? — продолжает он. — Настоящий плюгавый выползок из гузна Дефонтена!» Вяземский — рьяный и очень внимательный, как это бывает только в юности, читатель периодики. Он регулярно шлет друзьям саркастические заметки на полях литературных журналов, например, в одном из ноябрьских писем Батюшкову. «Боже мой! — пишет он. — Что делается с “Вестником Европы”? Мне сей час принесли 20-й №-р. Каковы стихи на 266 странице? Какова нелепость, находящаяся на 254? Они переводят:

**Bruit et chans et jolie a l'hotel
Шум в поле, а дома веселье».**

Имеется в виду ошибка переводчика, который принял chans (песни) за champs (поля). Другое письмо Батюшкову занимает несколько страниц и посвящено разбору драмы «Радамист и Зенобия» Кребийона, перевод которой побил все рекорды по количеству несуразностей и ляпов. «Тот же вялый, а часто и грубый слог, — пишет он, — те же ошибки, исковеркание мыслей...» Это письмо как *свидетельство* литературной жизни начала века — впоследствии откроет двенадцатитомное Собрание сочинений Вяземского, начатое в семидесятых и оконченное уже после смерти князя. Письмо к Батюшкову из далекого прошлого станет современным и программным. Помещая его на открытие в Собрании, Вяземский как бы «заявляет» ту высокую критическую планку, которую с самого начала установил для себя как литератор. статей, или *критик*, становится все больше, и Вяземский подумывает об

отдельном издании. Он спрашивает совета у Жуковского, как у опытного журналиста и издателя. Жуковский отвечает по-дружески прямо: «Плана твоего *собрать свои критики* совсем не одобряю, — пишет он, — ибо твои критики, любезный друг (это сказано не в отместку), не годятся никуда; ты не разбираешь, не судишь и не доказываешь, а только замечаешь некоторые забавные стихи и прибавляешь к ним несколько едких сарказмов».

БАТЮШКОВ. В 1811 году Батюшков окончательно расходится с Гнедичем во взглядах на литературное призвание. Тот пишет письма, не скрывая ярости («Боже мой, что за письмо! — укоряет его Батюшков. — Ни конца, ни начала, а о середине не скажу ни слова!»). Батюшков прекрасно понимает и недальновидность Гнедича на свой счет, и его раздражение, будто бы Батюшков сам тащит себя к пропасти. Но Константин Николаевич отделяет искреннее переживание товарища от его заблуждений и прощает Гнедичу тон, ибо «у тебя ум велик, а рассудок мал». Батюшков не хочет ждать милостей от фортуны, поскольку не верит, что «у нас дарование без интриг, без ползанья, без какой-либо расчетливости может быть полезно». По свойствам таланта и судьбы Батюшкову нет места среди тех, кто ищет славы. «Я вовсе переродился», — сообщает он Гнедичу. Теперь он желает для себя только счастья, то есть быть собой, то есть слышать свой *голос*, то есть только ему и следовать. «Я писал Оленину — нет ответа, — раздраженно сообщает он Гнедичу о своих карьерных исканиях. — Зачем же я поеду в Петербург, и на кого могу надеяться, и кого буду просить? Я — просить!!!»

ВЯЗЕМСКИЙ. Несмотря на карточный проигрыш и инфляцию, князь Вяземский остается выгодным женихом.

Многие московские мамы мечтают выдать за него своих дочерей, однако только одной из них удастся с блеском окрутить князя. О том, как женили Петра Андреевича, известно со слов П. И. Бартенева, рассказавшего подробности правнуку Вяземского. Вот как обстояло, по словам Бартенева, дело. Летом 1811 года, когда Батюшков снова вернулся из Москвы в деревню, Вяземский гостил в доме Кологривовых на Тишинке. Это была окраина города: сады, пруды, усадьбы. Компания молодых людей веселилась подле одного из таких прудиков, когда хозяйская дочка Вера вдруг забросила свой башмачок в воду. Князь Вяземский первым бросился доставать его и чуть не утоп. Полуживого, его отнесли в дом Кологривовых, где он остался сохнуть и поправляться на ночь. Усерднее всех за ним ухаживала Вера; ее мать тайком подложила Вяземскому часики дочери, которые были обнаружены утром на его ночном столике; князю дали понять, что теперь, чтобы не скомпрометировать девушку, надобно жениться. Так, подобно Пьеру Безухову, Вяземский оказался в женихах, сам того толком не заметив. Дело оставалось за малым: открыть помолвку Карамзину, который в то время жил с семейством в Остафьево.

КАРАМЗИН. Во время осеннего визита в Тверь (1810) Карамзин тет-а-тет общается с великой княгиней Екатериной Павловной. Можно предположить, что все это были разговоры о судьбах России, которую Александр I (под влиянием Сперанского) чуть было не поставил на путь либеральных реформ. Екатерина Павловна относилась к новому увлечению брата (Сперанским) ревниво и просила Карамзина изложить суть их беседы письменно. «Записка о древней и новой России» была представлена великой княгине весной 1811 года,

тогда же Карамзин встретился и с Александром, гостившим у сестры в Твери. Расчет Екатерины Павловны заключался в том, чтобы император прочитал «Записку». Среди причин, подтолкнувших Александра сослать Сперанского и свернуть реформы, а именно — 1) заносчивая самоуверенность самого Сперанского, 2) угроза наполеоновского вторжения, 3) ура-патриотические настроения в обществе и падение экономики, — свою небольшую роль сыграла и аналитическая «Записка» Карамзина. Писатель указывал в ней на самодержавное устройство власти как единственно возможное для мирного развития империи. Он как бы оправдывал историческую неизбежность такой власти в России — ее же историей, над составлением которой работал. Через полгода после записки — летом 1811 года — Карамзин, как обычно, удаляется в Остафьево: вместе с женой и двумя их малолетними детьми, и дочкой от первого брака Софьей. А молодой князь Вяземский остается догуливать лето один в Москве. Тут-то и происходят события на Тишинке. Все бы ничего, если бы не матушка невесты, известная московская барыня Прасковья Гагарина, во втором замужестве Кологривова. Когда-то Карамзин был влюблен в эту женщину. Их роман случился в 90-х. Вернувшись из путешествия по Европе, Карамзин тогда порвал с масонами, поселился в Москве и занялся журналистикой. Как раз в это время Прасковья Юрьевна вернулась из Польши, где потеряла мужа, и зажила одна со своим горем и малолетними детьми на руках. Современники (Долгоруков) вспоминали, что Гагарина «смолоду была женщина взбалмошная и на всякую проказу готовая». Привыкшая к лени и роскоши, она была вынуждена сама заниматься хозяйством, которое быстро пришло в расстройство. Гагарина была на два года старше Карамзина

и — несмотря на безутешность вдовства — увлеклась писателем. К тому времени обоим было под тридцать. Карамзин сделал ей предложение и даже нарисовал в стихах («К верной») образ их будущей жизни. Однако Прасковья Юрьевна не собиралась жить в сентиментальной карамзинской идиллии «далеко от людей, в лесу, в уединеньи»; ей хотелось быть на виду и на слуху; надо было растить детей и обустраивать их судьбу. Небогатый журналист и издатель скандального «Московского журнала» вряд ли подходил на роль состоятельного мужа, которого она искала; Гагарина бросила Карамзина. Уже в новом веке она нашла, что искала, и вышла за московского богача Кологривова; Филипп Вигель³ вспоминал, что «не знал человека более его лишенного чувства, называемого такт: он без намерения делал грубости, шутил обидно и

говорил невпопад». Однако именно этот «влюбленный медведь» составил основу беспечной жизни Гагариной и ее детей. И вот теперь Вера, дочка этой самой Прасковьи, когда-то ветреной и неверной особы, обманувшей мечты писателя, — вошла к нему в семью. Подобная «ирония судьбы» не могла не поразить даже такого уравновешенного человека, как Николай Михайлович. Выходило, что спустя десять лет он таки породнился с Гагариной, но совсем не тем образом, на который когда-то рассчитывал. Если признать, что Гагарина сводничала по плану, следует отдать должное ее остроумию. Ей льстило иметь бывшего любовника и знаменитого писателя в поле своего притяжения. Она добилась этого через свою дочку. Надо полагать, Карамзин был в бешенстве от того, как ловко «окружили» Вяземского, — но уже ничего не мог поделать.

---

³ Филипп Вигель (1786—1856) — известный русский мемуарист.

Константин КОМАРОВ

БЕЗ ШАНСОВ НА ПОБЕДУ

Если не сказать им, то они решат, что говорить могут только они.

И. Шайтанов

— Классический русский стих очень прочен. Это корабль, который можно грузить и грузить — будет на воде держаться. А новый стих, верлибр, сам себя не держит. Такой корабль ничем не загрузишь.

Я вспомнил Амо Сагияна, сказавшего, что стихи без рифмы — как брюки без пуговиц, только на гениальном человеке могут держаться такие брюки.

— На мне не держатся, — улыбнулся Тарковский.

Л. Мкртчян. Воспоминания об А. Тарковском¹

* * *

В августовском номере этого года журнал «Сибирские огни» опубликовал резонансную статью критика Яны Сафроновой «Химеры русского патриотизма»². Статья посвящена анализу творчества и взаимной коммуникации стихотворцев патриотического лагеря, обитающих на просторах сайтов «День литературы» и «Российский писатель». Сафронова, разобрав некоторые нехитрые тексты на составляющие, наглядно продемонстрировала их вопиющую низкопробность. При обсуждении же подобных опусов в комментариях — картина привычная для закрытых графоманских сообществ: круговое опыление взаимной похвалой и ожесточенные нападки на тех, кто попробует хоть что-то пикнуть против доморощенных гениев. В целом — картина малопривлекательная, а прямо

говоря — тошнотворная. Настолько, что вызывает оторопь и возмущение даже у вроде бы «своих»: Сафронова — критик традиционалистского направления, и основной ее критической площадкой является журнал «Наш современник». Но категория бездарности — вне- и надидеологическая, поэтому Сафронова просто честно выполнила свою работу, умело расставив акценты и лишний раз указав на очевидную (хоть по масштабам своим и невероятную) деградацию современной гражданской поэзии. Судя по реакции на статью ее персонажей, естественно, мнящих себя «профессионалами» и небожителями, можно с уверенностью сказать — критика попала в точку. Если откуда нам и ждать новых Рубцовых, Тряпкиных, Прасоловых — то уж, мне кажется, точно не с упомянутых сайтов...

Сафронова констатировала тотальное вырождение «патриотической лирики»,

---

¹ <https://voplit.ru/article/tak-i-nado-zhit-poetu-vozpominaniya-ob-a-tarkovskom/>

² <http://www.sibogni.ru/content/himery-russkogo-patriotizma>

и без того заметное невооруженным глазом. Подобные стихи саморазоблачаются в открытую — убожеством рифм, стертостью замшелых образов, неумеренным пафосом, неуместной патетикой и т. д. Ни один вменяемый читатель (обилие невменяемых читателей, чаще всего по совместительству писателей — отдельная проблема и отдельный разговор) не воспримет всерьез такие, например, строчки (хоть и написаны они со «звериной серьезностью», лишь провоцирующей комически-пародийный эффект): «*Лес наш невысокий, / Редкий лес. / На березу сбоку / Бурундук залез*» (В. Попов) — или такие: «*Я бежал в родные степи / под гуденье звезд золотых. / Да сдувало ветром кепи / У меня с волос ржаных*» (С. Бударин). Подобные тексты обречены на самоуничтожение с первой строчки. Авторы же их, ощущая мощную поддержку своих громкоголосых собратьев по перу, ни на что, кроме высоких мест в химерической иерархии поэтов-патриотов, собственно, и не претендуют.

Немного сложнее дело обстоит с явлением, находящимся на противоположном полюсе карты сегодняшней поэзии, а именно — с современным русскоязычным «актуальным» верлибром. Хотя, если разобораться, верлибр — это даже не другой полюс, а искаженное зеркальное отражение вышеупомянутого виршеплетства.

Чтобы убедиться в этом, нужно совершить ряд мыслительных операций: соскрести с верлибра его ни на чем не основанную претенциозность, мертворожденный интеллектуализм, дешевые формальные изошрения десятой свежести, типовой набор бессодержательных симулякров, пустопорожнее плетение словес, выдаваемое за новизну, стерильное бесчувствие и безмыслие, ментальный автоматизм холостой прокрутки нарратива, школьническое ерничество пополам со школьнической же старательностью, околонучный терминологический и технический инструментарий для

запудривания мозгов наивному читателю, нафталиновую «постиронию» и унылое нанизывание друг на друга уродливых и пошлых образных гибридов. Так вот, если соскрести весь этот глянец — перед нами предстанет все та же старая добрая старушка Графомания, глядящая на себя саму с другой стороны зеркала.

Эту графоманию по аналогии с традиционной мы можем назвать авангардной или «новой» («новизной» верлибристы вообще любят щеголять, правда, объяснить толком, в чем именно она заключается, они патологически не способны).

Одна графомания — болотная, привычная, прогорклая. Другая — яркая, цветастая, как платице на барахолке, и токсичная. «Прогрессивная» графомания отличается той же воинствующей невежественностью, что и графомания «ретроградная»: тот же площадной слей и та же площадная брань, та же круговая порука членов «ордена»...

И не важно, что представители двух этих лагерей либо знать ничего не знают друг о друге (чаще всего), либо на дух друг друга не переносят, но ее величество Бездарность и склонность к инерционному жонглированию псевдопоэтическими абстракциями уравнивает их в истории новейшей поэзии.

Итак, современный русскоязычный мейнстримный верлибр — это оборотная сторона типовой и старой как мир «плохописи». Попробуем развернуть этот тезис, претендующий, впрочем, на аксиоматичность.

* * *

Обратимся к истории вопроса. В конце 1980-х — начале 1990-х на литературной карте Москвы возникла новая фигура: стихотворец Дмитрий Кузьмин (внук известной переводчицы Норы Галь). Пробрежавшись по столичным литературным площадкам и студиям, особого успеха он не снискал — и решил стать

культуртрегером-полководцем. Для этого он организовал Союз молодых литераторов, а впоследствии — сайт «Вавилон», где начал публиковать всех подряд — то есть буквально, безо всякого идейного обоснования, смешивая стихи, например, Парщикова с неумелыми опусами своих новоявленных адептов. Как мне думается, целью была легитимизация себя и своей «свиты» в поэтическом пространстве, и, когда Кузьмин посчитал эту задачу выполненной, «Вавилон» закономерно повторил судьбу башни из одноименного города.

Другим детищем Кузьмина стало издательство «АРГО-РИСК». Цели его, вероятно, были абсолютно аналогичны «вавилонским» — Кузьмин привлек молодых стихотворцев, чья «новизна» в творчестве большей частью базировалась на принципиальном отказе читать предшественников. Так, одна поэтесса этого толка прямо сказала мне, что ей незачем читать Заболоцкого, потому что она пишет лучше. Правда, дальнейшая судьба ее была незавидна и стихов ее нынче не помнит уже, похоже, никто...

До сих пор многие (сам был свидетелем), слыша название этого издательства, думают, что оно связано с агрономией, но если в чем и заключался здесь издательский «риск», то разве что в отделении одних сортов околостихотворного навоза от других и использовании этой субстанции для удобрения тщеславия одного человека.

«Арго» же на поверку оказалось не тайнописью для посвященных, а просто мутным, нарочито усложненным безблагодатным и душным бормотанием в пустоту. Жаль только ни в чем не повинного Мандельштама, чьи слова о «ворованном воздухе» Кузьмин использовал в качестве эпиграфа к «аргорисковским» книжкам — представляю, что сказал бы Осип Эмильевич, почитай он эту макулатуру, открывающуюся его словами...

Главным же культуртрегерским произведением Кузьмина стал журнал «Воз-

дух», о котором особо распространятся не буду, — предоставляю читателю самому оценить поэтический контент этого издания, открыв любой его номер. Но предупреждаю — некоторые утверждают, что такое чтение гарантирует головную боль, тошноту, ощущение зря потраченного времени и абсолютное отсутствие «приращения смысла» (о котором так любит ораторствовать Кузьмин), а напротив — полное «отращение от смысла»...

Для борьбы с инакомыслящими в «Воздухе», кстати, была создана рубрика «Кто испортил воздух», хотя создается ощущение, что воздух поэзии много лет портит именно этот журнал, — и успокаивает только то, что воздух поэзии (как предельной формы языка) способен к оперативному самоочищению...

На этих трех китах — «Вавилон», «АРГО-РИСК», «Воздух» (под крышей теоретиков из журнала «Новое литературное обозрение») — и возникло ставшее поводом для данной статьи явление «актуальной поэзии». Почему предыдущая русская поэзия оказалась неактуальной — неизвестно до сих пор и никем толком не объяснено, но продвигать себя верлибр кузьминского разлива начал агрессивно, стремясь ни много ни мало монополизировать всю изящную словесность. Сам же идеолог течения провозгласил, что поэтом будет тот, кого он лично поэтом назначит (оцените новизну стратегии в сравнении с литературной политикой «лучшего друга советских поэтов» Иосифа Сталина). Поэтическое и научное сообщество, естественно, отреагировало на это соответствующим образом: журнал «Вопросы литературы» предложил оппонентам здоровую полемику, но в ответ получил лишь высокомерное фырканье и открытые оскорбления. На этом весь конструктив был исчерпан, а признаки инфантильной истеричности, свойственной культуртрегерским жестам Кузьмина, и поныне можно обнаружить в текстах его молодых соратников.

В последнее время кипучая энергия Кузьмина, кажется, пошла на спад, при этом утопическая цель, похоже, осталась прежней: утверждение поэтического статуса верлибра и закрепление оно́го в поэтическом пространстве как ведущей формы поэтического высказывания — то есть все та же попытка профессионального узаконивания новомодной графомании.

Последним по времени подобным мероприятием было издание учебника «Поэзия»³, где в качестве примеров к теоретическим разделам цитаты из классики перемежались с опусами «актуальщиков», как бы уравнивая их в правах, ставя на одну доску — Николай Заболоцкий = Никита Сунгатов, Эдуард Багрицкий = Денис Ларионов и т. д. и т. п. И эта художественная самонадеянность еще и подавалась как новаторство, как изюминка учебника!

Об этой не к ночи будь помянутой «Поэзии» немного поговорили и закономерно образом благополучно и прочно забыли — но вот в 2019 году возникает премия «Поэзия»⁴, подведомственная стихотворцу Виталию Пуханову, когда-то писавшему неплохие стихи, но, на мой взгляд, офункционерившемуся и, судя по свежей подборке на сайте TextOnly⁵, окончательно скатившемуся до «актуального» плинтуса. Премия провозгласила своей целью перенос внимания с фигуры поэта (которая была ключевой для упраздненной премии «Поэт») на отдельное стихотворение.

Наблюдая уже второй год премиальные списки «Поэзии», сложно избавиться от впечатления, что эти красивые слова почти не имеют отношения к действительности, а истинная цель премии (первым лауреатом которой в номинации «Поэтическая критика» стал, кстати, не кто иной, как Дмитрий Кузьмин) находится в совершенно в иных, гораздо

менее благородных сферах, а именно: на наших глазах происходит очередной масштабный, хоть и, как всегда, на редкость примитивный пиар «актуального» (но до сих пор, вопреки всем усилиям, так и не актуализировавшегося для имеющего вкус, квалифицированного читателя поэзии) верлибра.

Премиальный лист «Поэзии» в 2020 году получился довольно предсказуемым, что, однако, испанского стыда за эту награду не отменяет и не уменьшает. Кстати, на баннере премии, красующемся на ее сайте⁶, изображены Ольга Седакова и Сергей Гандлевский — с этими фигурами, действительно, во многом ассоциируется современная поэзия, да вот незадача — Седакова принципиально отказалась от участия в этих игрищах еще в первом сезоне, да и стихотворений Гандлевского в премиальных списках замечено не было. Зато в изобилии мелькают имена верлиброделов, известных разве что своим коллегам по ремеслу... А раз так, то не логичней ли поместить на баннер, например, Елену Костылеву и Станиславу Могилеву (имена легко варьируются) и быть все-таки честными в своей не заметной только слепому тенденциозности, а не заниматься профанацией, вынося имена реально значимых поэтов на обложку «действия», которое многие до сих пор путают с печально известной стихировской премией «Поэт года»? Но нет...

Опробовав в прошлом году в режиме тест-драйва всю ту же стратегию утверждения сомнительного междусобойчика под пышным прикрытием национальной поэтической премии и не встретив особого сопротивления, организаторы сейчас, похоже, запустили «лицензионную версию» на полную катушку. В прошлом сезоне в премиальной сотне было чуть больше десятка верлибров (один из которых и был

³ <http://www.poesia.ru/book/>

⁴ <http://poetryprize.ru>

⁵ <http://www.textonly.ru/self/?issue=51&article=39280>

⁶ <http://poetryprize.ru>

премирован), теперь же их количество выросло в разы.

И что же мы видим в лучших, прошедших жесткий отбор «топовых» верлибрах с пылу с жару, предьявленных нам премией «Поэзия-2020»?⁷ А видим мы следующее (цитирую в строчку, ибо расположение в столбик в данном случае — чистая формальность):

— заунывные истории с декоративным саспенсом из серии «он пугает, а мне не страшно», проходные «ужастики», вертеп грошового мистицизма: «*сшить на память о себе тело мое пейте из меня дорогие баба дед*» (А. Авербух), «*но нет мертвецов они все среди нас поселились и приобрели наши черты и желанья они стали нами вернулись как наши люди*» (О. Васякина); «*я вижу зайца с мамой на руках лисицу вижу с папой на плече мы все кричим и выдыхаем дым и дышим тем что от других осталось*» (Д. Серенко);

— претенциозная интеллектуальщина, легковесное заигрывание с религиозно-философскими и мифологическими мотивами, вырождающееся в проходные афоризмы: «*Жизнь — это бросок костей с пятого этажа, но счастье тому, кто ее попробует*» (А. Азаренков); «*Честная последовательность его мышления соизмерима с невероятной бездной пылания Того, к Кому он неизменно вежливо обращается на “Вы”*» (С. Круглов); «*Гуннлауг задумался, — или не он, — что важнее — равенство или справедливость, — ну и уже не смог написать ничего*» (А. Мисуров);

— тягучий, бледный нарратив пушторожного заборматывания, ничего общего не имеющий с профетическим «бормотанием» Хлебникова или Поплавского, анемичные псевдоисповеди с липкой сентиментальщиной и фальшивым лиризмом: «*этот день через год когда исчезает голос утром пойдем туда где тебе нравился завтрак непре-*

менно с жареной картошкой» (Н. Азарова); «*не знаю за десять лет больше нашла или потеряла детских иллюзий веры в чудесное если очень захочешь соседи смотрят весь день передачу “Орел и решка” во время рекламы не убавляют звук*» (О. Брагина); «*металлические язычки кусают меня за пальцы, под онемевшей ладонью — кокосовая скорлупа, и больше ничего у меня нет*» (А. Романова);

— нудная социология, перемноженная на себя самую вплоть до дурной бесконечности: «*Мы не можем остановиться, перестать работать. Наши мозги никогда не спит и надежно спрятан. А ваше бездействие всеми будет замечено. Скажите им... Господи, да что ж попросить-то...*» (Е. Вежлян);

— околосюрреалистические поделки, отдающие невыносимой вторичностью: «*дверь в стене распахнулась и оттуда начал выползать буйно расцветающий сад точно в этом доме горело отдельное солнце*» (Г. Геннис); «*в самом центре стеклянного мавзолея король оплавился и превратился в огненный полип так единились АЛЧНОСТЬ и ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИЕ* стеклянный мавзолей горит до сих пор в сердцеvine леса» (Е. Глазова); «*и снегом какие-то птицы набитые под луною плывут дружелюбной с безжалостной шерстью внутри*» (Д. Замятин), «*все скоро закончится. лето закончится. время висит на кончике хвоста спящего зверя. мы пойдем в лес и вернемся пустыми. нам ничего не надо от леса*» (Г. Рымбу);

— душная, герметичная, замкнутая сама на себе беспомощная интертекстуальность: «*если я себя кем и чувствовал то чеховским интеллигентом ходит такой повторяет “мы идем неудержимо к яркой звезде” а потом “мисюся где ты” и ничего не может сделать*» (Л. Ли Герке);

⁷ http://poetryprize.ru/wp-content/uploads/2020/09/2020_stihotvorenie_goda.pdf

— многостраничная анкета неудачника, слабоватая даже в качестве скетча для сельского комеди-клуба: «По правде говоря, даже не верю, что смогу найти работу, которая бы мне понравилась, которой я бы мог отдаться, и напитать ее тело своей вскипающей кровью» (Д. Герчиков);

— тексты-«исследования» (телесности, гендера, насилия, документальности и т. д.), выдаваемые за стихи вымученные авторефераты: «я: говорит Марина: человек-беглец ювенальное море стыда войны обвинений наступающее на тело спящего города» (И. Кива); «неустойчивость как изношенная техника советских времен как архивная пыль скатываемая в обрыв но драмы не происходит» (В. Лехциер); «документальное искусство это подлость я не хочу никакого документального искусства» (М. Малиновская);

— откровенная нейросетевая бредятина, знаменующая полное разложение сознания и мышления: «но это происходит (сейчас)² двигаясь через несколько оцеплений в потоке размечено: то ли это, о чем мы молчали на семинарах; под несводимое к нам число приближается то, что его сожмет к передаче помимо нас. кажется, ничего невозможного для ожидания, но плавятся материалы» (А. Родионова); «плевры и пневмы на покое бессилие наносное трансцендированное по привычке дурной [...] молока с козла надоена тютелька при агрессивном наезде потусторонних не то хабалок не то баскачих необузданных [...]» (Д. Гольинко);

— паразитический эпатажец — оборотная сторона творческой импотенции: «и да я до... * как хочу играть словами слегка соприкоснувшись» (А. Скидан).

И так далее и тому подобное...

Эти «сущности» можно множить долго, примеры могут кочевать из одной ка-

тегории в другую, ибо все они перетекают один в другой и очень быстро сливаются в сплошное месиво, которое с упорством обреченного продолжает размазываться по мелкой тарелке, а чаще — по огромному картонному блюду безответственного, болтающегося в вакууме «высказывания». Написано это все отвратительной скудоумной прозой, гниющим заживо канцерогенным языком с анабиотической грамматикой, разложившимся синтаксисом, сомнительными графическими вывертами и смешными в своей наивности попытками «потока сознания» (бедная пунктуация) и «автоматического письма». Вот такое нынче проходит у нас под вывеской «Поэзия»...

Для цитирования я выбрал в основном начальные и финальные строки текстов, то есть те точки, которые в нормальном стихотворении являются ударными — «вход» и «кода»... Но то — в нормальном стихотворении, а здесь можно выдернуть строку из любого места, и она будет отображать общую кашеобразность текста: вход в верлибр донельзя тошнотворно скучен, а до «выхода» и вовсе не каждый доберется. Унылая картина, не правда ли?

Конечно, и рифмованные тексты премиального листа неровны и неоднородны, и никто не говорит о том, что рифма является однозначным гарантом качества, — но то, что «актуальный» верлибр является гарантом бездарности, можно говорить вполне определенно.

* * *

Почти через полвека после выхода прекрасная, пророческая и в высшей степени добросовестная «Книга о русской рифме» Давида Самойлова не просто не устарела, но стала только актуальней всей «актуальной поэзии» вместе взятой. В этом исследовании, над которым Самойлов работал десять лет, проде-

* Пропущено по цензурным соображениям. — Ред.

монстрированы богатство и разнообразие русской рифмы и практически неисчерпаемый потенциал ее использования, работы с ней. Рифма предстает в книге как ключевой капитал русской поэзии, ее золотой запас, ее прошлое, настоящее и будущее. О верлибре же и его туманных перспективах Самойлов осторожно, но вполне недвусмысленно замечает следующее: «Свободный стих состоится лишь тогда, когда возникнет его национальная форма. Создателем его может быть только гений. Нынешние образцы верлибра еще не обеспечены потенциалом таланта. Свободный стих в переводе чаще всего терпит крах. Нет еще оригинального подхода к свободному стиху. Видимо, не настало для этого время. Русская рифма будет одним из определяющих факторов конструкции стиха до тех пор, пока в живом языке сможет черпать материал для своего обновления».

Сегодня становится очевидно, что упомянутая «обеспеченность потенциалом таланта» скатилась до нуля, если не ушла в минус: верлибр на почве русского стиха — ветвь тупиковая. Сейчас, когда поэтическая ноосфера до краев забита верлибристическими «поделками» и «рифмованными верлибрами» (где рифма случайна, не конструктивна и безнадежно произвольна, а все остальное — так же убого и поверхностно, как в верлибре), это стало очевидным. Поэтому разнообразного разлива «авангардисты», твердящие о том, что «стихи в рифму устарели» (как недавно обмолвилась Алина Витухновская, комментируя присуждение Нобелевской премии Луизе Глюк), даже не отдают себе отчета, что вся их революционность на поверку оборачивается самым дремучим консерватизмом. Прискорбно, но они не понимают, что рифма, питаясь живительными соками русского языка (в силу своего словообразовательного характера, под рифму и «заточенного»), естественным образом будет развиваться, цвести и ветвиться, в то время как

эволюция верлибра напоминает унылое тление мокрых головешек.

Все авангардистские возможности в силу самой природы нашего языка не способны миновать рифму, а большинство из этих векторов обновления поэзии — завязаны на ней напрямую. Это легко доказать, но тогда придется уйти в литературоведческие дебри, чего формат критической статьи сделать не позволяет. А современная тенденция смешения живой литературной критики с зубодробительно тоскливым академическим литературоведением (такие «критические верлибры», к сожалению, всячески поддерживаются и премией «Поэзия», и премией «Неистовый Виссарион») не представляется продуктивной и жизнеспособной.

Вернемся к Самойлову. Он указывает на важный момент: у русскоязычного верлибра нет своего «гения» и, соответственно, своего канона. У американского, например, такой гений, создавший канон, есть — это Уолт Уитмен (повлиявший, кстати, на многих русских поэтов, в частности — на Маяковского), в русской же поэзии мы видим просто несколько гениальных верлибров, написанных большими поэтами (В. Хлебниковым, А. Блоком, М. Кузьминым) в порядке эксперимента. Таким образом, здание современного верлибра оказывается построенным на болоте, на пустоте. Если вы попытаетесь отыскать хоть какую-то философско-эстетическую базу современного верлибра, ваши усилия окажутся бесплодными — не считать же за таковую подделанный под свои интересы и поверхностный, автоматический пересказ французских постструктуралистов или Language School американской поэзии (Л. Хеджинян, М. Палмер)... Лингвистические эксперименты «языковой школы» возможны на почве английского языка, но при механическом переносе на русскоязычную почву априори становятся выморочными и механистическими.

Переносчиком и ретранслятором этой «лингвистической» поэтики в России выступил Аркадий Драгомощенко — метареалист второго ряда и довольно средний поэт (впрочем, все познается в сравнении, и по сравнению со своей молодой паствой Драгомощенко, может, и гениальный), превращенный верлибристической молодежью в божка местного разлива. Поклонение ему, близкое к сектантскому, происходит ежегодно в рамках Драгомощенковской премии, лонг-лист которой из года в год по своей увлекательности слабо отличается от инструкции к пылесосу.

Может ли считаться полноценным литературным феноменом и тем более — магистральным вектором развития русской поэзии явление, не основанное ни на чем, не имеющее в своем фундаменте никакого отличительного «гена» национального языка? Может ли устоять дом (к тому же явно перенаселенный) на гнилых, а то и вовсе отсутствующих сваях? Разумеется, нет.

Для многих заметных современных поэтов мертвечина этого пересаженного на не подготовленную и не предназначенную для него почву иноземного «дичка», слава богу, ясна, как белый день. Отлично характеризует (продолжая мысли Давида Самойлова) бесперспективность верлибра, к примеру, Дмитрий Быков: «Верлибр для России остается довольно уродливой литературной модой, он неорганичен. В России множество сегодняшних молодых авторов пишут неотличимые друг от друга, скучные и предсказуемые стихи — это имитация. Настоящий свободный стих, как говорил Самойлов, требует огромного мастера, у которого обращение к верлибру жестко мотивировано. “Мелодия — душа музыки”, — говорил Шостакович; так же можно сказать, что и рифма — душа поэзии. Если человек не умеет рифмовать или не чувствует музыки стиха, ему сам Бог велел писать

верлибры. Но вообще, верлибры — уже довольно устаревшая практика, даже американцы возвращаются к рифмованному стиху. Мне кажется, большинство хороших авторов в современной России владеют замечательно и рифмой, и ритмом»⁸.

Так что перспективы верлибра в России (да и в мире) отнюдь не радужные. Немного запоздало, но все-таки приходит понимание: то, что подавалось как свежее слово в поэзии, на поверку оказалось кучей ржавого устаревшего словесного хлама. Быков акцентирует и еще одну очень важную вещь: надо четко разделять верлибр как жанр и собственно «актуальные» опусы, написанные в этом жанре. Как жанр верлибр требует точного, виртуозного подхода, ибо за отсутствием рифмы актуализируются все остальные стиховые компоненты, и все они должны быть на высоте. Поэтому по-настоящему верлибр поддается единицам (овладевшим, разумеется, в совершенстве традиционным стихосложением). Так в идеале, в теории.

На практике же источником, побудительным импульсом к написанию верлибра становится общая бездарность, банальное неумение рифмовать и ослепляющее желание хайпа. Своей соблазнительной, кажущейся легкостью верлибр напоминает эссе: многие считают, что это просто вольный поток размышлений, и немногие понимают, что качественная эссеистика подразумевает твердый композиционно-смысловой «позвоночник». Свобода же в верлибре понимается его адептами как анархический произвол, но отнюдь не как осознанная ответственность. Поэтому о «позвоночном столбе» современных верлибров говорить не приходится — в массе своей это просто растекшееся желе, за которым стоит не «лица необщее выраженье» автора, а «кусочек безликого розоватого теста, хоть бы метка была в уголочке вышита» (Маяковский).

⁸ <https://daily.afisha.ru/brain/16024-dmitriy-bykov-ya-ochen-rad-cto-ne-poznakomilsya-s-brodskim/>

Разумеется, в современной поэзии есть хорошие, подлинные верлибры, но они, очевидно, являются исключением, подтверждающим правило, — не только в общих рамках литературного процесса, но зачастую и в творчестве их авторов, в основном пишущих в рифму. Авторы таких верлибров в противовес «актуалистам» отличаются грамотной метарефлексией над жанром — так, например, поэт, философ, эссеист Андрей Тавров в предисловии к специальному номеру журнала «Гвидеон»⁹, посвященному верлибру, проводит строгую и справедливую ревизию жанра.

Приведем развернутую цитату, потому что здесь Тавров вскрывает два важнейших свойства современных верлибров, два их типологических параметра, которые делают их антипоэзией: «Стихотворение, как и человек, обладает телом, а значит, и жизнью, и аурой. Стихотворение без жизни и без ауры — это мертвое стихотворение или стихотворение-трикстер, а еще точнее, перед нами в таком случае не оно само, а искусственная форма (стихотворение-биоробот) стихотворения. <...> Заряженность смыслом небольшого пространства речи заставляет речь лучиться следом живой энергии — аурой, причем такая аура, подобно метафизической одежде, идет в живой космос, одухотворенный и бесконечный, и конца, как и само пространство жизни, не знает. <...> Если же речь вести о современном верлибре, то мне представляется возможным назвать две тенденции его развития. Во-первых, это увеличение протяженности стихотворения. Во-вторых, нарастание его технологичности. Длинные русские верлибры становятся все более привычными в пространстве, которое, с некоторыми кардинальными коррективами, до сих пор принято именовать поэтическим. Вполне естественно, что для того, чтобы поддержать ауру такого длинного стихотворения, его одежду, для него по-

требуется на максимум его длины присутствие максимума смысла, причем тут есть некоторые тонкости. Поэмы, написанные регулярным стихом (я имею в виду, условно говоря, классический период поэзии), в случае их протяженности не проваливались в голизну, голость, отсутствие энергии и одежды, ибо в них происходила игра несловесных составляющих поэмы — строф, рифм, размеров, ритмов — все это обеспечивало живое игровое напряжение на длинных отрезках поэтической вещи. В верлибре этих составляющих нет или почти что нет. Ему остается опираться прежде всего на заряженность смыслом, пластическим интензивом, но если мы глянем на образцы длинного современного верлибра, то этой-то насыщенности мы как раз чаще всего и не найдем. На деле нам предлагают “поэтические” образования третьего или четвертого ряда. Есть ли у них аура? У некоторых она присутствует, но ослабленная, неразумная, больше напоминающая заключения некоторых визионеров по поводу того, что неразумный слой души какое-то время после смерти человека все еще качается над его могилой. <...>

“После Адорно” многие, ныне пишущие, ставят цель избавиться от “поэтического”. Но при этом встает вопрос — не идет ли в конкретных примерах процесс избавления от самой поэзии, как от чего-то слишком непонятного, избыточного и дискомфортного в “мире мер”? <...> Имеют ли стихи третьего ряда право на существование? Несомненно. Просто с точки зрения поэзии — это не норма, а игра на понижение, вполне приемлемая множеством уставших от всего сложного читателей, как интеллектуально оснащенных, так и не очень-то разбирающихся в поэзии. Вторая тенденция — это технологичность, причем не механистическая, а чаще всего виртуальная, на которую столь уповают создатели современных технологических прорывов стихотворения в об-

⁹ <http://gulliverus.ru/at-18.html>

ласть социальных сетей и виртуальных пространств с целью создания “новых форм поэзии”, которые, вообще-то, создаются не снаружи, а изнутри. “Новых”, потому что оказавшихся привязанными к виртуальной машине, утратившей координаты человеческого тела, о чем писал Бодрийяр в “Системе вещей”. Лишь в этом заключается здесь залог новизны стихотворства. Очевидно, что для появления чего-то действительно качественно нового в стихотворении этого недостаточно. Что же тут происходит? Вместо ауры здесь реализуется контакт с “другой одеждой” — компьютерными технологиями и компьютерной машиной, лишенной по определению живой внутренней формы, вообще жизни. Компьютерная имитация жизни безразмерна, поэтому длинные верлибры вполне ей соответствуют хотя бы просто количественно. Надо сказать, что стихи, переливающиеся в компьютерную “одежду” и обратно, обладают также рядом собственных признаков, по которым они легко опознаются. Это — перечисление, целые периоды перечислений, каталогизация, вообще повтор, нарушение синтаксиса, и тем самым выявление его роли вдвойне, холоднокровие (отсутствие способности к проявлению плача или смеха, даже несмотря на их название), естественно, что отказ от акустики и строфики в пользу глаза, отказ от некаталогического повтора в рифме и т. д. <...> ...Придется констатировать, что этот вид поэзии лишен того, что до сих пор для поэзии было неотъемлемой ее частью — жизни, энергии, а также смысла, невыразимого, но постижимого. Стихотворение — это уникальное существование, уникальная сущность. Оно целиком располагается в пространстве между вдохом и выдохом — и в этой тишине, в этом мгновенном безмолвии — его дом, место, где творится в том числе жизнь

тела, которую, благо, интеллект не способен взять под контроль — остановить дыхание, ибо вместе с дыханием закончится и его собственная деятельность».

Тавров часто подчеркивает, что он не против верлибра как такового, но против его «разжижения». Но что поделать, если чудовищно «разжижены» почти все — за редчайшим исключением — нынешние русские верлибры?

Примерно о том же говорят и Глеб Шулпяков¹⁰, и Олеся Николаева¹¹, и Геннадий Калашников¹², и многие другие значительные современные поэты.

Нехитрый рецепт стряпания «актуальных» верлибров еще в 2005 году дал Игорь Шайтанов в своей статье «Стратегия поэтического неуспеха»¹³, посвященной первой «актуальной» антологии «Девять измерений» и вошедшей в его прекрасную книгу «Дело вкуса. Книга о современной поэзии». Рецепт этот прост: взять цитатку позаумней из популярного философа (особо в чести французы — Бодрийяр, Лиотар, Делез), пересказать весь этот «деконструктивизм» своими словами (точнее — отсутствием таковых), умеренно разбавить матом (прохилый эпатажник и слюнявую провокативность нельзя забывать), обязательно поменять-попиарить дружка-верлибриста, ну можно еще нагнести картонной физиологии, и — вуаля! — низкокачественная проза готова. Осталось только записать ее в столбик и дожидаться статьи какого-нибудь прикормленного «теоретика» (предположим — И. Кукулина), который все это несъедобное варево назовет революционным прорывом в поэзии и оправдает так лихо, что никто (ни поэт, ни читатель, ни сам критик) ничего не поймет.

...То, что качеством взять не получится, им стало понятно достаточно быстро — стали брать количеством, благо стадное мироощущение в этой среде было

¹⁰ <https://vk.com/@sibogni-gleb-shulpyakov-dlya-stihov-nuzhno-zatishe-a-ne-stress>

¹¹ <http://gostinaya.net/?p=19581>

¹² <http://www.plavmost.org/?p=11357>

¹³ <https://voplit.ru/article/strategiya-poeticheskogo-neuspeha/>

развито изначально. Один верлиброписк не слышен, но сотня, но тысяча — это уже надоедливый шум.

Горе-теоретики, однако, не учли одного — *необходимости* цитирования. «Цитата — не есть выписка. Цитата есть цитата — неумолкаемость ей свойственна», — сказал Мандельштам. В случае с верлибрами цитата не поет и не сверчит, поскольку мертва.

Эту самую «необходимость цитировать» как мощный инструмент само-разоблачения верлибристов выделяет и Шайтанов в упомянутой статье, наглядно показывая, что любая выдержка из стихов в силу своей полной эстетической беспомощности и никчемности тут же обрушивает все воздушные замки высоко-лобого псевдофилологического и недофило-лософского теоретизирования, придавая соответствующим статьям и манифестам откровенно пародийную окраску. Собственно, эту пародийность Шайтанов блестяще продемонстрировал в конце своей статьи, пересказав ее... верлибром, который — закономерно — получился абсолютно неотличимым от тех, что ранее в статье цитировались. Кода, что уж говорить, получилась мощная — шах и мат. Поэтому интересующихся подноготной новоявленного верлибра по сей день можно смело отсылать к этой образцово-показательной во всех отношениях статье.

* * *

Все чаще раздаются голоса разной степени тревожности, вещающие о «победе» верлибра. Основным поводом для таких высказываний становится чисто количественный фактор: геометрическая прогрессия умножения верлибристических текстов. Множить их по готовым примитивным лекалам — дело нехитрое и не особо отличается от работы ксерокса. Но количественный показатель ни-

когда не был и не может быть в поэзии определяющим. Скорее, легкость, с которой «почкуются» верлибры, лишний раз обнажает их графоманскую сущность. О показателе же качественном — при полном отсутствии какой-либо стилистической и интонационной индивидуальности «актуальщиков» — говорить, разумеется, не приходится вообще.

Тем не менее опасения высказываются. Например, в одном из немногих ныне оплотов здравомыслящей литературной критики — рубрике журнала «Вопросы литературы» «Легкая кавалерия» поэт, эссеист, социолог литературы Михаил Гундарин замечает по поводу нашумевшего летом в «Фейсбуке» очередного феминистического «манифеста» (у верлибристов почти любой текст претендует на манифест — феминистский, социальный, политический, эстетический — претендует, однако, с тем же успехом, что Лжедмитрий на царскую корону) Галины Рымбу «Моя вагина»: «...Защитники текста, как можно предположить, были намерены с помощью сочинения Рымбу закрепить на “вражеской территории” и уже потом, с этого плацдарма, распространиться по сообществу максимально широко. Если что, они — победили. Ведь очевидно, что сама возможность разговора о каком-либо предмете или явлении легализует этот предмет/явление в групповом дискурсе. Ну то есть если про текст Рымбу мы спорим, значит, этот текст и аналогичные ему уже в нашем смысловом поле, они обретают реальность на глазах. (Не спорим же мы о тексте графомана Пупкина-Задунайского, который недо-стоин и упоминания.) Пресловутое окно Овертона раскрылось в литературном поле; палец в рот актуальным практикам положен, теперь литературная конвенция не досчитается всей руки»¹⁴.

Тезис о том, что верлибристическая физиология теперь основательно вышла

¹⁴ <https://voplit.ru/column-post/o-dlennom-stihotvorenii-galiny-rymbu-mikropolitike-i-fiziologicheskom-verlibre/>

в концептуальное предметное дискуссионное поле, вызывает серьезные возражения. «Вагина» Рымбу — в лучшем случае вишенка на протухшем сразу по изготовлении торте. Обсуждать такую вишню можно, но кто будет ее есть? Пассивная, дряблая, пластиковая, декоративная физиология, никак эстетически не обработанная и ничего общего не имеющая с наследующей модернизму поэтической телесностью...

Для мыслящих, чувствующих и понимающих поэзию людей верлибр со всеми его «перспективами» уже давно похоронен, так что никакая это не победа — это поражение, дурное бессмысленное ввинчивание ржавого болта в пустоту, холостое, пустопорожнее прокручивание, безэмоциональное механическое соитие вымученных словечек без намека на оргазм (и его аналог в духовной сфере — катарсис).

Какие там победители? Эта армия профессоров кислых щей начала отступать уже после первого боя и отступает до сих пор, просто у ее «солдат» словесная диарея, и они загаживают все оставленные территории. Эти «могучие кучи» не следует принимать за победные бастионы. Другое дело, что авгиевы конюшни верлибра нуждаются в разгребании. Но учитывая, что хорошее стихотворение — само себе Геракл, санитария леса — проблема решаемая.

«Вагина» Рымбу — это просто громкий смешочек, недолгое эхо которого уже затихло.

Верлибр закономерно проиграл, шансов на победу не имея изначально. Дело только за тем, чтобы его сокрушительное поражение стало очевидным для поэтического и читательского сообщества. И думается — этот славный день не за горами. Хочется надеяться, что эта статья хоть немного его, да приблизит.

Сергей МАТЮШЕНКО

ТЕРПЕНИЕ И ТРУД

О творчестве Юрия Лукашина

Не бывает легких путей в искусстве, и у каждого свой, особенный путь...

Юрий Лукашин осознал способности к живописи на уроках рисования — еще в школьные годы, что прошли в алтайском селе Косиха. И не случайно после окончания Юрием начальной школы первая учительница сохранила его альбом, чтобы показывать школьникам рисунки одаренного мальчика.

После школы Юрий пошел по стопам родителей (отец и мать были профессиональными военными) и, решив продолжить династию, поступил в Серпуховское высшее военное училище им. Ленинского комсомола, которое успешно окончил в 1973 году. Но служба молодого лейтенанта ракетных войск стратегического назначения оказалась недолгой...

В 1975 году на войсковых учениях Юрий Лукашин попал в автомобильную аварию, в результате — травма позвоночника и паралич ног. В течение года безуспешно пытался встать на ноги, мечтал снова быть в армейском строю. Боролся с болезнью и рисовал, рисовал...

После тяжелейшего года, проведенного в военных госпиталях, врачи поставили страшный для молодого парня диагноз: ходить он не будет никогда.

Но жизнь на этом не кончилась! Сдаваться — такой мысли Юрий не допускал. И, оказавшись инвалидом на гражданке, поступил в Заочный народный университет искусств им. Крупской в Москве на курс живописи и графики. Тяжело ли учиться заочно инвалиду? Художники,

отправляясь на пленэр, вешают на плечо этюдник и меряют километры в поисках подходящей природы. А если ноги не ходят, а нужно написать пейзаж, как тут быть? Помог отец — он на руках выносил Юрия с третьего этажа (инвалидная коляска не входила в лифт), сажал его в старенький «запорожец» и вез на пленэр.

Так они вместе прошли трехгодичный курс обучения. Затем Юрий решил учиться дальше и окончил дополнительный двухгодичный курс, а после пяти лет учебы началась творческая карьера художника...

Теперь за плечами Юрия Александровича Лукашина большая творческая жизнь: выставки и награды, российские и международные, почетная грамота губернатора Алтайского края и более трехсот работ в жанре портрета, натюрморта, пейзажа, а также графика и рисунки для книг алтайских писателей.

«Когда я юношей бродил с отцовским ружьем по родному краю, — вспоминает художник, — то получал неизгладимые впечатления, мою душу наполнял неописуемый восторг от красоты наших мест. Я не мог налюбоваться глубиной неба, прозрачностью воды, рыхлостью снега. Мне хотелось, чтобы и другие люди увидели эту красоту и испытали такие же эмоции.

Я счастлив, когда люди через мои картины получают эстетическое наслаждение. Значит, я не зря трудился, применяя различные приемы: где мягкой кистью и жидкой краской рисуя тени; где грубой щетинной кистью, а где и масти-

хином, жирно и мощно, толстым слоем краски. Из всех этих мазков и приемов рождаются предметы, вспыхивает свет на них, сверкают блики. Возникшие предметы начинают жить в живописной среде гармонично, объемно и явственно, хоть бери их в руки...»

Как необычна судьба этого художника, так нетипична обстановка его студии: творческая мастерская, которую он получил, став членом Союза художников России в 2000 году, — это и жилище, и кухня, и спортивный зал. Здесь все приспособлено к тому, чтобы жить и творить, не имея возможности ходить. И утро 67-летнего художника начинается с трехчасовой тренировки собственного тела, в первую очередь — рук, от крепости которых зависит вся его жизнь.

А руки художника держат не только кисть, но и различные инструменты — и подрамник надо подготовить, и холст натянуть, и управлять автомобилем, на котором он ездит на пленэры.

За многие годы плодотворной работы Юрий Александрович исколесил самые удаленные уголки Горного Алтая. Невозможно представить, как ему хватило сил перенести все тяготы и лишения многодневных поездок по горам — видно, армейская закалка осталась на всю жизнь. Но невозможно и представить, чтобы трудные проселочные пути-дороги и палаточный быт у костра смогли стать препятствием для художника в его непреодолимом желании отображать на холсте красоту родного края!

Конечно, в этих поездках помогали друзья по цеху и жена Валентина, но основные тяготы ложились на плечи самого Лукашина: и тяжелый этюдник переносил, и по горным тропам на инвалидной коляске передвигался без посторонней помощи.

Мастерство художника, владение техникой письма позволяет ему искусно передать суровую природу края в работе «На ветру. У Катуня» — резкие, отрывистые мазки заставляют зрителя физически почувствовать силу и мощь природы.

А натюрморты Лукашина — многоцветие всех красок окружающего мира, яркие, незабываемые, пахнущие цветами и осенней листвой. Это и простые «Полевые цветы», и свежий «Утренний букет», и напоминание о временах года — «Летний букет» и «Осенний букет».

В работе над портретом Юрия Лукашина прежде всего волнует внутренний мир человека, его душевное состояние в различные периоды жизни.

Портреты окружающих художника женщин написаны с любовью и нежностью, с тщательной прорисовкой мелких деталей; идеализируя женскую красоту, он в то же время пытается достичь максимально возможного внешнего сходства. Названия этих работ просты: «Валя Тихонова», «Портрет Ани», «Оля Щербакова», «Лариса», «Портрет дочери».

В мужских портретах Юрий Лукашин традиционно стремится передать мужественность, силу духа. Это портреты известных людей, друзей и родных художника: «Портрет отца», «Живописец В. Терещенко», «Поэт В. Казаков», «Поэт Вильям Озолин. Лист осенний», сильный и мужественный образ в автопортрете «Некий художник».

К юбилею Победы Юрием Лукашиным была написана работа «Не ходите к нам с войной» — небольшая группа бойцов шагает вдаль, мы не видим их лиц, но важно другое — они широким твердым шагом идут на запад под знаменем, овеянным порохом побед. Один из бойцов, молодой лейтенант, повернул голову, и на его лице — не ожесточение, а твердость и непримиримость к врагу.

«Работа над картиной для меня — огромное наслаждение, — говорит Юрий Лукашин, — творчество — цель и смысл моей жизни. Но, воплощая в живописи идеи и мысли, я всегда ставлю перед собой первостепенную задачу: донести их до зрителя. Для меня это главное, ведь картина — это не набор красивых предметов, а средство передачи своих мыслей через художественные образы».

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2020 ГОД

ПРОЗА

- Блейза Татьяна. Кольцо Света. Рассказ. — 4.
Васильева Владислава. Перчатка. Рассказ. — 10.
Вассбар Виктор. Война — тяжелая работа. Рассказы. — 5.
Гербер Денис. Терма ума. Рассказ. — 4.
Гончаров Евгений. Магазин китайского чая, или Пропавшая Гуаньинь. Рассказ. — 6.
Горепёкин Роман. Калмык. Повесть. — 12.
Дурягина Светлана. Махонькая. Рассказ. — 5.
Злобин Володя. Отец лжи. Повесть. — 1.
Кирилин Анатолий. Во саду ли, в огороде. Рассказ. — 3.
Кожухов Игорь. Беседы по душам. Рассказы. — 12.
Кононов Дмитрий. Германия. Рассказ. — 6.
Копнинов Валерий. Свадебный чертополох. Рассказ. — 9.
Корниенко Игорь. Давай взорвем весь этот свет! (Письма с вулкана). Роман. — 7, 8, 9.
Короткова Наталья. Трава на обочине. Повесть. — 2. «Прощание славянки». Рассказы. — 11.
Косовская Мария. Барби. Рассказ. — 10.
Костюкевич Анна. Идеальная ловушка. Рассказ. — 4.
Крапивина Марина. Жердина. Сказ. — 7.
Кудлач Ярослав. Переиграл. Рассказ. — 4.
Лаптев Александр. Итальянец. Повесть. — 6.
Лашук Татьяна. Девочка и война. Рассказ. — 5.
Лузанов Олег. Повороты судьбы. Рассказы. — 3.
Марфин Владимир. Я вас всех никогда не забуду. Повесть. — 9.
Михеева Светлана. Роза, играй... Повесть. — 5, 6.
Морозов Валерий. Ямская гармонь. Рассказ. — 2.
Новгородцева Любовь. Жизнь и ее винтики. Рассказ. — 11.
Перминова Надежда. Ангел Севочка. Рассказы. — 5.
Петрова Валентина. Привычка Юдина. Рассказ. — 8.
Пожарская Алина. Ветрянка. Рассказы. — 10.
Полиновский Леонид. Сад Сталина. Повесть. — 8.
Прашкевич Геннадий. Гуманная педагогика. *Из жизни птеродактилей*. Роман. — 1, 2, 3.
Ревкова Наталья. Попутчик. Рассказ. — 4.
Савельева Елена. Под крышей дома. Рассказ. — 7.
Санжаровский Анатолий. Отчество. Рассказ. — 5.
Сатпаева Нурайна. Кара. Рассказ. — 10.
Сенчин Роман. Полчаса. Рассказ. — 3.
Соколов Станислав. «Лебединое озеро». Рассказ. — 7.
Сорокотягин Денис. Лето. Кока-кола. Бах. Рассказ. — 10.
Тарасова Наталья. Требуется хранитель. Рассказ. — 4.
Тен Виктор. Пушкин в Одессе. Рассказ. — 3.
Федоткин Андрей. Зверек. Рассказ. — 4.
Чолокян Владимир. Железный повод. Роман. — 10, 11, 12.
Шумарин Аркадий. Глаза волка. Рассказ. — 7.
Щетинина Елена. У каждой женщины есть прошлое. Рассказ. — 4.
Ядаганов Вячеслав. В одном селе далеко... Рассказы. — 3.

ПОЭЗИЯ

- Алейников Владимир.** «...Этой жизни лицо достоверное». Стихи. — 8.
Алтухова Ольга. Место для маневра. Стихи. — 4.
Аникина Ольга. Тихий цикл. Стихи. — 1.
Артюхов Евгений. Песенка о золотом квадратном метре. Стихи. — 2.
Бабанская Алена. Сны бабочки. Стихи. — 3.
Безрукова Елена. Синее стеклышко. Стихи. — 11.
Беличенко Юрий. Польша на ветру. Стихи. — 6.
Васильцов Иван. Плакатные облака. Стихи. — 7.
Витченко Евгений. Из цикла «Зимние стихи». Стихи. — 4.
Гришин Константин. Дымок над городом. Стихи. — 3.
Грюес Люк. Похищение ландшафта. Стихи. *Перевод с нидерландского Анастасии Андреевой.* — 9.
Делаланд Надя. Свет за окном. Стихи. — 8.
Домрачева Ольга. Говорила река. Стихи. — 4.
Донбай Сергей. «Время на мне поменялось...» Стихи. — 11.
Жамбалова Елена. Эссе на тему. Стихи. — 8.
Замшев Максим. «Там, где была когда-то остановка». Стихи. — 1.
Ивантер Алексей. Артель. Стихи. — 5.
Кекова Светлана. Яблоко и крест. Стихи. — 2.
Коврижных Виктор. Над колхозной державой. Стихи. — 1.
Корзова Ольга. «Есть время для ветра и снега...» Стихи. — 7.
Куницын Игорь. Среди дач подмосковных. Стихи. — 9.
Курская Дана. Иероглиф юности. Стихи. — 3.
Ливинский Станислав. Один и тот же человек. Стихи. — 8.
Мальгина Александра. Цветущий папоротник. Стихи. — 10.
Матонин Василий. Продувные ветра. Стихи. — 1.
Мельников Дмитрий. Зима с тобой. Стихи. — 12.
Михеева Светлана. Лестница на улице Грязнова. Стихи. — 10.
Натура с птицей. *Надежда Перминова, Наталья Перстнева, Юрий Татаренко, Елена Клименко.* Стихи. — 6.
Павловская Анна. Бутлегер дождя. Стихи. — 11.
Правиков Александр. О синицах. Стихи. — 4.
Пустынный покой. *Сергей Калашиников, Алексей Ковалевский, Станислав Федотов, Григорий Князев, Вера Калмыкова.* Стихи. — 7.
Радашкевич Александр. Карантинные строки. Цикл стихотворений. — 6.
Рантович Михаил. Бабочка, люпин... Стихи. — 2.
Румянцев Дмитрий. Мотылек на стене. Стихи. — 9.
Рычкова-Закаблукская Алена. Жадеит. Стихи. — 6.
«С черного входа украдкой». *Екатерина Малофеева, Роман Поплавский, Наталья Добаркина, Ева Райм, Павел Сидельников.* Стихи. — 10.
Сайдаков Виктор. Горькие мальвы. Стихи. — 12.
Синицын Тихон. На дворе цифровая эпоха. Стихи. — 9.
Францев Александр. Человек на чужбине. Стихи. — 2.
Фроловская Мария. Три истории. Стихи. — 5.
Шевченко Ганна. «За хохлому, березы и абсурд». Стихи. — 12.
«Я неопознанный солдат...» *Юрий Левитанский, Марк Юдалевич, Леонид Решетников, Иван Краснов, Марк Сергеев, Михаил Борисов.* Стихи. — 5.

ДРАМАТУРГИЯ

- Казаков Владимир.** Малая Бронная, 21/13. Пьеса. — 1.
Назаров Игорь. В гостях у сказки. *Административно-фантастическая быль.* — 4.
Шелленберг Вероника. Шаман. *Горно-алтайская быль.* Пьеса в одном действии. — 10.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Носов Евгений.** Из записных книжек 1970—1980-х годов. Собачий наперсток. Рассказы. — 11.
Фоняков Илья. Размышления над школьной азбукой. Стихи. — 3.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Балацкий Николай.** Орнитологические коллекции в фондах Музея природы Новосибирского государственного краеведческого музея. — 11.
Берязев Владимир. «Не умею о любви — верлибром...» — 3.
Военное детство. Воспоминания новосибирских жителей. — 11.
Гавриленко Светлана. Десяносто книжных лет. *К 90-летию Новосибирской государственной областной научной библиотеки.* — 2.
Генерал-майор полиции Василий Шушаков: «Гвардия была элитой во все времена!» — 2.
Грешнова Фарида. Женщины-пожарные в годы Великой Отечественной войны в Новосибирске и Новосибирской области. — 12.
Дружинина Валерия. Коллекция из детства. *Елочные украшения в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея.* — 12.
Куницын Георгий. Марксизм в России начинался со лжи. — 7, 8, 9.
Лидия Зиедия: «Я тогда была ребенком...» *Интервью с племянницей Владимира Зазубрина.* — 6.
Максим Замшев: «Визуальное вытесняет вербальное!» — 1.
Минина Наталья. Улицы Ново-Николаевска: формирование и топонимика. — 6.
Музей для людей. — 9.
Муратов Петр. Волоколамск — Марибор. *75-летию Великой Победы посвящается.* — 5.
Овчарова Мария. Коллекции народов Поволжья в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея. — 7.
Орлов Павел. Пиратский сундук и другие сокровища музея. — 1. Сибирские бронепоезда. Начало пути. — 5. Сибирские бронепоезда. Боевые маршруты. — 12.
Прашкевич Геннадий. Грезы о Земле и небе. *Размышления фантаста о советской фантастике.* — 4.
Прохорова Татьяна. Коллекция сибирской народной иконы. — 8.
Романов Павел. Врачебные тайны. Судьба новосибирского врача Д. Г. Фирфарова и его семьи. — 5.
Росляков Сергей. Новые открытия археологов краеведческого музея. — 3.
Рубшев Антон. «Берем мы с Владимиром по одной и по последней “лимонке”...» — 5.
Стефанов Илья. Воспоминание об Алжире. — 7.
Федоров Александр. Взгляд за миллион лет до нашей эры. — 2.
Чеботарёв Алексей. Оружейная коллекция Новосибирского государственного краеведческого музея. — 10.
Шаповалов Андрей. Шаманский космос в музейной витрине. — 4.

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Баронец Влада.** Странное хаотическое движение: загадки современной критики. — 3.
Берязев Владимир. «Полмира тащит на вожжах». — 1.
Бусаргина Тамара. Неистовый огонь слова. *Размышление о протопопе Аввакуме.* — 11.
Комаров Константин. Трепет и треп. *О поэзии без поклонения, но с любовью.* — 1.
Большей частью — о хорошем. *О поэзии с нежностью, но без сюсюканья.* — 3. Зерна и плевелы. — 10. Без шансов на победу. — 12.
Мартынова Елизавета. «Поэзия и музыка одна...» *Размышления о современной молодой поэзии.* — 6.
Ненаписанные книги: контуры и силуэты. Д. Драгунский, А. Кирилин, Ю. Козлов, А. Мамедов, Ю. Милославский, В. Михальский, Г. Прашкевич, А. Рубанов, Р. Сенчин, М. Тарковский, Л. Юзefович, М. Щукин. — 3.
Папкина Елена. Восторженный поэт Сибири. — 11.
Ранская Алла. Сибирский поэт Иван Черкасов. — 6.
Сафронова Яна. Алкоголь, коты и немцы: маленькие итоги «Большой книги». — 2.
Химеры русского патриотизма. — 8.
Хлебников Михаил. Реалии отечественной фантастики. — 4.
Хорват Филипп. Большая литература: смена курса или трансформация? — 4.
Шепелёв Алексей. Манифест стереокритики. — 11.
Шульпяков Глеб. За год до войны. *Отрывок из новой книги о Константине Батюшкове.* — 12.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Бушуева Мария.** Чувство счастья. — 6.
Лютый Вячеслав. «По равновеликим краям материнской земли...» — 10.
Михеева Светлана. Войско роз. — 1.
Трушкина Анна. Увидеть свет Твой... — 6.
Ягодинцева Нина. Смотреть бесплатно в хорошем качестве. — 3.

КОРОТКО О КНИГАХ

Издано в Тюмени. — 11.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

- Богданова Елена.** Мирная жизнь на «Красном проспекте». — 11.
Кузнецов Андрей. Алена Залуцкая — человек, оживляющий глину. — 3. Неизвестный Художник Юрий Артюшкин. — 4. Женин сад. — 7. Ultima Thule Юрия Шахояна. — 8.
Мартынова Лариса. На границе. — 9.
Матюшенко Сергей. Терпение и труд. *О творчестве Юрия Лукашина.* — 12.
Мосиенко Сергей. Новосибирский плакат. — 1. Палитра жизни Сергея Пирогова. — 5.
Прокопов Евгений. Мир света, тепла и доброты. — 6.
Чирков Владимир. Сергей Дыков, идущий сквозь сны. *Искусствоведческие письма.* — 10.
Шадрина-Шестакова Евгения. Пять миров Новосибирска. — 2.

АВТОРЫ НОМЕРА

Горепёкин Роман Александрович родился в 1972 г. в Новочеркасске Ростовской области. Окончил Новочеркасский политехнический институт. Работает заместителем директора ООО «КБ “Тренажерные комплексы”». Ранее нигде не публиковался. Живет в Новочеркасске.

Грешнова Фарида Фаридовна родилась в Новосибирске в 1956 г. Окончила Ленинградский институт точной механики и оптики (ЛИТМО). Работала инженером-оптиком в ЛИТМО и на Новосибирском приборостроительном заводе. Служила в МЧС, подполковник. В настоящее время на пенсии. Работает руководителем Выставки пожарно-спасательной службы Новосибирской области. Живет в Новосибирске.

Дружинина Валерия Игоревна родилась в 1986 г. в Новосибирске. Старший научный сотрудник ГАУК НСО «Новосибирский государственный краеведческий музей», хранитель коллекции стекла и керамики. Живет в Новосибирске.

Кожухов Игорь Александрович родился в 1967 г. в с. Береговое Новосибирской области. Работал строителем, сантехником, плотником, мастером на рыбозаводе, рыбаком, кочегаром. Живет в с. Береговое.

Комаров Константин Маркович родился в 1988 г. в Свердловске. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук. Публиковался в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь» и др. Лауреат ряда литературных премий. Автор нескольких книг стихов и литературно-критического сборника «Быть при тексте». Член Союза российских писателей. Живет в Екатеринбурге.

Матюшенко Сергей Васильевич родился в 1955 г. Образование высшее. Автор рассказов и произведений для детей. Публиковался в журналах «Алтай», «Барнаул литературный» и др. Живет в Барнауле.

Мельников Дмитрий Петрович родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил филологический факультет Ташкентского государственного университета. Работал литературным редактором, верстальщиком, художником-дизайнером. В настоящее время работает по специальности дизайнер-

полиграфист. Публиковался в журналах «Знамя», «Звезда Востока», «Новый журнал» и др. Автор двух книг стихотворений. Живет в Москве.

Орлов Павел Александрович родился в 1974 г. в Новосибирске. Окончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, направление «история». Научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея. Охотник, рыбак, участник археологических работ в Хакасии, Красноярском крае, Новосибирской области и на Земле Франца-Иосифа. Живет в Новосибирске.

Сайдаков Виктор Иванович родился в 1951 г. в пос. Сибирском Новосибирской области. Окончил Новосибирский пединститут и военное училище. Работал в школе, служил рядовым в ГСВГ, в военных газетах и журналах. Уволился в запас полковником. Десять лет возглавлял департамент МА «Сибирское соглашение». Пишет стихи и прозу. Публиковался в журналах «Воин России», «Новосибирск», «Дальний Восток», «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Чолокян Владимир Тигранович родился в 1994 г. в Пензе. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного университета по специальности «английский язык». Живет в Пензе.

Шевченко Ганна родилась в 1975 г. в г. Енакиеве Донецкой области. По профессии бухгалтер, финансовый менеджер. Работает администратором в культурном центре. Публиковалась в журналах «Арион», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Октябрь», «Сибирские огни» и др. Лауреат ряда литературных премий. Автор трех книг прозы и четырех поэтических сборников. Член Союза писателей Москвы, член русского ПЕН-центра. Живет в Подмосковье.

Шульпяков Глеб Юрьевич родился в 1971 г. Окончил факультет журналистики МГУ. Автор четырех книг стихотворений, пяти романов, нескольких пьес и сборников путевых очерков. Обладатель поощрительной премии «Триумф» в области поэзии (2000). Ведущий еженедельной программы «Достоиние республики» на телеканале «Культура» в сезонах 2008—2010 гг. Живет в Москве.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 08.11.2020. Дата выхода № 12 за 2020 г. в свет 15.12.2020.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.